Евгений Березняк

ОПЕРАЦИЯ «ГОЛОС»

РАССКАЗ РАЗВЕДЧИКА

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

ОПЕРА

Евгений
Березняк

ОПЕРАЦИЯ «ГОЛОС»

РАССКАЗ
РАЗВЕДЧИКА

Москва
Издательство
«Республика»
1992

ББК 63.3(0)62
Б48

Литературная запись
БОРИСА ХАНДРОСА

Березняк Е. С.
Б48 Операция «Голос»: Рассказ разведчика.— М.: Республика, 1992.— 256 с.: ил.
ISBN 5—250—01205—1

В 1967 году по телевидению с большим успехом прошла демонстрация фильма «Майор Вихрь». В основу фильма легли подлинные события, рассказывающие о том, как группа советских разведчиков, действовавших на территории Польши в годы войны, вместе с польскими патриотами предотвратила чудовищное преступление гитлеровцев по уничтожению древнего города Кракова.

Об этой и некоторых других смелых операциях разведгруппы «Голос» рассказывает ее бывший командир, военный разведчик Евгений Березняк.

Б $\frac{0503020600—044}{079(02)—92}$ 134—91 **ББК 63.3(0)62 + 63.3(2)722.5**

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *В. А. Зотова*
Художник *Л. Г. Бакушева*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*
ИБ № 8532

Сдано в набор 13.08.91. Подписано в печать 29.11.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,06. Уч.-изд. л. 14,64. Тираж 100 000 экз. Заказ № 339. Цена 6 р. 30 к.

Российский государственный информационно-издательский Центр «Республика» Министерства печати и информации Российской Федерации.

Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151, Екатеринбург, пр. Ленина, 49.

ISBN 5—250—01205—1

© Е. С. БЕРЕЗНЯК, 1992

ная повесть о д
ных разведчиков
манией территор

Готовясь к в
де всего, должен
забыть свою био
ленную биографи

Оставляя ком
он, по сути, ост
ние, надолго, ин

Почти 20 п
настоящих имен
жию, оставались
даже мои близки

О публикации
не могло быть и

Впрочем, не т
другие причины.

И все же с
потребность огля
моим товарищам

Солдаты невид

Одно дело — б
всех, чувствуя л
вать во вражеско
нейших условиях
самостоятельные
пок прежде всего

Работа разведч
приключений, как
фильмах, а тяже
труд, требующий
ний, мужества, н
отдачи всего себя

Все надеялся,
шло. В 1963 год
публикация «Раск

ОТ АВТОРА

Эта книга — строго документальная повесть о деятельности небольшой группы военных разведчиков на оккупированной гитлеровской Германией территории Польши, в районе Кракова.

Готовясь к выполнению задания, разведчик, прежде всего, должен отказаться от своего имени, надолго забыть свою биографию и поверить, врасти в вымышленную биографию-легенду.

Оставляя командованию свои документы и ордена, он, по сути, остается вне закона. А выполнив задание, надолго, иногда навсегда, остается неизвестным.

Почти 20 послевоенных лет не знали наших настоящих имен польские друзья, побратимы по оружию, оставались в неведении о моей службе в разведке даже мои близкие родственники, друзья.

О публикации документальной повести долгие годы не могло быть и речи.

Впрочем, не только из-за обета молчания. Были и другие причины.

И все же с каждым годом все больше крепла потребность оглянуться, осмыслить все то, что мне и моим товарищам пришлось увидеть, пережить.

Солдаты невидимого фронта...

Одно дело — бороться, стоять насмерть на виду у всех, чувствуя локоть товарища, другое — действовать во вражеском тылу, когда приходится в труднейших условиях работать в одиночку, принимать самостоятельные решения, отвечая за каждый поступок прежде всего только перед своей совестью.

Работа разведчика — это не серия захватывающих приключений, как порой изображается в книгах и фильмах, а тяжелый, кропотливый, изматывающий труд, требующий серьезной подготовки, знаний, умений, мужества, находчивости, смелости и всегда — отдачи всего себя делу, которому служишь.

Все надеялся, ждал: придет время. И оно пришло. В 1963 году в «Красной звезде» появилась публикация «Раскроем их имена», а в 1966 году в

«Комсомольской правде» — документальная повесть «Город не должен умереть». В этих публикациях рассказывалось о деятельности группы разведчиков «Голос» в тылу врага, были названы наши настоящие имена. Позже, в ноябре 1967 года, на телевизионные экраны пришел «Майор Вихрь». Нет нужды пересказывать содержание фильма. Напомню только, что герои ценой собственной жизни спасли древнюю столицу Польши — Краков. И хотя фильм игровой, художественный, образы его героев собирательные, ряд событий, трагический финал вымышлены, но в сюжетной канве фильма раскрыты дела нашей группы «Голос».

Затем пришли другие фильмы, публикации.

И вот письма. В мой адрес и в адрес моих товарищей. Письма из разных концов Советского Союза, из Польши, Болгарии, Венгрии, Югославии. Тысячи писем. И почти в каждом — вопрос: «Как все было на самом деле?» и «Расскажите обо всем сами».

Вначале я пытался отвечать на письма. Но из этого ничего не вышло. После публикации в газете «Известия» в феврале 1968 года («Здравствуй, майор Вихрь») я стал ежедневно получать по 150—200 писем. Пришлось попытаться ответить всем сразу. Так в 1971 году в издательстве «Молодая гвардия» появилась документальная повесть «Я — «Голос». Затем — на украинском языке — «Пароль «Dum spiro...» (издательство Политической литературы Украины. Киев. 1972). Книги эти издавались на болгарском (1974), польском (1977), узбекском (1979) языках.

Прошло время. Я не раз посещал Краков, встречался с польскими патриотами, помогавшими нам выполнять боевое задание. Узнавались, вспоминались новые детали. Появилась возможность глубже изучить архив группы. Все это позволило многое осмыслить заново, значительно дополнить ряд эпизодов, уточнить и подготовить — на этот раз вместе с киевским литератором Борисом Хандросом — значительно расширенную документальную повесть «Операция «Голос».

Пользуясь случаем, хочу высказать сердечную благодарность всем, кто помогал мне в работе над книгой, в частности: Кудрявцеву Владиславу Петровичу, Шаповалову Алексею Трофимовичу, моим польским друзьям, авторам многочисленных писем, побудивших меня написать эту повесть, и читателям, чьи пожелания учтены в настоящем издании.

слоем ваты: ул
я почти не чувс
себя от голосо
крываю глаза и
Рванулся к оруж
ными наручника
наблюдаю, как
полевые жандарм
феле, рюкзаке.
ния, немецкие
риканские доллар
гранату! Не в ру
и этих гадов!

Так провалить

Волокут по д
«Гольдфиш, голь
рыбка, которую х
к начальству в ж
повозка. Туда лет
Долго трясемся по

Темнеет. Повоз
поста Войковице.
дит колоколом: пр

---

* Здесь и далее
граммы, рапорты из
№ 4310. Под грифом
Окон. 7 марта 1945 г. х

ПОЕДИНОК

«В ночь на 19 августа 1944 года с аэродрома Ежове на самолете Ли-2, экипаж самолета: командир — старший лейтенант Иванов Д. Е., штурман Прокофьев Е. С., заброшена во вражеский тыл группа «Голос»... Место выброски: высота 43 — в 20 километрах северо-западнее села Рыбна. Выброска удачная».

Из донесения экипажа самолета штабу 1-го Украинского фронта *

...Меня словно обложили толстым слоем ваты: удары сыплются со всех сторон, но я почти не чувствую боли. Окончательно прихожу в себя от голосов — резких, гортанных: немцы. Открываю глаза и сразу натыкаюсь на дула автоматов. Рванулся к оружию — руки намертво скованы стальными наручниками. Лежу и, будто в дурном сне, наблюдаю, как гитлеровцы (по нашивкам узнаю — полевые жандармы) роются в моих карманах, портфеле, рюкзаке. Добыча богатая: батареи радиопитания, немецкие рейхсмарки, польские злотые, американские доллары, пистолет, финка. Мне бы теперь гранату! Не в руки, так в зубы. Взорвал бы и себя, и этих гадов!

Так провалить дело! В самом начале!

Волокут по дороге, но больше не бьют. Слышу: «Гольдфиш, гольдфиш». Это, выходит, я — золотая рыбка, которую хочешь не хочешь, а надо доставить к начальству в живом виде. Откуда ни возьмись — повозка. Туда летит сначала мой рюкзак, затем — я. Долго трясемся по просеке.

Темнеет. Повозка останавливается у жандармского поста Войковице. Вталкивают в каморку. Голова гудит колоколом: провал, провал...

---

* Здесь и далее приводятся документы, донесения, радиограммы, рапорты из «Оперативного дела разведгруппы «Голос». № 4310. Под грифом «Сов. секретно». «Начато 11 июля 1944 г. Окон. 7 марта 1945 г. Хранить б/срочно».

Спокойно! Тебя чему учили? В панику не впадать. Не терять надежду.

Наваливаюсь на дверь: заперта наглухо. Щупаю массивные стены: бетон. И зацепиться не за что. Прибыл...

А ведь готовились. Как готовились к этой ночи! Всю весну и все лето сорок четвертого года. Впрочем, для меня подготовка началась еще раньше...

Стою со связанными руками перед... командиром Красной Армии. В его уставших глазах столько презрения к «дезертиру», «перебежчику», что я прочел приговор себе еще до того, как тот прохрипел моему конвоиру:

— Зачем привел сюда эту сволочь? Мог расстрелять на месте. У меня и без него забот полон рот.

Так глупо, нелепо погибнуть от рук своих! Все, что угодно, мог предположить, только не это. А оснований для расстрела по тем суровым военным временам было больше чем достаточно. Красноармеец задержал меня почти у линии фронта в гражданской одежде. При обыске обнаружил в кармане пиджака две немецкие листовки — так называемые «пропуска» в плен. В них с наглой категоричностью утверждалось, что Красная Армия разбита, Ленинград в железном кольце, солдаты фюрера уже обстреливают Кремль. Требовалась малость: арестовать командиров, комиссаров, бросить оружие и перейти в плен, где всех ожидала чуть ли не райская жизнь. При этом предлагалось иметь при себе «смену чистого белья, мыло, котелок и ложку».

Командир читал листовку медленно, вслух. Осунувшееся скуластое лицо бледнело от гнева:

— Куда же ты, лизоблюд фашистский, девал котелок и ложку? Чем будешь на том свете гитлеровские щи хлебать?

Я молчал. Как сказать ему об истинной цели моей «прогулки» у линии фронта? Поверит ли?

Командир недвусмысленно приказал отвести сволочь, то есть меня, за сарай и... Моя подпольная деятельность, так и не начавшаяся, могла на этом кончиться.

Дальше тянуть становилось бессмысленным. Я выразительно посмотрел на красноармейца:

— Пусть оставят нас одних.

Командир удивился, но требование удовлетворил.

— Выполняю специальное задание командования,— сказал я тихо.— Листовки же прихватил (так оно и было) на случай, если не удастся избежать встречи с немцами.

— Чем,— явно заколебался командир,— вы можете это подтвердить?

— К сожалению, ничем... Подумайте сами, товарищ, уместны ли при встрече с врагом разные справки и удостоверения?

Командир задумался.

Я не очень надеялся на благополучный исход. Но, видно, было в моем голосе что-то такое, чему он поверил. Мы расстались друзьями

Доверять — не доверять? В тылу врага это вопрос жизни и смерти. И когда надо было решать уже мне, я не раз вспоминал [illegible] командира, его доверие авансом.

А случалось всякое на войне. Знавал я людей: на словах — кремень, а на проверку — трухляк. Не приведи судьба оперется на такого в трудную минуту

...В январе 1942 года на Днепропетровщине гитлеровцы захватили группу наших товарищей. Я потерял связь с подпольным райкомом. Полицаи разыскивали и меня. На моей квартире перевернули все вверх дном.

С наступлением сумерек я ушел в степь. Ночь застала меня на окраине хутора Солдатского *. Тут жил учитель местной начальной школы Перекатов **. С этим человеком я в свое время, как говорится, пуд соли съел. Ко мне он относился по-дружески. Я предположил, что Перекатов должен быть дома. В армию его не взяли по состоянию здоровья. Эвакуироваться не успел.

Подойдя к усадьбе учителя, оглянулся — ни души. Хорошо зная расположение комнат, осторожно постучал в кухонное окно. Хозяин дома несколько раз переспросил: «Кто?» — и открыл дверь. В сенях при тусклом свете керосиновой лампы он оглядел меня с ног до головы.

Евгений Степанович?! Вы... произнес дрожащим голосом.

---

* Название хутора изменено
** Фамилия изменена

Я спросил, не могу ли я у него переночевать. Уйду на рассвете. Он решительно замахал руками.

— На хуторе карательный отряд... Я вас не знаю, вы — меня. Каждый сам по себе — такое теперь время.

Что делать? Ночь. Мороз до 40 градусов. В Солдатском никого, кроме Перекатова, не знал. Ночью дорога, улицы патрулировались гитлеровцами.

— Тогда, может, в коровнике разрешите переночевать?

Перекатов зло зашипел:

— Уходите... Сейчас... Немедленно.

И этого человека я считал чуть ли не другом!..

Захлопнулась дверь. Мелькнула тень с лампой.

Огородами я вышел в поле. В километре от хутора стоял осиротевший, никому теперь не нужный комбайн. Он-то и «приютил» меня на ночлег.

Тут не так мело. Тянуло ко сну. Странная сладкая истома разлилась по всему телу. Запахло свежескошенным сеном, медовым запахом цветов. Я оказался на лугу. И поплыл в зеленой лодочке. На какое-то мгновение вырвался из плена видений и понял, почувствовал: замерзаю. Снег заметет следы. Закоченеешь, и найдут тебя весной... Ну и пусть... Безразличие охватило меня. Спать... Спать...

Нет! Я еще живой. Не сдамся! Вывалился из комбайна. Ватные ноги совсем не слушаются. Делаю шаг, другой. Падаю. Поднимаюсь, снова падаю. И снова поднимаюсь. Нет, не сдамся!..

Теперь в камере, вспомнив Перекатова, я вновь словно пережил ночь в комбайне. Как это ни странно, именно тот давний эпизод встряхнул меня, заставил взять себя в руки.

Спокойно! Спокойно! Проанализируй все сначала. Где допущена ошибка?

Вновь и вновь перебираю в памяти события последних дней.

Больше месяца мы ждали той минуты, когда скажут: летим.

Последний раз всей группой отрабатываем сигнал сбора — водим финкой по лопате. Звук скрежещущий, как у ночной вспугнутой птицы. Придирчиво «допрашиваем» друг друга.

Наконец-то подошла штабная машина. На аэродроме нас встречает полковник «Павлов» (про себя

мы называем
ему. С ним бу

Почти час
На прифронте
ждет транспо
войска 1-го
Сандомиром.
дарма, наступ
ных пунктов,
противника и
нию.

Мы в гра
фронтовом аэр
сация. Летчик
тересуются, ко
так артисты.
программу «ко
наты высадки.

Пилот хмур

Вы нам
тили. Ну ничег

В 21.00 пр
Дотошный. Пр
зак. Иначе не
ног остаться.

Инструктор
Заметив на на
второго размер
недовольно хмы
пару портянок.
груза.

— Ну, ни
и лицо его ста
ватым. Видимо
улетают. Очень

Но у войны
Инструктор
сказать, дома, на
бежку и был уби
Все это случ
минуты пребыва
особенно запомни

В 23.00 самол
он от дорожки,
фронта. Горит ка

мы называем его Батей). Наша группа подчинена ему. С ним будем поддерживать связь.

Почти час летим над освобожденной территорией. На прифронтовом аэродроме под Жешувом нас уже ждет транспортный самолет Ли-2. Приятная новость: войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Сандомиром. Продолжая бои по расширению плацдарма, наступающие войска заняли десятки населенных пунктов, завершили окружение группировки противника и ведут успешные бои по ее уничтожению.

Мы в гражданской одежде, и наше появление на фронтовом аэродроме, да еще в день авиации — сенсация. Летчики принимают нас за артистов. И все интересуются, когда начнется концерт. Ну что ж, артисты так артисты. Со штурманом самолета Ли-2 уточняем программу «концерта». И заодно определяем координаты высадки.

Пилот хмурится:

— Вы нам, черти эдакие, весь праздник испортили. Ну ничего: высадим тютелька в тютельку.

В 21.00 пришел инструктор, бог парашютистов. Дотошный. Придирается. Пробует на вес каждый рюкзак. Иначе нельзя: из-за перегрузки можно и без ног остаться.

Инструктор тщательно осматривает парашюты. Заметив на нашей радистке огромные сапоги сорок второго размера — других на складе не нашлось, — недовольно хмыкает. Заставил ее намотать еще одну пару портянок. Наконец все готово. Начинается погрузка.

— Ну, ни пуха ни пера,— говорит инструктор, и лицо его становится каким-то растерянным, виноватым. Видимо, трудно оставаться, когда другие улетают. Очень трудно.

Но у войны свои неписаные законы.

Инструктор вскоре после наших проводов, можно сказать дома, на своем летном поле, попал под бомбежку и был убит шальным осколком.

Все это случилось потом. А тогда, в последние минуты пребывания на Большой земле, мне почему-то особенно запомнились его виноватые глаза.

В 23.00 самолет вышел на старт, быстро оторвался от дорожки, начал набирать высоту. Вот и линия фронта. Горят какие-то села. То слева, то справа от

нас шарят по небу длинные пальцы прожекторов. Через несколько минут к нам приценился вражеский истребитель. Длинная очередь. Одна, другая. «Мессер» сделал еще один залет, снизу. Предупреждаю группу: возможен вынужденный прыжок. Но истребитель, к счастью, так же внезапно отвалил от нас, как и появился. Летим на юго-запад. Протяжный звук сигнала, пора... Дверь настежь. Сверяем часы: 0.30. Под нами непроницаемая темень. Что ждет нас внизу? Главное — дружнее прыгать, кучно, не рассеиваться. Первым вываливается мой помощник Грозд. За ним — радистка Груша *, я — замыкающим.

Мой парашют открывается сразу. Подкидываю ноги. Жду. Земли нет. Странное ощущение: словно завис в воздухе. И куда-то несет, несет. Внизу появляются какие-то светлячки, движутся в одном направлении. Приземляюсь прямо на шоссейную дорогу. Теперь уже можно рассмотреть: светлячки — замаскированные фары машин. Их гул все ближе. Еле успеваю оттащить парашют в кювет. Наготове автомат, граната. Машины мчатся полным ходом. Какие-то обрывки песен, немецкой речи. Кажется, пронесло.

Парашют зарываю в поле. Скребу финкой по лопате — в ответ ни звука. Слышен только лай собак, свисток стрелочника: где-то рядом станция. Откуда она здесь? Не видно и лесных массивов, обозначенных на карте. Голая степь. Дороги шоссейные, железная. Вокруг населенные пункты. Продолжаю давать сигналы, отзыва нет. Видно, сбросили с большой высоты. И совсем не «тютелька в тютельку», как обещал штурман. Вот и развеяло нас в разные стороны. До рассвета шел полем в юго-западном направлении. Забрел в рощу. Рюкзак, портфель запрятал в кусты. Стал снимать сапоги и вдруг услышал шорох. Почувствовал телом, спиной: кто-то смотрит на меня — пристально, неотрывно. Я — за пистолет. Оглянулся: глаза. Огромные, серые глаза. Маленькая косуля в желтых пятнышках. Я тихонько свистнул. Она вздрогнула: скок — только ножки-спички замелькали. Рассмеялся. Хорош Аника-воин — косули испугался.

Теперь на мне костюм, полуботинки. Забираю с собой документы, деньги. Выхожу к дороге. Трасса

Грозд, Груша — клички («псевдо») разведчиков группы «Голос».

становится все оживленней. Появляются первые велосипедисты — местные жители. Их обгоняют тяжелые, груженые военные машины. Уже у самого села встречаю женщин в выцветших косынках. На рукавах нашивки «Ост». Рабыни двадцатого века. Милые девушки, как вам помочь? Все ближе дома, постройки под красной черепицей. Заглядываю в крайний дом. На пороге — старуха. Лицо бронзовое, все в морщинах. Встречает не очень дружелюбно.

— Що то нам муви? Ниц по германски не розумье.

Оказывается, я в Нарах. Краков? Краков далеко. Может, сто верст, а может, сто десять. И граница.

— Какая граница?

— Обыкновенная. Тут Германия, рейх. Там Польша, генерал-губернаторство.

Старуха смотрит на меня, словно я с луны свалился. И вдруг захлопотала:

— Проше пана, каву.

Кофе я выпил, поблагодарил и — обратным ходом, в лесопосадку. Надо осмотреться, обдумать план действий, принять решение. Развернул карту. Не обманула старуха. Силезия — вот куда нас занесло. На все корки ругаю штурмана, пилота. Впрочем, ругай не ругай, а выход один: забрать вещи, самое необходимое, и двинуть в сторону Ольхуш — к границе. С моими документами в Германии ни в селе, ни в городе показываться нельзя.

Лес оказался редким — не лес, а подлесок, но тянулся в нужном мне направлении на восток. Пересек шоссейную дорогу и снова углубился в уже знакомую мне рощу. Рюкзак, портфель нашел сразу. Все сильнее сказывалась усталость: не спал почти двое суток. Присел на пенек. И незаметно для себя задремал. Разбудили жандармы. И все... Был Голос — и нет Голоса. Впереди допросы, пытки. Остается одно — умереть достойно. Но кто сказал, что все кончено? Где вы теперь, мои товарищи? Что с вами? Может, и на ваш след напали гитлеровцы?

Меня на допрос не вызывают. В камеру врываются звуки губной гармоники, пьяные голоса. Суббота. Гуляет жандармерия. Выбросили нас в ночь на пятницу. Гроза и Груша, если их не задержали, успели далеко уйти. Все глуше звучит назойливая песенка о незадачливом ефрейторе. Проваливаюсь. Проснулся. В первое мгновение никак не могу понять,

где я. Бок по-прежнему ноет. Голову разламывает от боли. С трудом отрываю ее от цементного пола. Жандарм молча ставит рядом со мной кружку воды, бросает кусок хлеба и уходит, трижды поворачивает ключ в замке. Есть совсем не хочется. Но воду выпиваю залпом.

Воскресенье... Меня все еще не вызывают. Начальство, видно, отдыхает. Мне это на руку. Кажется, я снова задремал днем. Как бы то ни было, к вечеру настало какое-то просветление. Головная боль прошла. Мысль снова заработала четко. Допрашивать будут ночью или утром. Броситься на конвоиров и офицеров? Хорошая смерть, легкая смерть. До пыток не дойдет. Кто от этого выиграет? Не ищешь ли ты легкой смерти, капитан Михайлов? «Герой, кто погибает с честью, но дважды герой тот, кто выполняет свой долг и остается в живых» — этому тоже учили в разведшколе. Учили искать выход из самых безвыходных положений.

Помнится, вскоре после войны мне попалась небольшая повесть Казакевича. Прочитал запоем. И до сих пор из всех книг об армейских разведчиках не знаю ничего лучше «Звезды».

Однако герои Казакевича — дивизионные разведчики. Они даже не снимали свою форму, действовали в ближнем тылу врага считанные дни, редко — недели. Как правило, работали автономно, полагаясь только на себя. Им не нужны были легенды. А нам предстояла работа за несколько сот километров от фронта, в глубоком вражеском тылу. И обязательно среди людей, хороших и плохих, возможных союзников и... врагов. Мы не могли к ним явиться безымянными, как лесные птицы. И, не зная настоящих имен друг друга, надолго отказываясь от прошлого, от своего «я», мы должны были вживаться в новые имена, в новую, выдуманную для нас жизнь, в свою легенду.

Десятки людей трудились над каждой такой легендой, сверяя имена, факты, детали. Малейшая ошибка могла привести к провалу.

Наша ближайшая цель — легализация в Кракове. Легенды и должны были оправдать прибытие группы в этот город. Так мой помощник Гроза стал жителем Львова. Согласно легенде он работал на одном из заводов, бежал от большевиков. Радистка Груша

по легенде — Анна Молодий. Воспитывалась в детском доме. Из Винницы была отправлена в рейх. Работала в Берлине на военном заводе. По состоянию здоровья освобождена от работы. Теперь пробирается домой. У Груши документы — комар носа не подточит: аусвайс — удостоверение, немецкий паспорт, врачебная справка. Штамп, печать — все настоящее, на бланках, добытых нашими разведчиками.

По-разному врастали мы в легенды. В этом процессе раскрывались характеры моих товарищей. Труднее всего приходилось Груше. Натура цельная, прямая, непосредственная, она [illegible] в легенду, ломая себя. Гроза, [illegible] темпераментный, не без артистической [illegible], входил в новую роль легко, [illegible] это на сцене районного Дома культуры.

В ту минуту, когда [illegible] строгому, неразговорчивому [illegible] штаба фронта, умер и во мне [illegible] Березняк. В прошлом — комсомолец, студент педтехникума, потом коммунист, учитель истории, заведующий гороно и снова учитель. Родился Голов [illegible] капитан Михайлов, он же Владимир Гурский, безработный бухгалтер.

Увы, предвидеть все невозможно. В моем нынешнем положении у столь тщательно разработанной легенды один единственный недостаток: она никак не увязывается ни с пистолетом, ни с гранатами, ни тем более с батареями и денежными знаками — этаким межнациональным банком.

Спокойней, спокойней. Тебя не расстреляли до сих пор, не допрашивали. Ждут указаний сверху? Какая у тебя цель? Выжить. Обмануть, перехитрить гитлеровцев. Они тоже не лыком шиты. А ты перехитри, выполни задание. Об этом и думай. А какие у тебя шансы? Что ты можешь? Первое — группа. Если Гроза и Груша на свободе, сделай все, чтобы поверили: действовал один.

Твоя явка — Рыбна. Рыбна — под Краковом. На землях Польского генерал-губернаторства. А ты в Обершлейзине — Верхней Силезии, отхваченной у поляков. Граница рейха усиленно охраняется. Значит, надо сделать так, чтобы сами гитлеровцы перевезли тебя через границу. Конечный пункт — Краков. Оттуда до явочных квартир рукой подать.

Краков... Краков... Краков... Решение приходит в словах марш-агент. Всю ночь шлифую свои показания. Взвешиваю каждое слово, пробую на зубок и так и сяк.

Что сказать? В чем «признаваться»? Когда?

Сразу «расколоться»? Грош цена такому «признанию». Гитлеровцы знают: наши люди умеют держать язык за зубами. Сразу поймут: игра — или посчитают трусом, с которым и возиться нечего... А я знал: даже гестаповцы с презрением относятся к тем, кто от первой пощечины «раскалывается», готов все разболтать.

Какой же выход? Набить себе цену. На первом допросе, как бы ни мучили, молчать. «Заговорить» на втором. Да так, чтобы поверили: не страх, не слабость, а трезвый расчет, инстинкт к жизни заставили это сделать.

А выдержу ли? Очень важно не упустить момент. С детства испытывал физическое отвращение к побоям, даже к самому прикосновению непрошеной руки. Конечно, случалось — с кем из мальчишек не бывало — и давать и получать сдачу. Но честный бой, даже уличная драка — одно, другое — когда тебя бьют, а ты ничего не можешь.

Из рассказов Олега — моего дружка по разведшколе (о нем речь впереди) — я знал, что фельджандармерия и гестапо придумали немало страшных пыток.

Олег побывал в руках и тех и других. Обрабатывали его и вручную, и, как невесело шутил Олег, «техническими средствами». В спецблоке подвешивали, растягивали с помощью особых хитроумных устройств. Чаще всего избивали резиновой палкой, случалось, сплошь унизанной остроконечными металлическими гайками, наждачными кольцами кожу с мясом сдирали.

Выложенный бордовыми плитками пол, покрытые коричневой масляной краской стены становились липкими. Некоторых узников обрабатывали так, что они не могли самостоятельно двигаться. Олега два раза увозили другие заключенные на носилках с велосипедными колесами.

И так круглые сутки, днем и ночью, в три смены.

— Тут главное, дружище, — повторял Олег, — не потерять контроль над самим собой. Самая коварная штука, когда теряешь сознание. Убьют, ну что ж.

и пуля в бою убивает. Сломить?! Сильного боль не сломит. А вот вывести за черту, за предел человеческого — может. На это и надеются, гады. На бредовое, потустороннее состояние.

Теперь все это ожидало и меня.

В понедельник утром в камеру вошли два жандарма. В их сопровождении я предстал перед герром комендантом и гестаповцами. Один из них сидел за столом. Худой, морщинистый. На столе — вещественные доказательства, мой ТТ, фляга, деньги, документы, батареи. Гестаповец, стоящий рядом, почтительно нагнулся и что-то зашептал на ухо сидящему. Тот в ответ коротко рассмеялся.

— Ви есть золотая рипка. Я есть старый рипак. Пудет рипка говорийт или молчайт?!

Встал. Подошел. И, не дожидаясь ответа, коротко взмахнул рукой. Боль обожгла, сильно тогом ударило. На губах соленый привкус крови.

— Это, Иван, цветочки, ягодки впереди.

Жандармы по знаку гестаповца схватили меня за руки. Дернули. Заломили до хруста в костях. Снова посыпались удары. Я инстинктивно обхватил руками голову: держаться! Стиснув зубы, глотая кровь, обливаясь потом, молчал. Боль врезалась в сердце, туманила мозг.

Только бы не потерять сознание.

В парке Чаир распускаются розы.
Снега белее черешен цветы...

Удар по голове... Цветы, цветы, цветы... Вспухшие, искусанные в кровь губы.

Снятся твои золотистые косы
Снится мне море, и солнце, и ты...

Снова удар. Стол, гестаповцы и жандармы поплыли, завертелись в оранжевой карусели. Боль исчезла. Чьи-то мягкие руки подхватывают и несут меня. Прихожу в себя на полу. Жандарм равнодушно, привычно, словно неодушевленный предмет, поливает меня ледяной водой.

Широко расставив ноги, надо мной раскачивается, как маятник, главный мой мучитель:

— Жиф курилька! Ну что? Будем молчайт, говорийт?!

Спокойно, спокойно! Признание должны выму-

чить — тогда в него поверят. Кто это сказал? Старый казак Шайтан славному гетману Богдану? А может, Олег?

Снова бьют. Что ж, вымучивали долго, старательно. Кажется, пора...

Превозмогая страшную слабость, я стал подниматься.

Тело ныло. Боль снова возвращалась, колючими иглами пронизывая мозг.

Гестаповец снова подозвал жандармов.

Я поднял руку:

— Не надо. Хватит. Деваться некуда. Я — советский разведчик.

— Гут, гут. Отвечайт на вопросы! Где группа?

— Я один.

— Доказательства?

— Мои вещи и документы.

— Вещи и документы?

— Да. Я — марш-агент.

Во всех разведках мира есть такие люди — связники, «почтальоны». Их обычно посылают через линию фронта с ограниченной задачей передать уже действующим группам батареи радиопитания, деньги, взрывчатку и т. д.

Вещи, найденные при мне, как раз и выдавали связника.

Поверит или не поверит? Если поверит, значит, Гроза или Груша на воле. Бесконечной кажется минута. Но вот офицер потянулся к телефонной трубке. «Наверху» — это видно по его чуть заметной сухой улыбке — довольны.

— Если все правда,— обращается он ко мне,— можешь рассчитывать на доброту фюрера. Но боже сохрани,— он так и сказал — «боже сохрани».— водить гестапо за нос.

Комендант на радостях расщедрился, мне разрешили умыться. В камеру принесли обед из жандармской кухни. Лапшу со свининой, пиво, даже баночку искусственного меда. Дело было сделано.

Завертелась, закружилась карусель тайной полиции рейха. 22 августа меня отвезли в Сосновец. Наручники не снимали. Вечером — катовицкое гестапо. Снова допрос. На этот раз с большим интересом к деталям. Допрашивал молодой гестаповец в штатском. Переводила девица. Маленькая блондинка, как

только раздава
вскидывала го
данность к па
На меня она
ством, даже с
злорадства. Де
Есть и другие
темпе. Но я уж
— Кто тако
— Марш-аг
— Задача?
— Встретит
Передать ему д
к пятому сентя
— Адреса?
— Никаких
ковском рынке
— Точнее. С
— С двадца
густа.
— Приметы
— Ко мне
роста, средних
ского бостона т
мана пиджака
«Когда вы вые
— Как попа
— Это длин
и не поверите.
— Ну?!
Тут я сообщ
гент. Я — Горд
нец. Работал п
полиции. Не ус
как Кировоград
Перед их прихо
ми перебрался
комат. Мобилизо
ную часть в Жи
нополя на само
явиться, да не у
Почему не
Кто бы по
И я не вер
Как вам у

только раздавалось: «Фройляйн Вэра!», вздрагивала, вскидывала голову. В ее глазах были и собачья преданность к патрону, и неистребимое чувство страха. На меня она поглядывала с нескрываемым любопытством, даже с каким-то сочувствием, хоть и не без злорадства. Дескать, не одна я такая на белом свете. Есть и другие. Офицер вел допрос в стремительном темпе. Но я уже вошел в роль, не сбивался.

— Кто такой?

— Марш-агент, послан для связи.

— Задача?

— Встретиться в Кракове с представителем группы. Передать ему деньги, радиопитание. Получить пакет и к пятому сентября возвратиться к своим.

— Адреса? Явки? Где назначена встреча?

— Никаких адресов у меня нет. Встреча на краковском рынке Тандета.

— Точнее. Сроки?

— С двадцать четвертого по двадцать седьмое августа.

— Приметы? Пароль?

— Ко мне должен подойти мужчина среднего роста, средних лет. Он знает мои приметы: из английского бостона темно-синий костюм. Из верхнего кармана пиджака виднеется розовый платочек. Пароль: «Когда вы выехали из Киева?» Отзыв: «В среду».

— Как попал в марш-агенты?

— Это длинная история, господин офицер. Да вы и не поверите.

— Ну?!

Тут я сообщил новые подробности по одной из легенд. Я — Гордиенко. Родом из Кировограда. Украинец. Работал при немцах секретарем в украинской полиции. Не успел эвакуироваться с вермахтом, так как Кировоград внезапно был взят красными частями. Перед их приходом раздобыл чистые документы. С ними перебрался в соседний район. Сам явился в военкомат. Мобилизовали. Вскоре отправили в специальную часть в Житомир. Оттуда в Тернополь. Из Тернополя на самолете забросили в тыл. Хотел сразу явиться, да не успел.

— Почему не заявили об этом в самом начале? Кто бы поверил?

— И я не верю...

— Как вам угодно. Теперь уже все равно.

Что ни вопрос — ловушка.

— Где приземлился? С кем? Фамилия? Шнель! Живо!

Я свое:

— Выброшен один. Приземлился в лесу западнее станции Псары.

Ночь просидел я в одиночке катовицкого гестапо. Утром двадцать четвертого меня снова привели к знакомому следователю. Тот вскинул на меня свои белесые глаза, заговорил отрывисто, сердито. Фройляйн Вера встрепенулась и пошла выстреливать фразу за фразой. Я узнал, что ее шеф охотно и даже лично расстрелял бы меня, но приказ есть приказ. И, к большому сожалению шефа, меня сейчас отправят в Краков. Впрочем, в краковском гестапо шутить не любят.

После такого напутствия меня побрили, постригли, посадили в уже знакомую черную машину.

ВСТРЕЧА С ГОРОДОМ

...Шуршат шины. С каждым километром все ближе Краков. Разве такой представлялась мне встреча с этим городом? Стиснутый с обеих сторон двумя молчаливыми молодчиками (в машине было их еще двое), я сидел безоружный, со скованными руками. Правда, три-четыре дня выигрывал наверняка. В моем положении и это было немало. Но в остальном мог надеяться только на случай. А я знал уже, что случай сам по себе срабатывает редко. У случая много союзников. Прежде всего — интуиция.

И конечно, нужна решительность, постоянная готовность идти на риск, вера в удачу. И умение выжидать, терпение, точное знание предмета.

Мой предмет — Краков.

Мысленно вновь и вновь обхожу его улицы, площади. В сотый раз заглядываю на Тандету. Город ощущаю почти физически.

Сукеннице...

Университет...

Городская библиотека...

Мариацкий костел...

Таинственный Вавель — замок первых польских королей, теперь - резиденция обер-палача Польши генерал-губернатора Франка. Мне кажется, я мог бы

обойти эти ме
не бывал в Кр
Здесь выну
стит мне чита
щие стройност
нишу не выми
думанной коми
жизнь — неука
оставляю где-т
машину, моих
о человеке, ко
ведчик.
Настоящее
А в разведчик
Степановичем.
себе конспират
подспудное жел
Василием Степ
хайлов. Или пр
именем знали
ские друзья до
в 1964 году, к
другу свои наст
Василий Сте
и преподавателе
чале 1944 года.
словный, не лю
во время лекци
случай, которые
ными, никогда
Уже первые пр
неутешительному
жусь. Прошел,
и запомнить, ско
форм, цистерн.
мгновенно зафик
стюма, узел на
многое: «читать»
сывать нельзя)
улиц, сложные
Потому что не
памятью.
Дело пропло
сколько дней ходи
ли право с такой

обойти эти места с закрытыми глазами, хоть никогда не бывал в Кракове.

Здесь вынужден сделать отступление. Пусть простит мне читатель возможные отклонения, нарушающие стройность рассказа. Без них не обойтись, ибо пишу не вымышленное произведение со строго продуманной композицией, а повесть своей жизни. Любая жизнь — неукатанная прямая дорога. Вот и теперь оставляю где то на полдороге в Краков гестановскую машину, монх «ангелов хранителей», чтобы рассказать о человеке, которому я больше всего обязан как разведчик.

Настоящее его имя я узнал сравнительно недавно. А в разведшколе нашего учителя звали Василием Степановичем. Когда пришло мне время выбирать себе конспиративное имя, я то[illegible] как велико было подспудное желание во всем походить на него — стал Василием Степановичем. Василий Степанович Михайлов. Или просто «капитан Михайлов». Под этим именем знали меня бойцы группы «Голос» и польские друзья до первой нашей послевоенной встречи в 1964 году, когда уже можно было открыть друг другу свои настоящие имена.

Василий Степанович был начальником отделения и преподавателем разведшколы, куда я попал в начале 1944 года. Наш учитель, сдержанный, немногословный, не любил рассказывать о себе и, приводя во время лекций и практических занятий различные случаи, которые он считал полезными и поучительными, никогда не ссылался на свой личный опыт. Уже первые практические занятия привели меня к неутешительному выводу: в разведчики совсем не гожусь. Прошел, к примеру, состав. Изволь подсчитать и запомнить, сколько в нем вагонов, открытых платформ, цистерн. Встретился с нужным человеком — мгновенно зафиксируй цвет волос, глаз, покрой костюма, узел на галстуке. Еще надо было уметь многое: «читать» город по карте, запоминать (записывать нельзя) десятки, сотни названий незнакомых улиц, сложные адреса, пароли. Тут я растерялся. Потому что не был наделен от природы хорошей памятью.

Дело прошлое, но... что было — то было. Несколько дней ходил сам не свой. Как поступить? Имею ли право с такой памятью оставаться в разведшколе?

Эта мысль не давала покоя. Сижу на лекции. Слушаю - не слушаю. А в голове сами собой слагаются строки рапорта на имя начальника школы. Так, мол, и так: «Осознавая свою непригодность, прошу отчислить меня из школы и отправить на фронт или в партизанское соединение».

Не знаю, что именно бросилось в глаза преподавателю: мой отсутствующий вид, неуверенность. Как бы там ни было, после лекции он пригласил меня к себе. Не помню, о чем мы говорили вначале. Но отлично помню тон беседы — искренний, доброжелательный настолько, что я возьми да и выложи все то, что мучило меня в последние дни. Слушал Василий Степанович внимательно. Ни разу не прервал мою сбивчивую речь и ничем внешне не выдавал своего отношения к ней.

— Я ждал этого признания, — заговорил он тихо.— Думается, у вас несколько односторонее, а поэтому неверное представление о нашей работе. Кто вам сказал, что память разведчика — дар божий? Память, особенно наблюдательность, можно и нужно тренировать, как, скажем, спортсмены тренируют тело. В этом отношении разведчик чем то сродни ученому, артисту. Я знаю одного народного артиста, очень известного. Сколько монологов пришлось ему выучить за долгую жизнь на сцене! А в школе чаще всего попадало ему за плохую память. Развил. Человек все может, если сильно хочет. Видели, слушали Остужева — Отелло? А ведь он выучил, сыграл свою любимую роль, может быть самую трудную в мировой драматургии, когда почти полностью потерял слух. А вы говорите — рапорт!

Я смутился и сказал, что с рапортом действительно, кажется, поспешил. И тут же признался, что заочное знакомство с Краковом идет туго.

— Вот что, загляните ко мне завтра. В восемнадцать ноль-ноль. Я постараюсь подобрать для вас кое-какую литературу. Вы ведь историк?

Подбор книг мне сначала показался странным: польский путеводитель, исторический очерк, карта города с немецко-польскими названиями. Но мне ли говорил историк, азарт исследователя. Одно дело — просто заучивать трудные, непривычные для уха названия, другое — шаг за шагом открывать для себя старинный Краков.

Неожиданно
которые раньш
ными кирпичи
заинтересовали
Большой рынок
связными. В б
раствориться, н
Далекий, не
роднее. Порой
что мне только
разлуки.
Невеселое вы

что мы въехали
навливаемся у
Над входом тя
краковское геста
Меня ждали.
В комнате следо
десантникам, бр
советского произ
ники. Поморщил
гарету. И вовсе
к столику. Стал у
с медом. Он о
обходительный ге

* Во время гитле
дом ужаса стал синон
дрожь. Оно, напомина
спасенный город», оп
Шуха» для варшавян.
Ирония судьбы,
как гласил учредитель
культуры и науки, к
извечно польской Сил
нов». Именно в этом
годы оккупации разм
которые стали местом
других национальносте
рые здесь мучились
мемориальная доска с
ление гестапо, в котор
пытали и убивали ты

Неожиданно ловлю себя на том, что названия, которые раньше так не давались мне, теперь прочными кирпичиками укладываются в памяти. Особенно заинтересовали меня Сукеннице, рынок Тандета. Большой рынок – удобнейшее место для встречи со связными. В бурлящей толпе легче при надобности раствориться, исчезнуть.

Далекий, незнакомый город становился все ближе, роднее. Порой мне казалось, что я уже жил в нем, что мне только предстоит возвращение после долгой разлуки.

Невеселое вышло возвращение...

ТАНДЕТА

Машина начала петлять, и я понял, что мы въехали в город. На углу Поморска * останавливаемся у 3-этажного здания в стиле модерн. Над входом тяжело нависает флаги со свастикой: краковское гестапо.

Меня ждали. Сразу привели на второй этаж. В комнате следователя, по-видимому специалиста по десантникам, бросились в глаза рации да рюкзаки советского производства. Следователь заметил наручники. Поморщился. Приказал снять. Предложил сигарету. И вовсе не спешил с допросом. Пригласил к столику. Стал угощать жареным мясом, вермишелью с медом. Он оказался шутником философом, этот обходительный гестаповец.

---

* Во время гитлеровской оккупации одно слово «Поморска» – дом ужаса стал синонимом улицы – вызывало у жителей Кракова дрожь. Оно, напоминает изданный в 1988 году альбом «Краков – спасенный город», означало для них то же, что страшная «Аллея Шуха» для варшавян.

Ирония судьбы, а точнее, прихоть истории. Дом под № 2, как гласил учредительный акт 1913 года, «был заложен для блага культуры и науки, как символ постоянной и нерушимой связи извечно польской Силезии с древней столицей Пястов и Ягеллонов». Именно в этом здании, названном «Силезским домом», в годы оккупации разместились гестапо и следственная тюрьма, которые стали местом пыток и смерти тысяч поляков и узников других национальностей. Для увековечения памяти о героях, которые здесь мучились и погибли, после войны была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме находилось управление гестапо, в котором в 1939–1945 годах гитлеровские варвары пытали и убивали тысячи поляков. Вечная память мученикам».

— Живая собака,— подмигнул он мне понимающе,— лучше мертвого льва. Не так ли, приятель?

Вел допрос, пересыпая его шутками-прибаутками вроде того, что «игра стоит свеч», что «снявши голову по волосам не плачут» и что некоторые провинциальные следователи (намек на Катонице) разбираются в делах разведки, «как свинья в апельсинах».

Эти русские пословицы на правильном русском языке, почти без акцента, в устах матерого врага звучали обиднеей, кощунственней самых грязных ругательств и угроз. Он видел во мне послушную поджимающую хвост собаку, заарканенную настолько, что уже не очень важно, можно ли ей верить целиком или нет.

Следователь позвонил. Внесли темно-синий костюм, вытюженный, очищенный от пятен крови, туфли, пять тысяч злотых, батареи и сигареты.

— Одевайся, приятель, и на работу. Пойдешь на рынок и будешь продавать свои часы. Будешь — как это у вас? — подсадной уткой. Ха-ха! И не вздумай, приятель, из пса превратиться в льва. Вмиг схлопочешь пулю.

Одетый, я было уже направился к дверям, уверенный в том, что первый раунд выигран мною, и тут снова раздался насмешливый голос:

— Минуточку, приятель. Кто спешит, тот людей смешит. Вот карта рынка. Покажи, в каком месте у тебя назначена встреча.

Подхожу к столу. Карта-схема. Вроде наших школьных контурных. Хитрая карта. Без названий.

Затылком ощущаю настороженный, ловящий взгляд следователя, взгляд гончей, идущей по следу.

Так вот на чем задумал поймать!..

Тяну с ответом и словно слышу вкрадчивый, липкий голос: «Давай, давай, голубчик, лезь в капкан».

— Ошибочка,— говорю,— господин следователь. Федот да не тот. Мне, господин следователь, нужна Тандета, а тут карта Главного рынка.

Теперь можно обернуться. Охотничьи огоньки в глазах «весельчака» гаснут.

— М-да... действительно ошибочка. Вот тебе, приятель, Тандета... Значит, здесь? Теперь марш на работу.

В закрытой машине довезли до почтамта. Пер-

водчик еще раз напомнил напутствие «весельчака», рассказал, как попасть на рынок.

Пришел на место, где продают часы. Очень неудобное для побега: узкий переулок и мало людей. Рядом со мной тут же выросли молодчики — тоже с «Омегами». Куда я — туда и они. Я заломил такую цену, что покупатели один за другим отходили разочарованные. Под вечер меня отвезли в Монтелюпиху *— краковскую тюрьму гестапо. Днем — в том же сопровождении — снова на работу. На этот раз мы прошли через весь рынок.

Тандета гудела огромным ульем. Торговались отчаянно. Шум, крик, гам. Все тут продавалось и покупалось: зажигалки и бритвальеры, спиреты, иголки (чемодан иголок — и ты миллионер), «кваснее млеко» и новые солдатские панели, порнографические открытки и старинные издания Библии в переплетах из телячьей кожи, тончайшие голландские кружева и... тифозные вши, что «сестрички» «сестричками» Мальчишки — местные гавроши — продавали их солдатам маршевых рот. Товар этот пользовался повышенным спросом. Солдаты фюрера нередко предпочитали тифозный барак фронту: высокая температура, обнаружение «сестричек» спасали от «катюш» и «котлов».

И все это среди островерхих башенок, у старинных лавок, средневековых амбаров с подъемными механизмами. Рынок буквально кишел людьми: горожанами, приезжими гуралями **, офицерами и солдатами вермахта. В этой толчее, в шуме и гаме, в многоголосом разноязычии — что только не мерещилось мне: налет советской авиации на Краков, акция польских патриотов, сумятица, пьяная свалка. И я тянул время, замедлял шаги, чувствуя затылком неторопливые взгляды, дыхание своих телохранителей.

Нет, дела уж не так плохи. Выше голову, Михайлов. Тут можно попытаться...

Тандета только непосвященному глазу казалась хаотической. Огромный улей делился на соты: обувные и зажигалочные, дамской одежды и мужской,

---

* *Монтелюпиха* — народное название улицы и тюрьмы.

** *Гуралы* — горцы. Так называют себя несколько этнических групп поляков.

соты валютные, где, словно в руках фокусников, мелькали марки, доллары, фунты.

А вот и «наша» улочка. Достаю свою «Омегу». Ходим с провожатыми, будто привязанные друг к другу: никак не оторваться. Под конец дня подошел ко мне какой-то мужчина. Потоптался, спросил (я даже вздрогнул от звуков родной речи):

— Эвакуированный?

— Да.

— Откуда, земляче?

Вопросы напоминали пароль, и мои телохранители насторожились. Хотелось крикнуть: «Сгинь, исчезни! Ведь это я, я тебя выдумал!»

У меня все внутри заныло. А что, если наш человек, что, если поймается на мнимой подсадной утке? Но часы выторговывать «земляка» не стал. Отошел. И снова — никакой возможности бежать.

ПОБЕГ

Честно говоря, я уже начал терять веру. В моем распоряжении оставался один день. Я понял, что допустил серьезную ошибку, ограничив таким коротким сроком время мнимой встречи. Гестаповцы нервничают, начинают подозревать, что все это игра.

На ночь — одиночная камера. А с утра все сначала: Поморска, следователь, Тандета. И результат все тот же — нулевой. Третью ночь в Монтелюпихе спал плохо. Все думал, как быть. Может, сознаться, что для встречи намечены резервные числа, на случай, если резидент не сможет явиться вовремя?

Не выйдет. Следователь не глуп и вряд ли станет глотать подобную наживку. Он из тех, кто мягко стелет, да жестко спать. Догадается, что его водят за нос, и — прощай последний шанс.

Последний шанс...

Сколько хороших людей прошло до меня через эту камеру-одиночку. Многие из них оставили на стенах свои имена, надежды, последний шанс и последнее «прощай».

Скоро утро. Тусклый свет пробивается сквозь зарешеченное окошко, падает на стены, сверху донизу исцарапанные, исписанные огрызками карандашей.

Различаю отдельные слова, строки:

«Нех жие вольносьць!»

«Прощай, Родина! Иван Киевский».

Мысленно пишу и я: «Родину не предал. Василь Днепропетровский». Придут наши, прочитают, поймут. Нет, не слова... Не имею права.

А это что? Латынь? «Dulce est pro patria mori...» — «Смерть за Отечество». Нет, не так. «Сладко умирать за Отечество». Вот когда пригодились львовские уроки... Был у меня там друг поэт, большой знаток и страстный пропагандист латыни. Не зря называл он ее чеканной и мудрой.

Совсем свежая надпись. «Dum spiro, spero!» «Пока дышу, надеюсь!»

Сотни раз слышал я во Львове эти слова из уст моего друга, польского коммуниста. Но только здесь, в этой проклятой камере, по-настоящему понимаю их глубинный смысл. Без надежды, без веры в дело, которому ты служишь, жизнь не нужна. А ты веришь в великое дело своей Отчизны! Итак, пока живешь — борись! До последнего вздоха! «Dum spiro...»

Спасибо, друг. Теперь я знаю, как поступить. Бороться до последнего. И надеяться. Только так. Что бы ни случилось, в эту камеру не возвращаться. Лучше погибнуть на глазах у людей от гестаповской пули, нежели от пыток в этом каменном мешке.

Как важно принять окончательное решение! К следователю захожу совсем спокойным. «Весельчак» на этот раз не улыбался, не шутил.

— Что-то ты, приятель, подводишь друзей. Вечером мы с тобой не так поговорим.

И снова я на рынке.

Тик-так, тик-так, тик-так...— отсчитывала «Омега» последние минуты. Бежать? Сейчас? Нельзя. Кругом люди. Перестреляют. И улочка перекрыта гестаповцами. Ждать, ждать - еще не истекло время.

Вдруг выстрел, второй, третий. Что-то происходит в центре площади, в самом сердце Гандеты. Партизаны? Подпольщики? Ничего нельзя было понять в диком вое, криках, и топоте сотен ног. Толпа прорвалась и на нашу улочку. Меня тоже понесло. Я почувствовал: пришло мое время. Теперь или никогда. Мелькнуло растерянное лицо одного из телохранителей. На какой-то миг наши глаза встретились. Работая локтями, плечом, он рванулся ко мне. Нет,

живым не сдамся! Нырнул в толпу. Схватил чью-то широкополую шляпу, нахлобучил ее по самые глаза. Рискуя быть затоптанным, бросился в соседний переулок. Оглянулся — телохранителей не видно. Завернул за угол. Стараюсь идти неторопливо, по-деловому. Проходными дворами, проулками пробрался к Висле.

В сумерках оказался у высокой каменной ограды. За ней смутно виднелись белые строения, кресты, купола.

Из калитки вышел какой-то человек в черном.

Монастырь. Вряд ли гестаповцы станут меня здесь искать. Перемахнул через ограду и оказался в густых зарослях сирени.

Нагреб сухих листьев — постель готова. Улегся поаккуратней, чтобы не помять свой «английский» костюм. Прислушался. Вроде ничего подозрительного.

Теперь спать, спать.

Сон долго не шел. Только задремал — подозрительно зашуршали листья. Какое-то движение, шорох. Протянул в темноту руку — ежик...

Высоко в небе загорелась зеленая звезда. Если бы мне вчера сказали, что я увижу ее!.. «Ты становишься сентиментальным, капитан Михайлов. Спи,— приказываю себе,— спи!» Треснула сухая ветка. Будто кто-то идет. И снова тихо. Только в ушах звенит. Что-то белеет рядом, словно подкрадывается, готовится к прыжку. Присмотрелся — крест, обыкновенный крест.

Уснуть удалось под самое утро.

Проснулся сразу, словно от толчка. Серело небо. Гасли звезды. Неужели свободен? Спокойно, не каркнул... Теперь надо действовать очень осторожно, рассудительно, не спеша. Твои отпечатки пальцев, фото анфас и в профиль, документы — в руках гестапо. Ты не знаешь, что с Грозой, Грушей. Значит, Краков, краковская явка для тебя не существуют. Уходить через Кашуб — Беляны в Рыбну. Там — запасная явка.

Без происшествий выбрался на дорогу. До Кашуба доехал на попутной повозке. Хозяин ее, пожилой крестьянин, под конец пути разговорился. Из его рассказа я понял: в Кашубе староста — пес, без его разрешения на ночлег могут и не пустить. Решил не рисковать. Обойдемся как-нибудь. Запахи свежего

скошенной тра
сено. Оно нах
детством, и я, з
штука!

люкс» и заша
Явочную кварт
мар — радистка
нам сообщили
по донесениям
ный, секретарь
№ 448 я натки
Сказать по пра
Рыбне по номер
шлось без неже

Ворота небо
ты. Во дворе я у
в шляпе с черн
рел на меня вы

Не без волне

— Имеет ли

Вместо отзы

— Пойдемте

Там хозяин у

— Слив, пан
еще раз знако
нас никто не ус

Капитан М

— Станислав

Станислав об

— Вас давно

завтракайте.

Затем осмотр
поморщился и,
комнату. Возврат
по расстался со
мы стоим рядом
как и на Мали
отец и сын.

Кто-то уже

— Панечка о
нанял ей схрон.

скошенной травы привели меня на луг. Зарылся в сено. Оно пахло винными яблоками, медом, землей, детством, и я, засыпая, подумал: жизнь — преотличная штука!

СТАНИСЛАВ МАЛИК

На рассвете я оставил свой «номер-люкс» и зашагал к Рыбне на условленную явку. Явочную квартиру для нашей группы готовила Комар – радистка из группы «Львов». Накануне вылета нам сообщили фамилию, адрес. Хозяин явки, судя по донесениям Комара, человек надежный, проверенный, секретарь местной партийной ячейки. На дом № 448 я наткнулся неожиданно на верхней улице. Сказать по правде, мне просто повезло. Найти дом в Рыбне по номеру не так-то легко. Но, повторяю, обошлось без нежелательных расспросов.

Ворота небольшой усадьбы были широко раскрыты. Во дворе я увидел пожилого крестьянина в жилетке, в шляпе с черной лентой. Потягивая трубку, он смотрел на меня выжидающе, спокойно.

Не без волнения я произнес пароль:

— Имеет ли пан для продажи сливы?

Вместо отзыва он сказал:

— Пойдемте в хату.

Там хозяин усадил меня за стол.

— Слив, паночку, уже нет. Есть яблоки. Давайте еще раз знакомиться. Эти стены надежные. Здесь нас никто не услышит.

— Капитан Михайлов.

— Станислав Малик.

Станислав обрадовался мне, как родному сыну.

— Вас давно ждут, беспокоятся. Но сначала позавтракайте.

Затем осмотрел меня с ног до головы, недовольно поморщился и, ни слова не говоря, ушел в соседнюю комнату. Возвратился оттуда с ворохом одежды. Я охотно расстался со своим темно синим костюмом. И вот мы стоим рядом, босые, в рваных брюках. На мне, как и на Малике, жилет, шляпа с черной лентой: отец и сын.

— Кто-то уже приходил?

— Панечка одна. Файна дзевчина. Ольга Совецка пашла ей схрон.

— Кто еще?

— Ниц, товажиш капитан.

Паненка, очевидно, Груша. Значит, Гроза еще не появлялся.

Я один на чердаке, заваленном сеном, сбруей, разной рухлядью. Станислав по моей просьбе отправился к Ольге Совецкой.

Какая ты, Комар? Что мне о тебе известно? Ниже среднего роста, глаза карие. Комсомолка. Во вражеском тылу почти четыре месяца. И все это время поддерживает связь, регулярно передает важнейшую информацию. «Смелая, боевая дивчина,— коротко аттестовал ее Павлов.— Из группы осталась одна. Будет работать с вами».

...Сначала над лестницей взметнулись глаза. Не глаза — очи. Встретились с моими. Затем вынырнула вся — в передничке, стареньком платьице, босые ноги. В школе я наверняка принял бы Ольгу за ученицу пятого-шестого класса. Смотрел на нее, и как-то не верилось, не укладывалось в сознании, что эта девчушка-пичужка и есть бесстрашный Комар.

— Здравствуйте, товарищ капитан! С благополучным прибытием.

— Здравствуй, Ольга.

Кинулась ко мне. И тут я почувствовал, что глаза нашей героини отнюдь не на сухом месте.

— Это ничего, это я на радостях, товарищ командир.

Ольга подтвердила: Анка явилась на шестой день. Жива, здорова, сидит у Татуся. Ждет не дождется дяди Васи.

Татусь — так ласково называют Михала Врубеля, батрака,— тоже ждет нас. Для «пана капитана» уже оборудовал в своем амбаре потайную комнатку.

— Отличное убежище,— говорит Ольга.

Откладываю все вопросы на вечер. Спускаемся по лестнице.

— Вам будет хорошо у Врубелей. Это такие люди, такие люди! Татусь, Рузя, Стефа. За советского человека все отдадут. И жизни не пожалеют.

Вскоре нам довелось в этом убедиться.

Мне запомнился первый день у Врубелей. Михал, лысый, долговязый — жилет висел на нем, как на

вешалке,— не мог нарадоваться на свою «дзевчинку»: все одна да одна, а теперь у Ольги и подружка, и пан капитан.

У нашей «файной паненки» Анки лицо расплывается в счастливой улыбке.

— Я за вас, дядя Вася, знаете, как переживала!.. И за Алексея. Хотя почему-то была уверена: с ним ничего не случится. А мне просто повезло. Прыгнула, рванула кольцо и — чуть не задохнулась: стропы парашюта переплелись под самой шеей. Так и летела до земли как... подвешенная. Приземлилась на каком-то огороде. Ботва, капуста. Рядом — дом под островерхой крышей. Слышу шаги. Тяжелые, кованые. Хоть бы, думаю, луна не выглянула из-за туч. Шаги все глуше, тише. Ушел патруль. Быстро, как на учении, собрала парашют, закопала за огородом. Тут луна, словно только этого дожидалась, выплыла, осветила двор, конюшню, посеребрила оленя-флюгер на черепичной крыше. Я замерла. Луна — за тучи. Подаю наш условный сигнал. Тишина. Никто не отвечает. Ближе к рассвету закопала в поле рацию, оружие, переоделась, голову прикрыла платком и — на повязке нарукавной «ост» — стала остарбайтерин *

Документы, сами знаете, железные, не придерешься. Аусвайс, справки, освидетельствование — все по легенде: возвращаюсь из рейха домой по болезни. По дороге присоединилась к таким же, как я, бедолагам. Нас несколько раз останавливали. Проверяли. И пронесло. Спасибо ребятам из разведотдела. Чистая работа. Так вместе с нашими девчатами добралась до Кракова.

У Врубелей мне нравилось. И милые хозяева, и то, что дом на отшибе. А схрон действительно оказался на славу. Зайдешь в амбар — сено по самую крышу. Надо его все разворошить, чтобы добраться до потайной комнатки. Вход и выход — в сторону леса. Доски смазаны жиром, легко, бесшумно поднимаются и опускаются. У выхода — скамейка: конспирация. В этом же доме и рация. Удобно, но... опасно. Чертовски опасно. Представляет ли себе старый Михал, что ждет его самого, дочерей в случае провала? Я спро-

---

* Дословно: работница с Востока. Остарбайтерами гитлеровцы называли советских граждан, насильно угнанных в Германию в качестве рабов, подневольной рабочей силы.

сил об этом и тут же прибавил, что в ближайшие дни постараемся подобрать другую квартиру. Татусь обиделся:

— Разве Ольге у нас плохо? Разве совецкие мне уже не доверяют? Я все знаю, пан капитан. А бояться? Вы, пан капитан, не сомневайтесь: мы, Врубели *, — не воробьи. За Родину постоять сумеем. Нех нас герман боится.

«DUM SPIRO...»

— Товарищ капитан, к вам гостья.

На пороге Ольга, а рядом с ней молодая, модно одетая пани. Красивая, неторопливая в движениях, ясноглазая.

— Капитан Михайлов.

— Валерия.

Вот она какая, связная Краковского подпольного областного комитета ППР (Польской рабочей партии) и Армии Людовой **. За два дня Ольга мне уши прожужжала: Валя да Валя (так называли Валерию). И вежливая, и добрая, и находчивая. И артистка, каких мало. Переоденется в торговку, в монахиню-кармелитку — не узнать. В ней одной — десятки разных женщин.

— Вы только представьте себе, товарищ капитан. Первая наша радиоквартира была в селе Могила. И тут мы узнали о предательстве «Львова». Могила в любую минуту могла для нас обернуться настоящей могилой. Решили перебраться в Рыбну. Валя рацию положила в корзину. Сверху присыпала черешнями. Поездом — до Кракова. Переулками, задними дворами мы наконец выбрались на шоссе. Патруль задержал нас в пяти верстах от Рыбны. Немцы в касках. Нагрудные бляхи-жестянки — полевая жандармерия. Молча возвратили нам аусвайсы, старший вызверился:

— Показывай, что в корзине!

---

* *Врубель* — по-польски воробей.

** *Гвардия Людова*, затем *Армия Людова* — народная вооруженная организация, созданная в годы второй мировой войны для борьбы против немецко-фашистских оккупантов.

А Валя еще и шутит:

— Пули. И такие сладкие, что от них умереть не жалко. Угощайтесь, герр офицер.

Набирает одну пригоршню, другую. И так спокойно это делает, будто не рация, а цветочки лежат под черешнями. А черешня действительно сладкая. Ягоды одна к одной — крупные, сочные, золотистые. Понравились. Старший даже сказал: «Данке шен», дескать, очень даже благодарен. И отпустил. Такая она, Валя.

...Я вспомнил эту историю.

— Где же, очаровательная пани, ваши пули-черешни?

Валя рассмеялась. Тут с корзиной яблок пришел Малик. Мы перебрались в сарай — в мою «квартиру».

— Товарищ Михайлов, вам привет от Михала, — первой заговорила Валерия.— Он просил познакомить вас с обстановкой в городе.

А обстановка сложилась такая. Город, резиденция генерал-губернатора Франка и словам Валерии, буквально кишел гитлеровцами и полицией. Усилили свою деятельность наиболее реакционные элементы НСЗ *. Они проникали в ряды Краковского патриотического подполья. С их помощью гестапо уничтожило три состава краковского подпольного комитета Польской рабочей партии. Теперь действует в глубоком подполье четвертый во главе с Павликом (Бронеком). А товарищ Михал по решению партии стал комендантом 10-го округа Армии Людовой.

1 августа 1944 года в оккупированной гитлеровскими захватчиками Варшаве вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание, которое было организовано и начато руководством Армии Крайовой. Оно приняло массовый характер и было поддержано членами Польской рабочей партии и частями Армии Людовой.

Командование Советской Армии развернуло военную операцию по оказанию помощи восставшим.

Тысячи польских патриотов, с оружием в руках восстали против ненавистных оккупантов. В ходе Варшавского восстания погибло около 200 тысяч человек.

---

* *Народные силы Ярошке.* — Национальные вооруженные силы. Отряды НСЗ действовали на территории Польши в годы Второй мировой войны.

Гитлеровцы ответили новыми жесточайшими репрессиями, которые прокатились и по Кракову.

В Варшаву прибыл сам Гиммлер.

— 6 августа,— рассказывала Валерия, - на Францисканскую улицу въехала колонна грузовых машин. В кузовах сидели солдаты дивизии СС в массивных рогатых касках, с широкими треугольными бляхами. Машины промчались Доминиканской улицей, мимо почтамта. Случайные прохожие бросались врассыпную, пытались прорваться. Но выходы оказались перекрытыми. Всюду стояли солдаты, эсэсовцы. «Хальт! Шнелль, шнелль!» Мужчин хватали на улице, вытаскивали из домов. Не помогали ни «кенкарты» — удостоверения личности, ни свидетельства с немецкими печатями. Всю неделю машины, забитые арестованными, курсировали из Кракова в Плашовский лагерь. Восемь тысяч арестованных — таковы итоги черной недели в Кракове. Гестаповский гребень вычесывал, хватал людей без всякого разбора.

Наша партия в эти дни недосчиталась многих бойцов.

Я слушал Валерию и невольно любовался ею. Эта пани, одетая с иголочки, словно сошедшая с пасхальной открытки, самой природой была создана для разведки. Связной следует полагаться только на свою память. В руках врага записка, адрес, списки людей могут обернуться непоправимой бедой. Валя поражала даже видавшую виды Ольгу своей памятью. Ее донесения, всегда точные, лаконичные, легко укладывались в предельно скупые строки радиограмм.

Подпольщики, снабжая информацией нашу связную, часто, как правило, даже не знали друг друга. Валерия знала многое, и многие нити Краковского подполья находились у нее в руках. Это были надежные руки.

...В ту первую нашу встречу Валерия на словах передала предложение товарища Михала: он и его друзья с радостью будут помогать нашей группе, как они это делали для Ольги.

Договорились о явках в городе.

Я сказал, что хорошо бы иметь особый пароль, условный код для непосредственной связи между «Голосом» и руководством Краковского подполья. Не исключены провокации. Вот почему так важно точно знать, какие именно сообщения, предназначенные для

нас, пройдут через руки товарища Михала. Валерия обрадовалась:

— Отлично, пан капитан. Мой муж, — смущенно поправилась, — извините, товарищ Михал — за строжайшую конспирацию. Что вы предлагаете?

Стали перебирать варианты паролей. И тут я вспомнил последнюю ночь в Монтелюпихе, свою камеру, надписи на стене.

— «Dum spiro, spero!» — вот наш пароль. Нет, просто: «Dum spiro» — [illegible] первые буквы — «D. S.». По этому знаку [illegible] и будем узнавать руку товарища Михала.

— Dum spiro, spero! — [illegible] повторила Валерия. Пока дышу, надеюсь!

— А по-нашему: пока живу, борюсь!

— Думаю, и товарищ [illegible] поправится, — согласилась Валерия.

«D. S.» — десятки [illegible] из Кракова под этим кодом. Информ[illegible] патриотов приобретала в те дни [illegible]. Готовилось новое наступление советских войск. Не за горами — освобождение Кракова. Ц[illegible] подпольщиками, просил сообщить [illegible] о них.

Несмотря на массовые [illegible], лагеря смерти, казни, антисоветскую [illegible] и злобный вой местных националистов, настоящие [illegible] патриоты оставались надежными друзьями нашей страны. Нам, разведчикам группы «Голос», помогали десятки поляков — краковских подпольщиков, о которых мы тогда только догадывались.

— Взять нашу Рыбну, — медленно, с достоинством говорил Малик. — Я и мои товарищи стали тут первыми коммунистами в 1933 году, когда к власти в Германии пришел Гитлер. Игнац Текели, Антон Фелюсь, Игнац Тарговский, Франтишек. За каждого ручаюсь головой. Каждый из них готов выполнить любое ваше задание.

Сколько раз мы имели возможность в этом убедиться!

«Бабця Сендерова» — мать солдата польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, не колеблясь ни минуты, приютила в своем доме Ольгу с рацией. Отсюда и пошли в эфир первые радиограммы Комара.

Центр интересовался военными объектами в самом Кракове. Как туда проникнуть? Вермахт на свои объ-

екты поляков не допускал. Польская патриотка Клара Солтыкова сумела устроиться уборщицей в военный штаб. Она собирала для нас отработанную копировальную бумагу. Надо было ее незаметно спрятать, вынести, передать связной. Одно неосторожное движение, одна-единственная оплошность — и конец. Клара Солтыкова знала, на что идет.

СНОВА ВМЕСТЕ

18 мая 1989 года. Небольшой зал в воинской части. Здесь хранится архив.

Я здесь после почти двадцатилетнего перерыва. Не без волнения и на этот раз пересматриваю изрядно пожелтевшие листки.

Передо мной «Оперативное дело группы разведчиков «Голос».

Вот боевой приказ. А ниже: «Читали и усвоили: Голос, Гроза, Груша». В «Деле» радиограммы Центра и Голоса, легенды разведчиков, справочные материалы, заключения. Все это — в плотной обложке, аккуратно подшито и прошнуровано.

И снова я как бы побывал в Кракове, на Подгале, в маленьких польских весях, на хуторе Санька в Бескидах *.

Передо мной воскресли те далекие, полные опасностей, тревог дни. И эти строки на финише своей нелегкой жизни пишу, дабы полнее — многие радиограммы впервые войдут в эту повесть,— не утаивая просчеты, подчас очень горькие для меня минуты, рассказать о пережитом.

С Центром мы установили связь 1 сентября 1944 года.

«Украинцу. Прибыл в Рыбну. Вступил в контакт с Комаром. Груша на месте. Грозы нет. Рация оставлена возле Бендзина. Груз пропал».

В тот же день.

«1.9.44. Украинцу.
Личным наблюдением Беляны расквартирована моточасть, около 2 полков, знаки: ромб и квадрат внутри три желтых кружка.

Голос, Комар»

* *Бескиды* — северо-западные отроги Карпат.

Ольга переда
когда мы почти
Про себя решил
явился шесть дн
все лицо. Выло
удостоверение ра
настоящий немец
венные карточки.
— Докладывай
Алексей трях
— Есть доклад
Его парашют
пришлось не при
пруд. Выбрался
щил из рюкзака
как было условле
лучами солнца з
По карте определ
рова-Гурнича, в
Кракова.
В Верхней Си
роду. Между ними
— Я подумал,
безопасней. Добра
городской толпе о
на базарной площ
метровыми буква
(«Только для нем
тался рейхсмаркам
ком, на Модронит
с детства буквы.
комитет». Ну яс
А Ра... я не нуж
вался в комнату,
«Комендант». За
Я к нему:
— Сидите тут,
ухой! А мы, постра
— Заспокойтесь
кого бурного патио
сердцу. Розказуйт
Я и выдал сво
Володиска, работал
националист. Бежал
без денег, без работ

Ольга передала первые радиограммы в Центр, когда мы почти потеряли надежду на приход Грозы. Про себя решил: разверием работу без него. А он явился шесть дней спустя. Сияющий, с ухмылкой во все лицо. Выложил кучу подлинных документов: удостоверение рабочего военного завода «Остхютте», настоящий немецкий пропуск — аусвайс, продовольственные карточки.

— Докладывай.

Алексей тряхнул черными кудрями:

— Есть докладывать!

Его парашют тоже отнесло в сторону. Так что пришлось не приземлиться, а приводниться. Прямо в пруд. Выбрался на берег, закопал парашют. Вытащил из рюкзака запасной костюм. Стал сигналить, как было условлено. Ни ответа ни привета. С первыми лучами солнца зашагал прямо по шоссе в город. По карте определил: [illegible] недалеко от Домброва-Гурнича, в ста двадцати восьми километрах от Кракова.

В Верхней Силезии город почти примыкает к городу. Между ними ходят трамваи.

— Я подумал,— рассказывал Гроза,— в трамвае безопасней. Добраться до Сосновца, раствориться в городской толпе оказалось делом несложным. Сошел на базарной площади. Заметил ресторан. На стене метровыми буквами надпись: «Нур фюр дойче» («Только для немцев»). Зашел, подкрепился, расплатился рейхсмарками, побродил по городу. За сквериком, на Модровитрассе, бросились в глаза знакомые с детства буквы. Вывеска: «Украинский допомоговый комитет». Ну ясно, кому этот комитет помогает. А разве я не нуждаюсь в помощи? Не вошел, ворвался в комнату, на двери которой висела табличка: «Комендант». За столом тип в вышитой рубашке. Я к нему:

Сидите тут, тыловые крысы, как у Христа за пазухой! А мы, пострадавшие от Советов, хоть пропадай?!

Успокойтесь, добродию, растерялся от такого бурного натиска комендант, приложив руку к сердцу.— Розкажуйте, що до чого?

Я и выдал свою легенду: дескать, родом из-под Волочиска, работал во Львове, по убеждениям националист. Бежал от Советов, и вот, пожалуйста, без денег, без работы.

- Видно одразу, що хороший чоловик,— приказ-
нился комендант. – Допоможемо.

Дал мне денег — компенсацию за убытки, по-
несенные при «поспешном бегстве», продовольствен
ные карточки и сказал:

— Пидеш, хлопче, в «Остхютте» — на завод. По
нашей рекомендации. Потом подберем что-то получше.
котелок у тебя, вижу, варит.

– Стараюсь, пан комендант!

— С богом.

По рекомендации комитета Алексея в тот же день
зачислили на работу. Поставили в цех нарезать труб
ки взрывателей для снарядов. За три недели наладил
контакт с польскими патриотами. Один из них свел
Грозу с контрабандистами. Те знали все ходы и
выходы, регулярно пересекали границу, переправляя из
рейха в генерал-губернаторство и обратно дефицитные
товары. Они же помогли Алексею добраться до Кра-
кова. А в Санку его привел Генрик Малик, сын
Станислава.

НАША ГРУППА

«Голос» не только мой псевдоним,
но и кодовое название нашей группы.

Каждая радиограмма, посланная в Центр, за под
писью Голос, - сконцентрированный труд, риск не
одного, а всех членов группы.

Нас готовили отдельно, в разных школах. И до
встречи в начале июля 1944 года мы совсем не знали
друг друга.

Война причудливо переплела судьбы людей. У каж-
дого из нас была своя работа, своя дорога. И вот
в Проскурове * дороги эти сошлись в одну.

Первое мое знакомство с Грозой, Грушей и Ком
ром было заочным. Офицер из разведотдела фронта
скупо сообщил биографические данные моих будущих
товарищей.

Гроза – Алексей двадцатидвухлетний комсомо-
лец с Кировоградщины. Молод, но отнюдь не дет
Был до призыва на действительную секретарем рай

* Географические названия даны так, как они назывались в
то время.

кома комсомола.
окончил школу с
Попадал в окруж
В тылу гитлер
лодежную группу
боев был схвачен
ровского застенка
отряде.
После освобож
секретарем райко
циальную подгото
Ефрейтор Гру
линь недавно ок
работала в горко
комсомольской о
при батальоне свя
На рациях раз
Отлично владеет
Вот и все. И м
узнать, какие они
друзья-товарищи.

В начале июл
находился в Прос
фронта поселили м
не города, у желез
В этом домике
Почти ежедневн
ведотдела. Отрабат
ций район деяте
познания о вражес
лений хватало. Но
первая встреча с А
Он заявился в
бросилось в гла
кая шевелюра.
На-под спадающег
поблескивают озор
влетел вихрем. Не
минут. Энергии хо
ный.
Я представил
заместители в част
уравновешенным, мо

кома комсомола. В армии еще в довоенное время окончил школу связи. На фронте командовал взводом. Попадал в окружение и выбирался из него.

В тылу гитлеровцев организовал диверсионную молодежную группу, стал ее комиссаром. В одном из боев был схвачен. Испытал на себе все тяготы гитлеровского застенка. Бежал. Сражался в партизанском отряде.

После освобождения Кировограда снова работал секретарем райкома комсомола. Позже получил специальную подготовку в разведшколе.

Ефрейтор Груша — Анка — еще моложе. Груша лишь недавно окончила десятилетку, короткое время работала в горкоме комсомола. Призвана в армию по комсомольской путевке. Окончила школу радистов при батальоне связи.

На рациях разных систем работает четко, быстро. Отлично владеет [illegible] холодным оружием. Вот и все. И много и мало. Мне не терпелось узнать, какие они на самом деле — мои завтрашние друзья-товарищи.

В начале июля штаб 1-го Украинского фронта находился в Проскурове. Товарищи из разведотдела фронта поселили меня в небольшом домике на окраине города, у железнодорожного вокзала.

В этом домике мы потом жили всей группой.

Почти ежедневно приходили к нам офицеры разведотдела. Отрабатывались легенды, изучался будущий район деятельности. Совершенствовались наши познания о вражеских войсках. Словом, дел, впечатлений хватало. Но из всего мне наиболее запомнилась первая встреча с Алексеем.

Он заявился в наш домик под вечер. Первое, что бросилось в глаза, — буйная, непокорная цыганская шевелюра. Сам среднего роста, худощавый. Из под спадающего на лоб чуба весело, задорно поблескивают озорные глаза. В домик не вошел, а влетел вихрем. Не усидел на одном месте и пяти минут. Энергии хоть отбавляй. И очень уж подвижный.

Я представлял себе разведчика вообще и своего заместителя в частности совсем другим: спокойным, уравновешенным, медлительным, молчаливым. А этот —

говорун, каких мало. Неповеда. Все делает на бегу, в бешеном темпе.

Впрочем, еще в Проскурове я убедился, что Алексей мог легко перевоплощаться. Когда требовала обстановка, становился спокойным, рассудительным. Глазастый, ничего не ускользало от его цепкого взгляда. Стрелял метко, но тренировок не прекращал ни на один день. Вначале облюбовал для себя ТТ, а позже заменил его наганом. Пули одна за другой ложились в черное яблочко мишени.

Он легко сходился с людьми. Обладал этаким магнитом притяжения, особым умением привлекать к себе сердца. Причем все получалось без каких либо заметных усилий с его стороны.

Еще в Проскурове мы, люди с разными характерами, подружились. Я знал, на кого можно положиться. Алексею была присвоена кличка Гроза, а мне — Голос. Мне нравилась его кличка и не очень нравилась моя.

Позже всех в нашем домике появилась Анка — третий член нашей группы. Выше среднего роста, с длинной косой, цупкая, черноглазая дивчина. Внешне — полная противоположность Алексею. Гроза — весь порыв, кипение, стремительность. Анка-Груша — воплощение спокойствия. Неторопliва. В группе самая младшая. Двадцатилетие Анки мы отмечали 21 декабря уже в глубоком тылу врага, в Бескидах, недалеко от хутора Яворже.

В Проскурове Анка усиленно готовилась: отрабатывала технику работы на учебном «Северке», изучала район предполагаемой деятельности группы и врастала в свою легенду.

Обедали мы всегда вместе. Анка накрывала на стол, а мы с Алексеем были ее помощниками. За обедом, за ужином или просто в свободное время мы никогда не вели разговор о нашей будущей деятельности в тылу врага. Таков был неписаный закон. Но каждый из нас постоянно думал о задаче.

Через несколько дней после освобождения Львова мы оставили Проскуров и поселились в особняке на Глинянском тракте во Львове. Здесь нам был объявлен боевой приказ:

«В ночь на 19 августа 1944 года авиадесантом убыть на выполнение специального задания с приземлением в районе - 12 километров западнее

Белян.
Катовице.
Задача
1. Скоп.
2. Пере
сейным и
направлени
3. Места
аэродромов,
4. Нали
характер —
Связь с
Полковник
обстановкой в
группы «Льво
апреле 1944 го
Неудачи пр
бросили «львов
Разведка —
группы тоже о
чалось, попада
ступив к выпо
дни, недели и
оставалось ни
зошло с группо
тов за всю Отеч
Меня шифо
без командира.
я узнал значит
она знала о св
родом из Селез
волосый, причес
создания в Сове
ни Тадеуша Кос
владел русским
страница. Знал и
бождением Киево
ком.
Юзек по
за украинского
славского. Сын
водства. Работал
в Луцке. Там
тии 1939 года.
ночкой врача укр

Беляй, 2 километра севернее шоссе Краков Катовице.

Задача — разведать:

1. Скопление войск и гарнизона в г. Кракове.

2. Перевозки войск и военных грузов по шоссейным и железным дорогам через Краков во всех направлениях.

3. Места расположения штабов, узлов связи, аэродромов, складов и др.

4. Наличие оборонительных сооружений, их характер — по реке Висла и в районе Кракова.

Связь с Центром держать по радио».

Полковник из штаба фронта ознакомил нас с обстановкой в Кракове. Он же сообщил о судьбе группы «Львов», заброшенной в район Кракова в апреле 1944 года.

Неудачи преследовали ее с первой минуты. Выбросили «львовян» далеко от намеченного места

Разведка – не увенчалась [illegible] Другие группы тоже оказывались в [illegible] ситуации. Случалось, попадали в засады, [illegible], так и не приступив к выполнению задания. А то замолкали на дни, недели и выплывали из небытия, когда уже не оставалось ни грамма надежды. Однако то, что произошло с группой «Львов», почти не имело прецедентов за всю Отечественную войну.

Меня информировали коротко: группа осталась без командира. При каких обстоятельствах? Об этом я узнал значительно позднее от самой Ольги. Что она знала о своем бывшем командире? Юзек был родом из Селезии. Высоколобый, гонколицый, русоволосый, прическа с аккуратным пробором. После создания в Советском Союзе польской дивизии имени Тадеуша Костюшко вступил в ее ряды. Свободно владел русским языком, хотя акцент выдавал иностранца. Знал и немецкий. Готовили группу в освобожденном Киеве, где Ольга и познакомилась с Юзеком.

Юзек — по легенде — должен был выдавать себя за украинского националистического деятеля Богуславского. Сын кулака из бывшего Львовского воеводства. Работал в мастерских фирмы Ковальского в Луцке. Там же остался после сентябрьских событий 1939 года. Накануне войны познакомился с дочкой врача украинца Ольгой Петровной. Женился.

Вскоре к Ольге переехала сестра Анна, дочь «пострадавшего» от Советов кулака. Так Комар стала Ольгой Богуславской, «женой» Юзека. И появилась «семья»: муж, жена и свояченица.

Все началось вроде с мелочей. Приземлились кучно, почти рядом. У Ольги рация, НЗ. Шепотом попросила:

— Юзек, возьмите у меня батареи.

— Ишь, чего захотела. У каждого своя поша.

Ни прежней галантности, ни выдержки. Надо, как учили, присыпать место приземления махоркой, чтобы собаки не взяли след. Ольга напомнила, а он еще и накричал: соплячка, а тоже лезет со своими советами.

На рассвете устроили привал в лесу. У Юзека лицо бледное, словно припорошенное мукой. И глаза какие-то недобрые, чужие. А может, показалось? Может, просто раскис; не очень удачно вышло с высадкой: приземлились, как оказалось, за много километров от намеченного места. Подозрение отгоняла от себя. Что только не случается с человеком?

В Кракове Юзек действительно ожил. Чувствовал себя в городе, как рыба в своей стихии. Закоулками, обходя патрулей, привел куда следует.

Разведчики имели адреса, по которым должны были явиться в Краков, и фотографию-пароль: на нее возлагались особые надежды. На фотографии — солдат из дивизии имени Тадеуша Костюшко Петр Сендер, а на обороте - надпись, всего несколько слов: «Мама, очень прошу тебя, помоги этим людям». Нашли Томаша — брата Петра. Тот пообещал устроить девчат. О Юзеке речи не было: он оставался в Кракове, как объяснил, для налаживания связей.

Так разведчицы оказались в селе Могила — около Кракова,— в доме гостеприимной, приветливой «бабци Сендеровой» — матери Петра.

Установили рацию.

Проходит день, второй; Юзек не появляется. А у него документы, деньги. Тут страшную новость привез из Кракова Томаш: на рассвете, как снег на голову, свалился без предупреждения Юзек. Пришел пьяный, угрожал пистолетом, все допытывался, куда он, Томаш, запрятал «клятых девок».

И все-таки оставалась еще маленькая надежда: может, все это случайно, надо встретиться. Встреча

состоялась: у
опухшее.
— Что с в
ный? Где все
— Не твое
мышь, и не ни
На следующ
— Цо бенд
У Юзека
Они ежедневно
в ресторане.
себя красный
Помощь пр
дерам заглянул
с ним молодая
— Мы знае
русском языке
бояться: мы п
миться: Михал
Валентина.
Девушки рас
Кто он: трус, п
— Трус или
хала чернее туч
Надо сменить к
ответ вас в Р
Так и сдела
же не дремал —
Почему не выда
ставленные им
дей из польско
видно, был увер
-ли он, чувство
и Анны, что дни
ду неотступно х
потому что стал
вался.
Приговор по
вели в испол
на Янек Касп
председателя в лиц
в Кракове с Ан

* Что будет? Что

состоялась: у Юзека глаза бегают, лицо багровое, опухшее.

— Что с вами, Юзек? Почему в таком виде, пьяный? Где все эти дни пропадаете?

— Не твое дело. Я командир. Сиди себе тихо, как мышь, и не пискни: жди моего сигнала.

На следующий день снова явился Томаш.

— Цо бендзе? Цо бендзе! *

У Юзека в жандармерии работает родной дядя. Они ежедневно встречаются. По вечерам, пея кров, в ресторане, с гуляющими. Разве так должен вести себя красный командир? Он же всех нас продаст.

Помощь пришла неожиданно. В сумерках к Сендерам заглянули двое: полный, в летах мужчина, а с ним молодая красивая пани.

Мы знаем все, — заговорил гость на чистом русском языке почти без акцента. — Можете нас не бояться: мы польские коммунисты. Давайте знакомиться: Михал, Валерия. Для вас мы Михаил и Валентина.

Девушки рассказали о странном поведении Юзефа. Кто он: трус, предатель?

— Трус или предатель — один черт. — Лицо Михала черное тучи. Теперь он для вас крайне опасен. Надо сменить квартиру. И немедленно. Наша связная отведет вас в Рыбну, к надежным людям.

Так и сделали. А Юзек - Михал в эти дни тоже не дремал - действительно оказался предателем. Почему не выдал сразу? Видно, ждал, чтобы в расставленные им сети попало как можно больше людей из польского патриотического подполья. И, очевидно, был уверен: девушкам некуда деваться. Знал ли он, чувствовал ли после исчезновения Ольги и Анны, что дни и часы его отныне сочтены, что по пятам неотступно ходит за ним возмездие? Видно, знал, потому что стал менять квартиры, а ночами отстреливался.

Приговор по решению подпольного комитета привели в исполнение молодые патриоты из села Рыбна - Янек Касперкевич и Франек Чекай. Они не знали предателя в лицо, поэтому договорились встретиться в Кракове с Анкой - разведчицей группы «Львов».

---

* Что будет? Что будет!

Накануне Анка сообщила Юзеку, что его будут ждать в воскресенье в полдень. Юзек на этот раз был трезв, казался озабоченным. Расспрашивал, где Ольга. Сказал, что его поведение вызвано обстоятельствами, что вскоре группа приступит к выполнению своих обязанностей.

...Стоял солнечный весенний день. Они прогуливались втроем по улице Вьечистой, когда на углу показался Юзек.

Анка кивнула:

— Он!

— Пане, почекай! — обратился к Юзеку Франек.

Анка, прижавшись к стене дома, слышала, как Юзек приглашал подпольщиков к себе.

Франек показал на улицу, что вела к Висле:

— Сюда!

Шли молча. Как показалось Анке, хлопцы что-то сказали про Ольгу.

Услышала голос Юзека:

— А я как раз собирался к ней.

Выбрались на пустынную улицу. Вдали маячил на грузовой платформе возчик.

— Именем польского народа предателю — смерть! — тихо, хотя Анка слышала каждое слово, проговорил Янек.

Юзек бросился в сторону. Раздался выстрел. Анка, будто во сне, видела, как упал ее бывший командир, как побежали почему-то в направлении железнодорожного моста хлопцы.

Они почти достигли его, когда возчик завопил:

— Хватайте бандитов!

Янек и Франек ускорили бег, но гитлеровцы уже заметили их.

Касперкевич и Чекай отстреливались до последнего патрона и упали, пронизанные десятками пуль.

Вскоре при других обстоятельствах погибла и Анна — боевая подруга Ольги. Девушка бесстрашная, смелая. И осмотрительная, сдержанная. Тогда, на Вьечистой, выполняя приказ, разведчица оставалась на месте, не бросилась, вопреки желанию, на выручку товарищам. Однако и с осмотрительным слепой случай может сыграть плохую шутку. Произошло все так. Девушка спешила в район Кшеповиц, где должна была встретиться с Ольгой. В старом автобусе вместе

с Анкой ехала и связная из Краковского подполья. Она-то потом и рассказала о случившемся.

...Немецкий пост. Проверка документов. С этим Анка уже свыклась. Спокойно протянула свою «кенкарту». Гитлеровец долго рассматривал ее, затем приказал девушке выйти, следовать за ним.

Как оказалось, Анку задержали потому, что (вот он, слепой случай!) она пользовалась «кенкартой», выданной в Мелецке. Партизаны накануне разгромили там немецкий обоз с боеприпасами. Гитлеровцы добивались от Анки, где она взяла «кенкарту». Дочь варшавского врача выдержала все пытки, никого не выдала. Ничего не узнав, фашисты отправили Анку в Освенцим, откуда ей уже не суждено было вернуться.

Так из всей группы «Львов» осталась только радистка Ольга (Комар).

«Не комар настоящий овод, говорил о ней полковник из штаба фронта. На месте посмотришь, проанализируешь еще раз ее работу, пригодится».

Что я знал о ней? Скупые анкетные данные. Комар — она же Ольга Совецка (так называли ее польские друзья) родилась в ноябре 1922 года в городе Караколе (Киргизия). После окончания семилетки училась в техникуме, получила среднее техническое образование. По путевке комсомола пошла в армию, закончила школу радистов-разведчиков и проявила себя в тылу врага отважной, находчивой разведчицей.

Разный возраст. Разный опыт. Разные характеры. Когда Груша пошла в первый класс, я уже учительствовал. Когда Комар вступала в комсомол, Грозу призывали на действительную службу.

21 июня в школе, где училась Груша, был бал. До самого рассвета бродили счастливые девчонки по тихим улицам райгородка, еще не зная о том, что война началась.

Я, как заведующий гороно, находился тогда на праздничном собрании львовских учителей, а Алексей в то время со своим взводом связистов был поднят по боевой тревоге.

Да, все у нас было разное. Но объединяло нас главное, общее — стремление защитить, отстоять Родину, все отдать — если понадобится и жизнь — для победы над врагом.

...Незадолго до вылета нашей группы меня вызвали в штаб.

— Догадываешься, зачем вызван?

— Не совсем.

— Решено окончательно. Подписан приказ о твоем назначении командиром группы. Мы,— продолжал офицер,— очень рассчитываем на твой педагогический опыт. Главное — объединить, сплотить членов группы. Четыре голоса должны слиться в один «Голос». И при этом очень важно сохранить, развить индивидуальность каждого.

— Буду стараться.

— Заместитель у тебя хорош. Правда, горяч. Ты студи, но в меру. Подружились?

— Вроде.

— В школе вас многому научили. Но твоя настоящая наука только начинается.

— Понятно.

— И помни, что я говорил насчет группы. Четыре пальца врозь — просто четыре пальца, вместе — почти кулак. Ну, будь здоров и здравствуй, Голос. До встречи где-то в Кракове.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Что привело меня в Рыбну? Как я, представитель самой мирной профессии, стал военным разведчиком, а еще раньше подпольщиком?

Моя довоенная жизнь мало чем отличалась от жизни миллионов наших советских людей. Я родился в Екатеринославе, будущем Днепропетровске, за три года до революции, на Первой Чечеловке — грязном пыльной рабочей окраине. Отец мой, Степан Березань провоевал всю империалистическую. Первое воспоминание связано с ним. Меня, трехлетнего пацана очень напугал чужой дядя, заросший густой рыжей щетиной солдат. Щетина больно колола, я стал вырываться, заплакал (ЧП это долго фигурировало в нашей семейной хронике) и с месяц упорно называл отца «дядьком». «Дядько» побрился, попарился в бане, отмыл, соскреб окопную грязь и оказался молодым, веселым, неистощимым на выдумки человеком. С фронта — дело уже было после революции — он привез одну только гармонь. Отец берег ее пуще

глаза и много лет не расставался с ней. Репертуар его был обширен и воистину интернационален. В империалистическую воевал мой отец под Бобруйском, в Пинских болотах, где, очевидно, подружился с «Лявонихой». Помню еще «На сопках Маньчжурии», «Ой під вишнею, під черешнею», «Ішав козак на війноньку». Но больше всего мне запомнилась солдатская «Ой степ, ти мій степ», потому что играл ее отец очень часто. Он всю жизнь был рабочим. Столярничал на брянском заводе, позже на станции Помошной в вагоноремонтных мастерских, потом снова в Днепропетровске. Никогда не болел. Решительно отказывался от выхода на пенсию. Как жил, так и умер рабочим на семидесятом году в 1954-м, так и не узнав — тогда еще не пришло время,— чем занимался его сын, отбыв в неизвестном направлении в январе 1944 года.

...Незабываемые школьные годы!

В Помошной я учился в железнодорожной семилетней школе. Пел песню про картошку-раскартошку, вкусней которой не найдешь на всем белом свете. Кострами взвивались синие ночи в степи за Помошной. А мы, прижавшись друг к другу, затаив дыхание, слушали нашего директора Ивана Степановича. Теперь я понимаю, какой это был отличный историк. В его рассказах оживали Спартак и Рылеев, Гарибальди и коммунары Парижа. Плыл навстречу своему бессмертию «Потемкин». Щетинилась баррикадами Пресня. В такую ночь я впервые услышал слово «подпольщик». Когда деникинцы захватили Екатеринослав, многие комсомольцы ушли в подполье. За ними охотилась деникинская контрразведка, смерть неотступно ходила следом, а они продолжали борьбу.

Вижу задумчивое, скупо освещенное бликами догорающего костра лицо Ивана Степановича, слышу его глуховатый голос:

Гвозди б делать из этих людей
Крепче б не было в мире гвоздей!

Я вступил в комсомол в 1930 году. Начало 30-х... Это было удивительное и противоречивое время. Эпоха, в которой рядом уживались буревестники и шпиндяи, безудержная смелость и приспособленчество, невиданный героизм и страх. Страницы газет, в том числе и нашей петропавловской районки «Зорьки» и днепропетровской областной «Зари», уже новою

были заполнены громкими процессами того времени: «Шахтинским делом», «Промпартией», короткими сообщениями «Из зала суда» о суровых приговорах, вынесенных «врагам народа», гречкосеям, колхозным «парикмахерам» — за побитую холку коня, за потраву, за стрижку колосков.

Ставились в пример то комсомолец-дозорец, схвативший за руку колхозницу Н. с двумя килограммами колосков, то «передовой колхозник», донесший на соседа, спрятавшего жалкие пуды, а то и килограммы хлеба для спасения детей от надвигающегося голода.

И в этих же номерах сообщения о Днепрогэсе, о штурмовых бригадах Магнитки и Турксиба, о первых арктических экспедициях, дальних перелетах Громова, о стратонавтах, штурмующих в зыбких гондолах небо.

Пропахшие порохом страницы доносили эхо провокаций и стычек на границе. В Италии бесчинствовали чернорубашечники, фашизм рвался к власти в Германии. И все чаще на страницах газет появлялось незнакомое доселе имя — Гитлер.

«Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинения в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Кролик, который увидел удава, не в состоянии двинуться с места. Он покорно ждет, пока удавные кольца сожмут и раздавят его. Мы все кролики. Можно ли после этого работать творчески!..

Уничтожьте страх, уничтожьте все, что рождает страх,— и вы увидите, какой богатой творческой жизнью расцветет страна».

Это из пьесы Афиногенова «Страх», написанной в самом начале 30-х годов.

Теперь, когда многое обнародовано, когда по-новому воспринимаешь, переоцениваешь недавние «истины», монолог профессора Бородина с его выводом о том, что «общим стимулом поведения восьмидесяти

ти процентов всех обследованных является страх», воспринимается не как вылазка классового врага, а как мужественная исповедь ученого-гражданина. Удивляешься прозорливости драматурга. Тогда же — не стану кривить душой! — я наверняка осудил бы старого профессора, «гнилого интеллигента».

Многое из того, что мне приходилось наблюдать в те годы, — работа «чрезвычаек», раскулачивание и выселение — хату разобрали на моих глазах — единоличника, хозяина двух коней, коровы, двух гектаров земли, отца девяти детей; разоблачение и арест «вредителей» профессоров в горном институте, где я одно время учился; поиски врагов среди учителей; заводские митинги, собрания с призывами — до ареста, до суда расстрелять, истребить, как «бешеных псов», то троцкистов, то зиновьевцев, то бухаринцев, то всех вместе, как убийц Кирова — я принимал как должное. Хотя и тогда не мог понять, за что Советская власть наказала моего родного дядю по матери Тимофея Ивановича Федосеева из села Алексеевка Новоукраинского района. Был он бедняк из бедняков. Все его хозяйство — дедовская хата-развалюха, корова, куры, лошади не было.

Но был он ершист, язык за зубами не держал, говорил всегда то, что думал, в глаза начальству и уполномоченным.

Его объявили подкулачником, без следствия и суда, решением «чрезвычайки» сослали на Крайний Север, в Дальлагеря, где он, как и миллионы других еще вчера свободных крестьян, превратился в спецпереселенца, бесправного раба, обреченного на каторжный труд и полуголодное существование. Вскоре и моя тетка Анна с родившимся малышом уехала к нему на Север.

Возвратились Федосеевы уже после войны. Дядя, хотя здоровье его было порядком подорвано, работал в Запорожье, где даже стал ударником коммунистического труда.

Когда он попал в «черные списки» и начались его мытарства, я как раз учился «на вчителя» в бывшем Елизаветграде, городе, который при мне назывался Зиновьевском, а после трагических событий тридцать четвертого был переименован в Кировоград. По совету директора школы Ивана Степановича я в тридцатом году стал студентом зиновьевского педтехникума.

В семнадцать лет получил назначение в Ивановскую начальную школу. Как я проклинал себя, свой выбор в первые дни работы! Что и говорить, воспоминания не из приятных, но... первый педагогический блин оказался для меня горьким комом. Тридцать семь пар глаз требовали внимания, тридцать семь ребячьих глоток спрашивали, жаловались, хныкали, разговаривали в самое, как мне казалось, неподходящее время и молчали — конечно, назло учителю,— когда тот добивался ответа.

Я возненавидел школу, свою профессию и... сбежал в Днепропетровск, в Горный институт. Но, проучившись два года, геологом не стал. Чем больше я отдалялся от школы, тем больше тянуло к ней. Да и голод в 1933 году прижал нашу семью так, что я понял: без моей помощи им не выжить. Словом, явился с повинной в облоно, не скрыл бегства своего и оказался в селе Веселом (Межевский район) в должности учителя математики 5—7 классов. Впрочем, и тут я не с первого дня стал учителем. Но уже было больше знаний, больше житейского опыта, исчезли растерянность и страх перед детьми.

Учителем, однако, сделало меня другое — мужество, душевная красота наших детей в ту трудную, голодную зиму.

О голоде на Украине, унесшем миллионы жизней, в последнее время написано немало. Не стану повторяться. Скажу только, что Веселое общей участи не избежало. «Вмирали, як мухи, ховали, як собак»,— писала мне недавно, вспоминая то страшное время, моя бывшая ученица.

Все это было, но было и другое: благодаря усилиям местного колхоза в школе появились горячие завтраки — чай на сахарине, жиденький суп с крупинками пшена. Я не помню случая, чтобы кто-то из моих учеников перехватил в школе завтрак у своего товарища. Не у всех хватало сил ходить в школу. Кое-кто начал опухать. И остались без горячих завтраков именно те, кто больше всего в них нуждался. Я предложил ослабевших подкармливать, носить им горячие завтраки на дом. Мои ребята — как любил я их, как гордился ими в эти минуты — сразу согласились. И снова-таки не было случая — а голодали все звереки,— чтобы кто-то по дороге съел завтрак товарища.

Многому научили меня в ту зиму мои ученики. Два урока я усвоил навсегда: в любой беде, при любых обстоятельствах оставаться человеком и всегда видеть, будить в человеке Человека. Я и поныне благодарен моим веселовским ученикам: они сделали меня учителем.

Пишу не без надежды, что строки эти попадутся и тем молодым, начинающим моим коллегам, которые теряются, не выдерживают первых испытаний в школе, слишком быстро расписываются в своей педагогической беспомощности, непригодности — и бегут из школы куда глаза глядят. Не скрою: вузовский диплом не патент на [illegible] времена, не индульгенция от будущих упущений и трудностей. Кое-кому действительно полезно [illegible] уйти, переменить профессию. Но и поспешность тут ни к чему. Надо самому распознать, [illegible] в себе педагога.

Впрочем, я снова отвлекся. Веселое окончательно определило мою дорогу. Преподавал в школе, учился заочно в педагогическом институте. Прошел по всем ступенькам школьной и наробразовской лестниц: завуч, директор [illegible] заведующий районным отделом [illegible] образования в Петропавловском районе [illegible] Львове.

Богатым событиями для меня оказался 1939 год. В июне Президиум Верховного Совета СССР наградил меня медалью «За трудовую доблесть». В октябре меня приняли в ряды партии. Летом 1940 года меня избрали депутатом Львовского горсовета, а вскоре назначили заведующим отделом народного образования города Львова. Не хватало опыта, знаний, умения разбираться в людях. Но многое компенсировалось молодостью, энтузиазмом.

Мне везло на хороших людей. Незадолго до начала войны подружился с замечательным журналистом и человеком — Кузьмой Пелехатым. С ним бродили мы по притихшим ночным улицам.

А между тем шел июнь 1941 года. В школах города успешно завершались выпускные экзамены. Мы решили отметить окончание учебного года большим учительским праздником. Долго подбирали помещение, пока не остановились на вместительном актовом зале 25-й средней школы.

В субботу вечером 25-я школа, праздничная, нарядная, принимала учителей города. Домой я возвращался

уже 22 июня на рассвете. Только лег — звонок из горисполкома: «Собирайся, высылаем машину. Есть новости...»

Надолго запомнилось мне это утро, точнее, первые минуты рассветной тишины, покоя. Мы уже подъезжали на дежурной «эмке» к массивному зданию горисполкома, когда поющий, тревожный звук заполнил небо. Самолеты на большой высоте сделали круг над городом, снизились, и от них начали отделяться какие-то черные предметы. Раздались взрывы. Ударили зенитки. Надрывно завыли сирены. Мы бросились через площадь в горисполком.

— Говорят, провокация,— ответил на немой вопрос председатель горисполкома Еременко.— Только какая же это провокация? Звонили из военного округа: на границе идут ожесточенные бои. По всему видать, война, товарищи, война.

Во дворе горисполкома нам выдали оружие. Мы, рядовые и ответственные работники городского и областного исполкомов, стали бойцами объединенного истребительного отряда. Я узнал, что командиром нашего отряда назначен мой земляк, хороший знакомый по совместной работе в Петропавловском районе, начальник управления стройматериалов Алексей Середа.

Вскоре отряд по тревоге посадили на полуторки в Винниках, в десяти километрах от Львова, выброшен вражеский десант. Все, однако, обошлось без нас. Десант окружили и обезоружили красноармейцы из местного гарнизона. Так в первый день войны я увидел пленных гитлеровцев.

Странно вели себя эти пленные. Словно не они, а мы у них в плену. Держались самоуверенно, шутили, похлопывали конвоиров по плечу. Переводчиком неожиданно объявился Кармазин — выдвиженец из рабочих, заместитель председателя горсовета, депутат Верховного Совета УССР. Но и без перевода я понял, что старался втолковать нам высокий, тонкошеий ефрейтор.

Он предложил всем нам «оказать содействие» ему и его солдатам. Гарантировал «за помощь солдатам фюрера жизнь, культурное содержание в лагере для военнопленных».

Я обратил внимание на его руки — мозолистые, натруженные, руки мастерового, рабочего человека. Я так верил в немецких пролетариев, в «Рот фронт»

Сколько раз говорил своим ученикам: если начнется война, верные интернациональному долгу немецкие рабочие схватят Гитлера за глотку.

— Арбайтер? — спросил я, неожиданно вспомнив нужное слово.

— Дойче! — презрительно процедил в ответ ефрейтор.

Тут подошли машины. Пленных увезли. Мы возвратились во Львов.

23 июня впервые появилось в сводках Совинформбюро «Львовское направление». В городе активизировались националистические элементы. Всю ночь работники горпо упаковывали документы, отбирая для эвакуации только самое важное. 24 июня выехали на полуторке. Помню, были с нами директор спецодетдома Яша Мигердичев, Степанов — первый секретарь Сталинского райкома партии Львова, заведующий горфинотделом Гороховский. К счастью, на нашей полуторке оказался и Степан Петровский — директор обувной фабрики, единственный среди нас фронтовик, участник финской кампании, кавалер ордена боевого Красного Знамени.

Мы ехали по дороге, забитой машинами, подводами, беженцами. Армейские части двигались и на запад, и на восток, что еще больше усиливало неразбериху и тревогу.

Выехали на центральную, мощенную булыжниками улицу городка, когда сверху, прямо с неба затарахтел пулемет. Степан сидел рядом с водителем. Он что-то сказал ему. Полуторка рванула в сторону, прижалась к стене. Тут и я заметил: стреляли с колокольни старого костела.

— Не высовываться! — приказал Степан, а сам боковой улочкой побежал к ограде костела, мы — следом. На какое-то мгновение дуло его автомата высунулось над оградой. Мы даже не расслышали очереди. Только короткий вскрик — и тишина. Черная фигурка вывалилась из колокольни, повисла, зацепившись за что-то. Полчаса спустя, прихватив свой первый трофей — пулемет, мы двинулись дальше. Теперь уже во главе с признанным всей группой командиром Степаном Петровским.

Нам здорово везло в тот суматошный первый день эвакуации. Дважды попадали под бомбежки. «Юнкерсы», пикируя с диким воем, сбрасывали не только бомбы, но и пустые бочки из-под бензина.

На обочине шоссе горели машины, повозки. Мы подобрали трех раненых и, словно заговоренные от осколков и пуль, продолжали путь.

Тут случилось то, на что вся наша группа больше всего надеялась: на восток двигались только беженцы, а встречный поток военных машин, повозок, орудий на полной тяге, пехотинцев заметно усилился. В Золочеве узнали, что наши части перешли в контрнаступление. Тут же нас догнал приказ: эвакуацию приостановить, всем партийным и советским работникам возвратиться во Львов.

Утро 25 июня я встретил в своем кабинете. Мы все ходили именинниками. Как я верил в тот день, что самое страшное позади, что война вот-вот переместится на вражескую территорию.

Снова открылись магазины, столовые. На улице Сапеги по распоряжению горсовета развернули ремонт 1-й украинской школы. Начали завозить топливо. Часть школ, правда, пришлось срочно передать госпиталям.

27-го к вечеру город снова затихорадило. Я дневал и ночевал в горисполкоме. Решил на всякий случай прихватить самые необходимые вещи: полотенце, чистую рубашку, бритву. На рассвете наш шофер Яша повез меня домой на Теотинскую, 37. У самого подъезда по машине резанула автоматная очередь. Одна, другая. Мы с Яшей выскочили из машины, бросились в подъезд. На выстрелы уже бежали красноармейцы. Какие-то фигуры выскочили из подвала, бросились бежать.

В этот же день немецкие мотоциклисты ворвались на окраину города со стороны Перемышля. Мы успели проскочить на горисполкомовской машине. До самого Тернополя надеялись, что и на этот раз тревога окажется ложной.

Многострадальные дороги 1941 года! Сколько о нас рассказано, сколько написано... Мне и теперь снится разбомбленный эшелон в Золочеве... Перевернутые вагоны, крики, стоны раненых. Все смешалось, перепуталось. И только одни глаза вижу отчетливо, словно между нами не десятилетия, а единый миг. Эти глаза преследовали меня всюду: и в краковской тюрьме, и в Бескидах. Они и сегодня снятся мне: васильковые, смышленые глазенки, сопящий носик, сосущие губы мальчонки и запекшиеся рыжие нити на груди мертвой матери...

В Тернополе у нас забрали машину. До Волочиска — старой границы — добирались пешком, на попутных подводах. В Подволочиске меня и Яшу Мигердичева приняли за... шпионов. Бойцы из пограничного отряда нас обезоружили, отобрали документы, повели к командиру. Но... нет худа без добра. Командир во всем разобрался. Приказал накормить. И даже помог устроиться на тендер с углем.

В Киев приехали ночью. Вокзал, обычно веселый, празднично освещенный, стоял сумрачный, темный. Смутно белели газетные полоски на окнах. В затемненном пассажирском зале тускло светили синие лампочки, на скамьях, на полу сидели, лежали, спали эвакуированные, красноармейцы, матросы. Пахло шинелями, махрой, железом, ружейным маслом. На веревках, натянутых между скамьями, сушились пеленки. К счастью, водопровод в эти часы работал.

Мы кое-как привели себя в божеский вид, постиранные рубашки надели на голое тело, чтобы быстрее просохли. Хотели тут же отправиться в город, но встреча с патрулями в комендантский час ничего, кроме неприятностей, не сулила. Утром, не дожидаясь трамвая, пошли на бульвар Шевченко, где тогда размещался Народный комиссариат просвещения УССР. Солнце уже хорошо прогрело воздух. Я узнавал и не узнавал знакомые улицы, утопающие, как в добрые мирные дни, в зелени каштанов. О войне напоминали только огромные железные уши звукоулавливателей да длинные, нацеленные в небо стволы зениток.

Наркома, Сергея Максимовича Бухало, не застали: ночью его срочно вызвали в ЦК. Но в коридоре я встретил своего непосредственного начальника. Он спросил, что с львовскими архивами. И тут же сослался на занятость. Неожиданную помощь оказал человек совсем, как говорится, не моего ведомства — начальник Управления детдомами. Мне и Мигердичеву она выделила из каких-то фондов несколько пайков, чистое белье, в котором мы после нашей поездки на тендере весьма нуждались. Помогла связаться по телефону с инструктором ЦК КП(б)У по школам. Тот выслушал мой не очень связный рассказ, поинтересовался планами и посоветовал немедленно выехать за назначением в Днепропетровский обком партии.

В Киеве я пробыл еще два дня. Шла вторая неделя войны. Уже началась эвакуация вузов, универ-

ситета, отдельных учреждений, но никто из тех людей, с которыми я встречался, не придавал этому трагического значения.

— Гитлеру Киева не видать как своих ушей.

Выли сирены противовоздушной обороны, но редко кто убегал в убежище. В кинотеатрах крутили «Чапаева». Песня Лебедева-Кумача вырывалась из черных тарелок репродукторов, звучала на площади Богдана Хмельницкого, где проходили обучение солдаты и ополченцы. Но пели ее теперь строже. Тот же мотив, да слова другие. Не «Если завтра...», а уже «Наступила война...».

Уехал Яша Мигердичев — мой неунывающий, веселый, верный друг. Он увозил на восток группу испанских детей, увозил от верной смерти, от второй войны в их маленькой жизни.

Я встретил его двадцать семь лет спустя на страницах «Правды» (№ 15 за 1968 год).

«Дети Мигердичева». Я пробежал глазами первые строки очерка и сразу вспомнил: Львов, 1941 год, эвакуацию. Дороги войны потом забросили моего друга на берега Волги — в город Вольск.

Была война. Были сироты — дети войны, и отцом их, наставником, другом на всю жизнь стал Яков Антонович Мигердичев — в прошлом комсомолец, слесарь трамвайного депо, сын одесского водопроводчика, впоследствии коммунист, заслуженный учитель РСФСР.

У бывших его воспитанников уже свои дети. И бывшие, и настоящие — четыреста мальчишек и девчонок из Вольского детского дома называют своего директора — попробуй не позавидовать! — дорогим отцом, батей.

...Утром я проводил Яшу. А вечером отправлялся мой эшелон на Днепропетровск. По дороге на вокзал я забежал в Наркомпрос к своей доброй знакомой в Управление детдомами — проститься. Голос у начальницы охрипший, лицо бледное, желтое от недосыпания, а глаза сияют.

— Уже едете? Новость слыхали — сообщение Информбюро? На пикирующем бомбардировщике, да на «юнкерсе», приземлились четыре немецких летчика. Сбросили бомбы в Днепр, а сами сели неподалеку от Киева, на колхозном поле. Сбежались ребятишки, милиционеры, но летчики и не думали отстреливаться. Сдались добровольно в плен. И обращение

написали к своим: дескать, следуйте нашему примеру. — Моя знакомая * ликовала: — Я говорила, говорила, что Гитлер свернет себе шею. И в этом ему помогут немецкие рабочие. Не может пролетариат Германии воевать против своих же братьев по классу. У себя дома Гитлер всех крепко зажал в кулак: гестапо, концлагеря, казни. А на фронте — вот помянете мое слово — будут к нам тысячами переходить. Этот «юнкерс» — только первая ласточка.

Я слушал, а перед моими глазами стоял ефрейтор-парашютист с руками металлиста и головой, начиненной гитлеровским бредом, его спесь, неистовый фанатизм. Но я не стал о нем рассказывать женщине с пожелтевшим от бессонницы и тревог лицом. Да и самому хотелось верить: [illegible] ефрейтор-парашютист — досадное исключение, а летчики-перебежчики, о которых сообщает Инфор[illegible], [illegible].

Такими мы были в [illegible] войны. Охотнее верили хорошим [illegible] плохим. Желаемое нередко выдавали и [illegible] действительность. Тогда мы еще не представляли себе, насколько глубоко гитлеровский яд [illegible] немецкого народа, какой дорогой ценой придется платить всем нам за победу над фашизмом.

Сказанное выше ничуть не умаляет подвига экипажа «Юнкерса-88». Наоборот, с высоты пережитого виднее, каким мужеством [illegible] было обладать, чтобы в первые дни войны, в угаре гитлеровских успехов, когда лавина вермахта, казалось, неудержимо катилась

---

* 15 сентября 1973 года я получил от нее письмо: «Уважаемый Евгений Степанович! Пусть Вас не удивляет, что пишу только теперь, хотя Ваша книга вышла давно. Дело в том, что мои приятели, проживающие в Киеве, прислали мне Вашу книжку и обратили внимание на то, что в ней сказано о Яше Мигердичеве, что и обо мне там сказано, хотя фамилия не названа. Повесть прочитала с волнением. Многое вспомнилось. Спасибо Вам и Вашим боевым друзьям за все, что Вы сделали в борьбе за нашу советскую землю. Спасибо и за то, что добрым словом вспомнили нашего общего друга Яшу Мигердичева. Он всегда, особенно во время войны, с большой душевной щедростью заботился о детях-сиротах, был для них настоящим отцом, мудрым, справедливым, сердечным.

Но вот уже нет Яши. Он умер на 56-м году жизни, оставаясь до последнего дня директором Вольского детского дома Саратовской области. Недавно встретилась с тремя товарищами, которые лично знали его. Добрую память оставил он в сердцах многих людей, долго будет жить в своих детях.

С уважением *Т. М. Любарева*»

на восток, решиться на такой шаг. Как-то, перечитывая первые военные сводки Совинформбюро, я узнал имена четырех летчиков-антифашистов:

«25 июня вблизи Киева приземлились на пикирующем бомбардировщике «Юнкерс-88» четыре немецких летчика: унтер-офицер Ганс Герман, уроженец города Бреславля в Средней Силезии, летчик-наблюдатель Ганс Кратц, уроженец Франкфурта-на-Майне; старший ефрейтор Адольф Аппель, уроженец города Брно в Моравии, и радист Вильгельм Шмидт, уроженец города Регенсбурга.

Все они составляли экипаж, входивший в состав второй группы 51-й эскадрильи. Не желая воевать против советского народа, летчики предварительно сбросили бомбы в Днепр, а затем приземлились неподалеку от города, где и сдались местным крестьянам.

Летчики написали обращение «К немецким летчикам и солдатам», в котором говорят:

«Братья летчики и солдаты, следуйте нашему примеру.

Бросьте убийцу Гитлера и переходите сюда, в Россию» *.

Тут же, в газете, фотографии четырех немецких летчиков-антифашистов.

Называю этих мужественных людей с надеждой, что кому-то известна их дальнейшая судьба, а может, — чего не бывает! — кто-то из них и сам откликнется.

С Киевом я расставался успокоенный, полный радужных надежд. Еще немного, и враг будет остановлен. Кому нашей земли хочется, тот под ней скорчится, а с братьями по классу мы общий язык найдем.

Горький, разъедающий глаза дым. Вой сирены. На привокзальной площади — повозки, орудия, санитарные автобусы с большими красными крестами на крышах. На носилках в запекшихся от крови грязных бинтах — живые мумии. С черными, обожженными лицами. Без рук, без ног. Это — тяжелораненые, ждут отправки.

Я попал в Днепропетровск 9 июля. Как раз после первого налета фашистской авиации.

---

* Это сообщение Совинформбюро от 28 июня 1941 года было напечатано в «Известиях» на следующий день (№ 152).

О подробностях налета мне рассказал знакомый железнодорожник, приятель отца.

«Юнкерсы» нацелились на мосты, связывающие левый и правый берега Днепра. Стратегическое значение их было большим. Зенитки открыли бешеный огонь. «Юнкерсы» повернули назад. Основной груз обрушили на жилые кварталы. Однако центральная магистраль города не пострадала. Тут почти ничего не напоминало о войне. Стало только больше военных, да на окнах появились уже знакомые по Киеву узкие бумажные полоски.

В обкоме встретил старого знакомого Георгия Гавриловича Дементьева — секретаря обкома по сельскому хозяйству. Он, как всегда, куда-то спешил. Увидев меня, пригласил в кабинет. По углам — снопы пшеницы, налитые золотом початки кукурузы, очевидно, прошлогоднего урожая.

Я рассказал Дементьеву о последних днях во Львове, о настроениях в Киеве.

Ну а теперь куда?

— Буду проситься в действующую армию. Сегодня же пойду в военкомат.

— Не спеши. Гитлеровцы [illegible] и прут. Положение серьезное. Захвачены [illegible] Прибалтика, западные районы Белоруссии, Украины. Дело идет о жизни и смерти Советского государства. О жизни и смерти... Понял? А призыв [illegible] в занятых врагом районах партизанские отряды, диверсионные группы? Думаешь, это нас не касается? Победа решается не только на передовой. Фронт всюду. Видимый и невидимый.

— Неужели Гитлер и сюда доберется?

Будем надеяться на лучшее. Однако, судя по последним сводкам, нужно быть готовым ко всему... Ленин учил нас смотреть правде в глаза. И не только видеть, но и предвидеть. Итак, — перешел на официальный тон, — считай себя мобилизованным обкомом.

Зазвонил телефон. Георгий Гаврилович снял трубку.

- Константин Степанович, когда возвратились? Только что? Много беды наделали нам «юнкерсы»? Двухъярусный мост?.. Н-да... А тут у меня молодой человек, наш «кадр». Березняка из Петропавловки помните? Мы его в тридцать девятом рекомендовали на работу в западные области. Только что из Львова. Рвется на фронт. Так... Так... Я тоже такого мнения. Сейчас у вас буду.

Обернулся ко мне.

— Слышал разговор с Грушевым? Вот что, козаче, побудь в городе несколько дней. Что-то придумаем. Загляни в облоно за назначением.

...Передо мной «Личное дело учителя Береняка Е. С.» (мне его переслали товарищи из Днепропетровского архива). На синей обложке аккуратно выведено: «Начато в 1939 году — закончено в 1941 году». Листаю пожелтевшие от времени страницы. Вот и мое заявление с просьбой назначить директором в одну из школ Павлограда, и приказ, утверждавший меня на должность директора школы № 5.

Там я 18 июля приступил к работе. Но долго работать не довелось. 8 августа выехал в Днепропетровск по вызову облоно. В отделе кадров мне сказали: «Срочно явиться в обком к товарищу Дементьеву»...

И вот я снова в знакомом кабинете.

Георгий Гаврилович за то время, что мы не виделись, заметно сдал, похудел. Под набрякшими от недосыпания глазами — темные круги. Он поднялся мне навстречу. Пригласил к столу.

— Только что из района. Чудесные у нас люди. И старые, и малые. Подростки, девчонки водят машины. Не слезают с косилок. Спят на току, работают по 16—18 часов. Урожай какой вырастили: понимают — хлеб нужен фронту. А положение на фронте трудное. Последнюю сводку читал? Ожесточенные бои в районе Киева. Под Уманью немцам удалось окружить наши две армии — 6-ю и 12-ю. Враг рвется к Днепру. Надо готовиться к худшему. Линия фронта приближается все ближе к нашему городу. Эвакуация населения, заводов и фабрик идет полным ходом. Почему вызвал — догадываешься? Павлоград — это тоже была моя идея. Однако обстоятельства изменились. Так что придется тебе сдать среднюю школу и принять совсем в другом месте — начальную.— И доверительно: — Есть решение обкома. Приступаем к организации партизанских отрядов, подполья. Так вот. Ты в Львове ума-разума набрался. Почем фунт лиха знаешь. Буду рекомендовать тебя на подпольную работу. Согласен? С ответом не спеши. Дело очень серьезное. Враг сильный, коварный. Смерть будет ходить по пятам.

Постоянная бдительность и вера в стойкость наших

людей, храбрость и ост
ние и железное терпе
ность, если понадобит
таким должен быть по
взвесь. Посоветуйся са
Предстоит разговор с
Крыша на одну ночь н
— Могу остановить
— С одним услови

слова.

Не скажу, что пред
было для меня полной
началась война, я не
работе в подполье.

Но уже после войн
Георгия Гавриловича,
яние в Павлоград и поче

Идея использовать
созрела у Георгия Гав
шей встречи.

Так появилось назн
не знали, что именно э
пребывания подпольног

Павлоград к тому
густонаселенным город
человеку нетрудно. И
лы — слишком заметна
на себя внимание. Кро
лился состав подпольн
шилась.

...Сестра очень уди
назначении: направлять
начальной школой на
донского района.

Ходил в больши
Учитель начальных кла
пятиклассницу не мо
ений, с армией?

Я что-то промямлил
говорит: со зрением
дила мужа на фронт,
провалиться. Но расска
права...

людей, храбрость и осторожность, мужественное решение и железное терпение, любовь к жизни и готовность, если понадобится, умереть за правое дело — таким должен быть подпольщик. Сможешь? Подумай, взвесь. Посоветуйся сам с собой. А завтра приходи. Предстоит разговор с нашим секретарем по кадрам. Крыша на одну ночь найдется?

— Могу остановиться у сестры.

— С одним условием: о нашем разговоре — ни слова.

Не скажу, что предложение Георгия Гавриловича было для меня полной неожиданностью. Как только началась война, я не раз задумывался о возможной работе в подполье.

Но уже после войны — годы спустя — я узнал от Георгия Гавриловича, чем было вызвано мое назначение в Павлоград и почему оно отпало.

Идея использовать меня [illegible] подпольной работы созрела у Георгия Гавриловича [illegible] время нашей первой встречи.

Так появилось назначение в [illegible]град. Тогда еще не знали, что именно [illegible] будет выбран местом пребывания подпольного обкома.

Павлоград к тому времени был уже достаточно густонаселенным городом, и затеряться в нем новому человеку нетрудно. И все [illegible] директор средней школы — слишком заметная фигура, чтобы не обратить на себя внимание. Кроме того, окончательно определился состав подпольных райкомов — судьба моя решилась.

...Сестра очень удивилась, узнав о моем новом назначении: направляли заведующим двухкомплектной начальной школой на хуторе Николаевка Петропавловского района.

— Ходил в больших начальниках. И на тебе — учитель начальных классов. Что они? В такое время десятиклассницу не могут подобрать? А как же, Евгений, с армией?

Я что-то промямлил насчет здоровья. Врачи, дескать, говорят: со зрением плохо. Сестра недавно проводила мужа на фронт, и я готов был сквозь землю провалиться. Но рассказать ей правду не мог, не имел права...

В Петропавловском райкоме партии принял меня второй секретарь Д. А. Кривуля.

— Все знаю — с обкомом разговор был. Иди в военкомат, в районо — оформляйся. Выезжай в Николаевку. У тебя, Евгений Степанович, задача особая — легализоваться. Врастай, вживайся. И жди. В райкоме больше не показывайся. Нужно будет — сам навещу. Квартиру мы тебе подыскали. Люди верные. Просись к Калюжным — не откажут.

В тот же день мне выдали «белый» билет. Подвела под статью, не помню какую, но выходило, что для строевой службы никак не гожусь.

Вечером я уже был в Николаевке. Начиналась новая жизнь. Занялся ремонтом школы, заготовкой топлива. Приматривался к своим хозяевам, хуторянам. Кривуля слово сдержал. Раза три приезжал ко мне. 1 сентября, как обычно, начались занятия в школе, а через несколько дней Кривуля привез печатную машинку «Ленинград», многотиражный аппарат, радиоприемник, центнера два бумаги, две большие пачки листовок, отпечатанных в районной типографии, но уже за подписью подпольного райкома.

— Вот твое хозяйство, товарищ член подпольного райкома партии. В составе райкома и Борисенко — директор Петропавловской средней школы № 2. Через него будешь поддерживать с нами связь. Явка — мельница в селе Дмитриевка. Где думаешь устраиваться с типографией?

— У Калюжных.

— Держать все хозяйство в одном месте опасно.

— Уже готов тайничок. Сам смастерил. Место сухое, надежное. Будем хранить там листовки, бумагу.

— Инструкцию помнишь? Конспирация и еще раз конспирация, «пятерки» и «семерки» будущих подпольщиков подбирай не спеша. Присматривайся к людям. Семь раз отмерь... В нашем деле тихий, незаметный человек может оказаться героем, а говорун — любитель речей и клятв — мямлей и предателем. Помни: каждый подпольщик знает только свою группу. Арест «пятерки» ни в коем случае не должен привести к провалу всей организации. Ну, будь здоров. Скоро встретимся.

...На всю жизнь запомнился мне последний день и последний час расставания с советскими войсками

Уставшие лошаденки тянули орудия, телеги, высокие зеленые фуры, санитарные фургоны. Красноармейцы шли и шли, сгибаясь под тяжестью ручных пулеметов, намокших скаток. Ночью движение на несколько часов приостанавливалось. Моросил надоедливый холодный дождь. Люди засыпали, прислонившись к плетню, или просто на обочине дороги.

В доме Калюжных расположились комбат и комиссар. На меня посматривали подозрительно. Через несколько часов приказ — немедленно двигаться на восток.

— Мы — последние, товарищ учитель,— сказал, прощаясь, комиссар. И не без иронии: Счастливо оставаться.

Как мне хотелось бросить все, уйти с армией. Только к утру успокоился, взял себя в руки.

После отхода наших войск хутор замер в тревожном ожидании. Николаевцы поспешно прятали зерно, вылавливали в поле приблудных лошадей, коров. Откуда-то поползли слухи о падении Ленинграда, о предстоящем параде гитлеровской армии на Красной площади. Дни стали длиннее, часы казались днями. Мне не сиделось на месте. Решил наведаться в Веселое – село, где когда-то начинал учительствовать. Хотелось узнать обстановку, восстановить довоенные знакомства, связи. За хутором поймал лошадь, сел верхом и в полдень уже подъезжал к селу. У первой же хаты, словно из-под земли, вырос красноармеец.

— Руки вверх! — и начал меня обыскивать.

Что было дальше — читатель уже знает...

Около двух лет находился я на временно оккупированной врагом Днепропетровщине.

Жизнь дается один раз, и каждый прожитый день, даже минуту нельзя повторить. Они все больше удаляются от тебя, а ты от них. Теперь, когда я пишу эти строки, все отчетливее с высоты прожитых лет вижу наши просчеты. Да что теперь, еще в разведшколе я не раз ловил себя на странном желании снова хоть на короткое время оказаться в Николаевке или за конторским столом немецкой фирмы «Украйнель». О ней речь впереди. Сколько можно было бы сделать, умей я десятую, сотую долю того, что узнал в разведшколе!

Да, были и потери, и просчеты, но недаром за одного битого двух небитых дают. Многому научили годы

подполья. Не теряться, находить выход из, казалось бы, безвыходного положения, распознавать людей, следуя правилу: не все то золото, что блестит.

И верить людям.

Читатель, надеюсь, помнит, чем кончился мой визит к «другу» Перекатову.

После той январской ночи, проведенной в степи, в заброшенном комбайне, я пришел, почти приполз, на хутор Шевченковский. Там проживал отец моего товарища — учитель-пенсионер Феденко. Добрался к нему на рассвете голодный, усталый, еле живой. Валериан Михайлович встретил меня, как родного сына. Обогрел, накормил, снабдил крепким, собственного производства самосадом.

Неделю жил я в маленькой изолированной комнатушке в доме Валериана Михайловича. Сыновья его были в Красной Армии. Две дочери эвакуировались за Волгу. Жил он один. Мы жарили картошку в «мундире», макали ее в конопляное масло. Снабжали его бывшие ученики. Хуторяне ежедневно навещали старого учителя, но о моем присутствии никто из них и не подозревал. Зато я слышал все разговоры. Со многими Валериан Михайлович делился своей радостью, информацией, полученной от меня: гитлеровцы потерпели поражение под Москвой. С некоторыми держал себя сухо. Знал, кому можно верить, а кого следует остерегаться.

Милый Валериан Михайлович! Он умер уже после войны. До конца дней своих буду благодарен этому скромному, удивительно сердечному и отзывчивому человеку.

А перекатовы? Они были исключением и теперь вспоминаются как прыщ на здоровом теле народа. Сковырнешь — и нету.

В Николаевке, в Веселом, в Кирпичовке, в Днепропетровске — всюду, куда забрасывала меня судьба подпольщика, я встречал людей, на помощь которых всегда можно было рассчитывать. И враг уже не был для меня ни таким страшным, каким он кое-кому рисовался, ни тем плакатным, глуповатым фрицем, которого запросто можно обвести вокруг пальца. Я научился устанавливать полезные контакты, выуживать у противника сведения, сидеть за одним столом с теми, кто вызывал чувство омерзения и ненависти.

Опыт подпольщика приобретался медленно,

лось — дорогой ценой. Зато как пригодился он позже, когда и обстоятельства, и масштабы стали другими.

А в разведшколу я попал благодаря тому же Георгию Гавриловичу Дементьеву, с которым, к слову, мы после войны часто встречались в Киеве. В последние годы жизни он работал в аппарате ЦК.

Георгий Гаврилович — мой крестный по разведшколе.

Было так.

Когда гитлеровцы стали отступать, мы с Мусей, членом нашей подпольной группы, отправились из Днепропетровска пешком в Сурско-Литовское. Приютили нас ее родственники. Не успели отоспаться, когда под вечер с улицы ворвался чей-то звонкий ликующий голос:

— Наши! Наши пришли!

Мы выбежали из дому. И сразу увидели их: безусого лейтенантика, почти мальчишку, с орденом Красного Знамени на новенькой гимнастерке, и белобрысого, в летах, солдата.

Лейтенант озабоченно спросил: «Немцы есть?» А солдат улыбнулся, подмигнул Мусе. Я не успел и слова вымолвить, как она уже обнимала, целовала солдата. Так же внезапно отошла, закрыла лицо руками и впервые за эти трудные дни — со всхлипами, по-бабьи — расплакалась.

В освобожденный Днепропетровск мы добрались утром на попутной машине. Догорали отдельные здания. По улице Карла Либкнехта, по проспекту Карла Маркса шли какие-то странные машины. Под брезентом угадывались очертания не то ящиков, не то стволов. Это были, как я вскоре узнал, наши знаменитые «катюши».

В парке имени Чкалова пахло дымком, солдатской кашей. На жухлой траве, поближе к походным кухням, на плащ-палатках, прижавшись друг к другу и укрывшись шинелями, спали солдаты. Горели костры. Отблески огня падали на грязные, уставшие, удивительно знакомые, прекрасные лица.

В этот день уцелевшие жители и те, которые уже успели вернуться, собрались на проспекте Карла Маркса у здания полусгоревшего оперного театра. Было нас не густо: что-то около трех-четырех тысяч человек. Подъехал «виллис». Рядом с водителем — полковник. Гляжу и глазам не верю. Не удержался, закричал:

Товарищ Дементьев! Георгий Гаврилович!

Он или не он? Грезил этой встречей. Столько ра
видел ее во сне и наяву, а тут растерялся. Но Геор
гий Гаврилович, похудевший, помолодевший, скинув
ший с плеч добрый десяток лет, уже шел ко мне

— Здравствуй, Евгений. Какими судьбами? Что в
Петропавловске? После митинга ко мне, в обком. Не
забыл дорогу?

Вечером я сидел в кабинете первого секретаря Дне
пропетровского обкома партии. Это по его рекоменда
ции обком оставил меня в тылу врага. Перед ним я
и должен был отчитаться за проделанную работу.

Георгия Гавриловича интересовало все: на кого опи
рался в своей работе, почему потерял связь с подполь
ным обкомом, каковы методы и приемы гитлеровской
пропаганды.

Рассказывая Дементьеву о подпольной работе, я не
подозревал, что некоторые аспекты моей деятельности
будут отражены в боевом донесении начальника опе
ративной группы при Военном совете 8-й армии под
полковника М. И. Филиппова Украинскому штабу пар
тизанского движения. Правда, встретился я с подпол
ковником несколько позднее, а фамилию узнал лишь
после войны. Вот что он сообщил в УШПР:

«До 1 апреля 1942 года Березняк вел системати
ческую агитационную работу в селах Петропавловско
го и Межевского районов, привлекая для этого учи
телей сел Всесвятское, Росишки, Чумаки, Николаев
ка, Преображенка, Григоровка, Веселая, Тарасовка и
других. Работа велась путем распространения листо
вок, газеты «Коммунист» с докладом тов. Сталина
6 ноября 1941 года (сброшена с самолета), свод
Совинформбюро.

В апреле 1942 года Березняку удалось устроиться
чернорабочим на железной дороге. Здесь на участке
Димурено — Межевая через австрийца Науля Рубе
ему удавалось систематически срывать работы по ук
кладке второй железнодорожной ветки... О Рубеже Бе
резняк сообщает, что он разжалован с офицерско
поста в армии, близок к германской компартии.
войны работал на железной дороге г. Магдебург, он
его расстреляли фашистами в 1935 году.

В сентябре 1942 года Березняк по подложным
документам выехал в город Днепропетровск, приня
для работы группу товарищей, распространял листо

ки среди немецких
итальянцем Анджело
бочим, который стал ве
ских солдат. В январе
ехала на фронт в райо
половине января с фро
Бруно, который сообщи
числе Анджело, с ма
плен Красной Армии
Однако, возвращаясь
должен сказать, что ос
ловича вызвала моя р
райнель».

...Как-то, просматри
нал, что немецкой фирм
чики. Заместитель шеф
довольным лицом, чем-
кислой капусты, отказа
заметил: «Их гляубе в
трегер вирд». («Я не
хороший грузчик».) Н
разговора с Роммелем, к
грузчиком, а... счетовод
ла одна знакомая — Ли
ла, с кем и как пого
Вместе с переводчицей
протекцию, и я стал
коммерческой машины.
из филиалов крупной н
малась сбытом нефтепр
румынских промыслов
вермахту на восточный
пионный, керосин, маши
Ее центральное правл
(Львове).

— Исполнительность
и исполнительность — в
сто наставлял нас шеф
Меня он вскоре даже
Учитесь, господа:
ность и немецкая аккура
Я действительно «ста
ко накладных на горюче

* Асмолов А. Н. Фр

ки среди немецких солдат. Тут он познакомился с итальянцем Анджело Рончетти из города Витербо, рабочим, который стал вести пропаганду среди итальянских солдат. В январе 1943 года часть Анджело выехала на фронт в район Ворошиловграда, а во второй половине января с фронта прибыл товарищ Рончетти Бруно, который сообщил, что много итальянцев, в том числе Анджело, с машинами и оружием сдались в плен Красной Армии в районе Миллерово...» *

Однако, возвращаясь к тому давнему разговору, должен сказать, что особый интерес у Георгия Гавриловича вызвала моя работа в немецкой фирме «Украйнель».

...Как-то, просматривая объявления на бирже, я узнал, что немецкой фирме «Украйнель» требуются грузчики. Заместитель шефа фирмы Роммель с вечно недовольным лицом, чем-то очень напоминающим кочан кислой капусты, отказал мне. При этом не без издевки заметил: «Их глаубе нихт, ес фон лерер айн эхтер трегер вирд». («Я не верю, что из учителя выйдет хороший грузчик».) Но не прошло и недели после разговора с Роммелем, как я уже работал в фирме. И не грузчиком, а... счетоводом в отделе картотеки. Помогла одна знакомая — Лида, сотрудница фирмы. Она знала, с кем и как поговорить, где и чем подмазать. Вместе с переводчицей Инной Лида составила мне протекцию, и я стал винтиком хорошо налаженной коммерческой машины. «Украйнель» оказался одним из филиалов крупной немецкой фирмы, которая занималась сбытом нефтепродуктов. Выкачивая нефть из румынских промыслов в Плоешти, фирма поставляла вермахту на восточный фронт бензин, обычный и авиационный, керосин, машинное масло, солярку и прочее. Ее центральное правление находилось в Лемберге (Львове).

— Исполнительность и аккуратность, аккуратность и исполнительность — вот что требуется от вас, — часто наставлял нас шеф Мюллер.

Меня он вскоре даже начал ставить в пример.

Учитесь, господа: почти немецкая исполнительность и немецкая аккуратность.

Я действительно «старался», особенно при обработке накладных на горючее для вермахта. Выписки из

---

* *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1983. С. 153—154.

накладных хранил в надежном тайничке на своей «не-
мецкой» квартире.

Вот эти-то выписки с номерами частей, с указанной
сортностью бензина — единственное наследство, кото-
рое мне досталось от «Украйнель»,— я показал Геор-
гию Гавриловичу.

Он задумался.

— «Украйнель», надо полагать, кое-кого из наших
товарищей заинтересует. Готовь подробный отчет.
И приступай к новым обязанностям. Жидковато у нас
с кадрами. А у тебя опыт, область знаешь. С этой
минуты ты наш работник — инструктор обкома.

Я встал. Георгий Гаврилович осмотрел меня с ног
до головы. На мне рваная рубаха, потрепанный пид-
жак — вид никудышный.

— Просьбы, пожелания есть?

Я промолчал. Секретарь улыбнулся:

— Что без амбиции — это хорошо, а без амуни-
ции — плохо.

Вызвал адъютанта. Час спустя я получил бушлат,
китель офицерский, белье, сапоги и — что не менее
важно — талон на питание.

Проработал инструктором три месяца. Занимался
информацией, ездил по освобожденным районам об-
ласти. Вместе с заведующим партийно-организацион-
ным отделом В. Г. Общиным подготовил доклад о
злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Днеп-
ропетровщине. Дел хватало. И уже далеким, недобрым
сном казались мне служба в «Украйнель» и шеф
Мюллер.

Вскоре мной заинтересовались двое в штатском.
Один представился капитаном, другой — подполков-
ником (это был начальник опергруппы при Военном
совете 8-й армии М. И. Филиппов).

Как выяснилось, моя папка с выписками накла-
ных перекочевала из обкома в штаб 3-го Украинского
фронта.

Мои посетители расспрашивали, как мне удалось
легализироваться. Сообщили, что содержимое папки
самым тщательным образом изучается, анализируется.
Полезная папочка.

Визитов было несколько. Однажды спросили:

— Что вы намерены делать дальше?

— Бить фашистов.

— А не хотели бы поработать во Львове?

— Но ведь
— Вот именно.
купированном Льво
тыл врага можно п
— Я многого не
— Знаем. Научи
В конце декабр
сказано моим това
тельную служебную
Гавриловичу был и
да разведчиков.
Я пришел к нем
— Хотели мы т
заявка, собирались
тебя на роду другая
Новый год заст
Наш поезд то под
полустанках, то «п
собой клубы дыма,
Я ехал навстреч
жизни.

Т

О
Н
О

Средних лет, не
густой копной воло
— Товарищ Мих
дант боевого округа
Поинтересовался
щения из Кракова.
— Omnia spiro —
посты выставлены?
В наших услови
Мы, однако, все пр
всей семьей копали
ли грибы» телохрани
что — закукуют куку
Гость неплохо го
этом. Товарищ Миха
Мне, капитан
одно время в Сове
в Донбассе.

— Но ведь Львов оккупирован.

— Вот именно. Мы и предлагаем вам работу в оккупированном Львове. Одним словом, командировку в тыл врага можно продлить.

— Я многого не умею...

— Знаем. Научим.

В конце декабря я выехал в Москву. Как было сказано моим товарищам по работе, родным, «в длительную служебную командировку». Только Георгию Гавриловичу был известен конечный пункт ее — школа разведчиков.

Я пришел к нему проститься.

— Хотели мы тебя, Евгений, в дипломаты. Была заявка, собирались на учебу направить. Да, видно, у тебя на роду другая служба написана..

Новый год застал меня в пути. Мела поземка. Наш поезд то подолгу простаивал на затемненных полустанках, то «проскакивал» станции, оставляя за собой клубы дыма, снежную [illegible]

Я ехал навстречу новой, пока еще неведомой мне жизни.

ТОВАРИЩ МИХАЛ

Однако возвратимся в Санку...

На этот раз Валерия пришла не одна.

Средних лет, несколько флегматичный мужчина с густой копной волос крепко пожал мне руку:

— Товарищ Михал, точнее, Юзеф Зайонц — комендант боевого округа Армии Людовой.

Поинтересовался, своевременно ли приходят сообщения из Кракова.

— Dum spiro — это хорошо придумано. Простите, посты выставлены?

В наших условиях это был не праздный вопрос. Мы, однако, все предусмотрели. На огороде Врубели всей семьей копали картошку. В лесу с утра «собирали грибы» телохранители Ольги Метек и Казек. Если что — закукуют кукушкой.

Гость неплохо говорил по-русски. Я сказал ему об этом. Товарищ Михал улыбнулся:

— Мне, капитан Михайлов, просто повезло. Жил одно время в Советском Союзе. Работал на шахтах в Донбассе.

И в общих чертах познакомил наших польских друзей с задачей командования. Подчеркнул:

Центр проявляет особый интерес к дислокации штабов, узлов связи, аэродромов. И прежде всего — к оборонительным сооружениям в районе Кракова.

Почти дословно передал слова Павлова: «Советское командование полно решимости любой ценой сохранить древнюю столицу Польши и очень надеется на помощь местных патриотических сил».

Перешли к конкретным вопросам.

Первоначальный план наш трещал по швам. Нечего было и думать о моей легализации в Кракове. Мои снимки, приметы и отпечатки пальцев, надо полагать, уже разосланы в местные отделения гестапо. Беспокоила и радиоквартира у Врубелей. Рацию могут засечь, а может, уже засекли: слишком долго сидим на одном месте. Я поделился своими опасениями, планами перебазировки.

— Решение своевременное и правильное,— поддержал Зайонц.— Мы поможем вам, капитан Михайлов, перебазироваться вместе с радисткой в один из наших партизанских отрядов. Оттуда и будете руководить группой. Алексея устроим в Кракове. Есть у меня на примете один очень надежный товарищ — Юзеф Прысак. Кличка — Музыкант. Он у нас скрипач. С ним и работать Алексею.

Все становилось на свои места. Радисткой остается Ольга. К ее «почерку» в Центре привыкли. У Грозы все шансы легализироваться в Кракове. Груше вряд ли удастся найти свою рацию, а документы у нее надежные. Зайонц согласно кивнул головой.

— Груше, пожалуй, лучше заняться сбором разведданных. В Кракове теперь много женщин с Востока. Затеряться нетрудно. Мы подберем ей что-то подходящее.

Осталось решить последнее: как связаться с партизанами? На следующее утро Гроза в сопровождении Метека отправился в Бескиды — в польский партизанский отряд, который должен был стать и нашей базой. Вскоре связной из Кракова принес первое донесение Груши. Михал сдержал свое слово. Анка устроилась горничной на улице Рыковой, 10, у мадам Гоффф супруги вице-прокурора Кракова. Готовила обеды, стирала, убирала комнаты. Очень старалась. К Гоффу стенько приходили видные гитлеровские чиновники.

офицеры верма
ная, хорошенькая
в накрахмаленном
говорили обо всем.
шать. И Груша чу
с большой корзин
тонством, как и
влиятельного лица.
отмечали: мотокол
ки — ромб и квадр
Вскоре Комар
«2.9.44 г. До
зивиллов, 18.8
ния.
Старший офице
В тот же д
грамма:
«Через Кра
10 эшелонов с
воды, танки, ост
«3.9.44 г. Ук
Восточнее Б
Сонч — Старый
рону: окопы, п
танковые рвы, д
В 6 км вост
ния.
«5.9. Украин
С. Моравице
много проводов,
Наблюдения нака
постепенно, еще са
ния того, что нам о
гадке главной тайны
...К концу недели
Деловую часть рапо
Потом со свойственн
сывать Бескиды.
— Если где есть
рами гори, хмарою
до самого неба. В ло

офицеры вермахта. Многим из них нравилась аккуратная, хорошенькая горничная, с приветливой улыбкой, в накрахмаленном фартуке. При ней не стеснялись, говорили обо всем. Гости любили плотно и вкусно покушать. И Груша чуть ли не каждое утро отправлялась с большой корзиной на базар. Шла не спеша, с достоинством, как и подобает горничной дома такого влиятельного лица. Цепкие глаза разведчицы привычно отмечали: мотоколонна численностью до полка. Знаки — ромб и квадрат.

Вскоре Комар передала в штаб фронта:

«2.9.44 г. Донесение Груши. Балица, имение Радзивиллов, 18.8 разместился штаб летного соединения.

Старший офицер — генерал».

В тот же день последовала еще одна радиограмма:

«Через Краков прошло 24 эшелона, из них: 10 эшелонов с пехотой, 3 эшелона с лошади, подводы, танки, остальные [illegible], боеприпасы.

Голос».

«3.9.44 г. Украинцу.

Восточнее Бохни параллельно шоссе Новый Сонч — Старый Сонч немцы поспешно строят оборону: окопы, проволочные заграждения, противотанковые рвы, дзоты.

В 6 км восточнее Кракова строятся укрепления.

Голос, Комар».

«5.9. Украинцу.

С. Моравице 700 м от костела центр связи, много проводов, кабель, часто приезжает генерал.

Голос, Комар».

Наблюдения накапливались. По ним видно, как мы постепенно, еще сами не осознавая до конца значения того, что нам открывалось, приближались к разгадке главной тайны, зловещего замысла гитлеровцев.

...К концу недели возвратился с Бескид Алексей. Деловую часть рапорта свел к одному слову: ждут. Потом со свойственным ему темпераментом начал описывать Бескиды.

— Если где есть рай на земле, то это там. «За горами гори, хмарою повиті!» А в горах буки, сосны до самого неба. В лесах водятся олени, косули...

Словом, расписал так, что хоть курорт открывай. Бескиды — в тридцати — сорока километрах от Кракова. База отряда размещена в труднопроходимом районе Подгале. Командир отряда поручник Тадеуш Грегорчик — Тадек — производит отличное впечатление.

СКОМСКИЙ

С Юзефом Скомским меня познакомила Ольга. Ее рекомендация была краткой:

— Молод. Образование среднее. Ни в какой партии не состоит. Сын местного помещика. Ненавидит оккупантов. Работает в немецкой адвокатуре. Уже не раз давал нам ценные сведения.

— Но ведь помещик, классовый враг,— возразил я.— Можно ли доверять?

Ольга улыбнулась:

— Во-первых, не помещик, а сын помещика. Хозяин поместья — старый Скомский. Во-вторых, дворяне тоже разные бывают. Мы еще в школе проходили. Одного Муравьева, декабриста, царь казнил, а другой Муравьев — генерал, палач, хвастал: «Мы не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, кто сам вешает».

Оказалось, с тех пор как Ольга у Врубелей, молодой Скомский добровольно и добросовестно исполняет обязанности интенданта радиоквартиры. Приносит продукты, снабжает деньгами.

Ольгу поддержал Татусь. На старого Скомского всю жизнь батрачил, а молодого похвалил: «Чло́век» (Чловек — человек — в устах Врубеля звучало высшей похвалой.)

Я решил встретиться с молодым Скомским лично. Договорились через Врубеля о месте встречи. В сумерках забрался в густой ельник, принадлежавший Скомским. Вскоре услышал шаги. Ко мне приближался парень в охотничьей куртке, в офицерских бриджах. Его походка, одежда — все говорило об умении держаться непринужденно и естественно. Губы припухшие, как у мальчика. Глаза дерзкие, насмешливые и какая-то особая — я бы сказал — вольтеровская улыбка, свидетельствующая об ироническом складе ума. Я свистнул, как было условлено.

— Пан капитан, приветствую вас на польской земле

— Эту землю еще надо освободить.

— Будем освобождать ее вместе.

Я не спешил с ответом. Стал расспрашивать о старом Скомском, о планах на будущее, исподволь выяснял потенциальные возможности Юзефа. Оказалось, в доме Скомских часто останавливаются офицеры вермахта. Не обходили они и соседние имения. В помещичьих домах, в фольварках размещались штабы полков, дивизий. И почти в каждом в радиусе тридцати — сорока километров были у Юзефа друзья-приятели.

Еще один приятный сюрприз: в Кракове, на улице Голембя, у Скомских собственный дом. Там постоянно живут их родственники, по словам Юзефа, патриоты.

Приглашал к себе.

— Старику скажу: офицер, бежал из плена. Отец у меня — человек старых взглядов, но швабов ненавидит. Гитлера презирает. Не выдаст.

Вскоре я действительно побывал у Скомских при весьма, однако, драматических обстоятельствах. Но об этом позже.

Говорили мы на русско-польском суржике. И тут открылся еще один секрет: второй год молодой Скомский упорно изучает русский язык, в библиотеке отца читает в оригинале (старый Скомский до революции учился одно время в Одессе) Пушкина, Тютчева. Краснея, запинаясь, прочитал четыре тютчевские строчки (к моему стыду, я слышал их тогда впервые):

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить!
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Перед тем как разойтись, договорились с Юзефом связь держать через Врубеля. «Почта» — дупло в старой сосне.

Утром мы послали в Центр радиограмму: «Юзеф Скомский — Волк — 23 года. Сын местного помещика. Пожелал помогать нам по патриотическим мотивам».

Мы не ошиблись в Скомском.

По-прежнему наезжая к приятелям, Юзеф завел знакомство с одним гитлеровским асом. Благодаря этому знакомству, отличному знанию немецкого, умению быстро сходиться с людьми Юзеф стал своим человеком даже в ресторанах с объявлениями: «Только для

немцев». Он научился глубоко, в самых сокровенных тайниках сердца, прятать свою ненависть, свои чувства. Обхаживал своего аса, поил его отборнейшим коньяком, пока в дупле старой сосны не оказалась схема — расшифровка аэродрома и одной летной части. Расшифровку мы отправили в Центр. А несколько дней спустя в Кракове со всеми подобающими воинскими почестями хоронили обгоревшие останки гитлеровского аса. Он погиб во время массированного налета советских бомбардировщиков, не успев оторвать от взлетной полосы свой «хейнкель».

Всю ночь пылали машины на отлично замаскированном аэродроме. Огромными хлопушками рвались бочки с бензином. Выли сирены пожарных машин.

О налете Юзеф узнал от приятелей аса и несколько дней ходил именинником.

16 СЕНТЯБРЯ

В ночь на 16 сентября я работал допоздна, готовя донесение Центру. Накануне мы получили новое задание:

«Примите все меры разведки танков, частей на окраине Кракова, установите нумерацию частей, места штабов».

И вскоре начали поступать соответствующие информации от Грозы, Груши.

«7.9. Украинцу.

Наблюдением Грозы западная окраина Кракова, ул. Райхштрассе, воинская часть, командир генерал-лейтенант.

Голос, Комар.

И первый втык, сердитый ответ Центра:

«Вашей информацией не удовлетворены.

Завербуйте агентов наиболее важных объектах. Усильте информацию гарнизона Краков, скопление, передвижение войск.

Перенесите свою станцию Краков *. Где точно

* Странный, по тем временам невыполнимый приказ: Краков буквально кишел агентами абвера, была отлично — в чем мы могли убедиться — поставлена пеленгаторская служба, отсюда

немцев». Он научился глубоко, в самых сокровенных тайниках сердца, прятать свою ненависть, свои чувства. Обхаживал своего аса, поил его отборнейшим коньяком, пока в дупле старой сосны не оказалась схема — расшифровка аэродрома и одной летной части. Расшифровку мы отправили в Центр. А несколько дней спустя в Кракове со всеми подобающими воинскими почестями хоронили обгоревшие останки гитлеровского аса. Он погиб во время массированного налета советских бомбардировщиков, не успев оторвать от взлетной полосы свой «хейнкель».

Всю ночь пылали машины на отлично замаскированном аэродроме. Огромными хлопушками рвались бочки с бензином. Выли сирены пожарных машин.

О налете Юзеф узнал от приятелей аса и несколько дней ходил именинником.

16 СЕНТЯБРЯ

В ночь на 16 сентября я работал допоздна, готовя донесение Центру. Накануне мы получили новое задание:

«Примите все меры разведки танков, частей на окраине Кракова, установите нумерацию частей, места штабов».

И вскоре начали поступать соответствующие информации от Грозы, Груши.

«7.9. Украинцу.

Наблюдением Грозы западная окраина Кракова ул. Райхштрассе, воинская часть, командир генерал-лейтенант.

Голос, Комар».

И первый втык, сердитый ответ Центра:

«Вашей информацией не удовлетворены.

Завербуйте агентов наиболее важных объектах. Усильте информацию гарнизона Краков, скопления, передвижение войск.

Перенесите свою станцию Краков *. Где точно

* Странный, но тем временам невыполнимый приказ: Краков буквально кишел агентами абвера, была отлично — в чем мы воочию могли убедиться — поставлена пеленгаторская служба, отсюда

находитесь. У кого

И после этого мы прод

«8.9. Украинцу.

Наблюдением Грозы

вице штаб узел связи. 6

вых машин со знаками: з

очертанием.

«11.9.44 Украинцу.

Наблюдением Груши

пе расквартирован пехот

в центре треугольника.

200 новых машин. Возл

радиоцентр.

Эта радиограмма вызвал

«11.9. Голосу.

Немедленно установи

в Кшешовице и номер б

Мы выполнили и это

(Скомский на правах дру

му встречался с летчикам

[е) в эфир ушла такая ра

«12.9. Украинцу.

Донесение Волка. Ю

вице. Штаб летного сое

лейтенантРойман. Зде

30 самолетов.

находитесь, у кого живете, как расставлены силы.

Украинец».

И после этого мы продолжали радировать:

«8.9. Украинцу.

Наблюдением Грозы западная окраина Кшешовице штаб узел связи. 60 легковых и много грузовых машин со знаками: зеленый треугольник белым очертанием.

Голос, Комар».

«11.9.44 Украинцу.

Наблюдением Грузи южная окраина Кшешовице расквартирован пехотный батальон. Знаки: круг в центре треугольника. В центре города в парке 200 новых машин. Возле ж. д. станции крупный радиоцентр.

Голос, Комар».

Эта радиограмма вызвала особый интерес Центра.

«11.9. Голосу.

Немедленно установить принадлежность штаба в Кшешовице и номер батальона. Молнируйте.

Украинец».

Мы выполнили и это задание, на следующий день (Скомский на правах друга погибшего аса по-прежнему встречался с летчиками в ресторанах, ночных кабаре) в эфир ушла такая радиограмма:

«12.9. Украинцу.

Донесение Волка. Юго-восточная окраина Маровице. Штаб летного соединения. Командир генерал-лейтенант Ройман. Здесь же аэродром. Постоянно 30 самолетов.

Голос, Комар».

частые провалы наших разведгрупп, радиоквартир, расположенных в самом городе.

Административно командная система, привычка всем и всеми руководить, недостаточная компетентность не могли не сказаться даже в таком сверхделикатном деле, как разведка, когда ситуация меняется ежечасно; в зависимости от этого, хотя и сообразуясь с задачей, ты на месте, самостоятельно принимаешь решение.

И все же, все же... Нет худа без добра.

В приказе было и рациональное зерно: нам не следовало так долго (ведь «Северок» Комара выходил на связь и до нашего прихода) злоупотреблять гостеприимством Врублей. Надо было ускорить переход станции.

«13.9.44 Украинцу.

Донесение Груши. Восточнее 1 км с. Фривальд лесу склад горючего. Предположительно снабжают- ся аэродромы сел Рудава, Маровице, горючее берут машины со знаком круг четырьмя секторами. Нижний и верхний синие, боковые белые.

Голос, Комар»

Поступали сообщения и от польских друзей с кодовым знаком «D. S.». В одних говорилось об усиленном продвижении железнодорожных составов с живым грузом и техникой, в других — об отличительных знаках, номерах на танках и машинах. Предстояло просеять, сверить, сравнить, проанализировать десятки фактов, чтобы отжать несколько скупых строчек для радиограмм.

А спустя некоторое время Ольга передала в эфир

«На восточную окраину Кракова (Кобежин) прибывают войска СС.

Из Словакии прибыла танковая дивизия — 160 танков, преимущественно «тигров», 20 бронемашин. Танки были в боях»

Не спится. В схроне* тепло, пахнет чебрецом, мятой, но... как ни хорошо у Врубелей, надо уходить. В эфире находимся полтора-два часа ежедневно, работая по одним и тем же позывным, в одно и то же время. Это просто чудо, что нас до сих пор не засекли. Но эти сверхсрочные радиограммы придется передавать отсюда: радиопитание «Северка» на исходе, слышимость — 1—2 балла. Выйдешь не в свое время — забьют. А завтра — в Бескиды, к Тадеку.

Только под утро задремал. Сквозь сон услышал голоса, топот ног, тревожный крик Стефы. Глянул в щель. В пяти метрах стоял немецкий солдат с автоматом наготове. Схватился за пистолет. Куда там... Полон двор гитлеровцев. Почти рядом со скамейкой, врытой у стенки моего схрона, лежал лицом вниз старый Врубель, обхватив руками окровавленную голову. Над ним автоматчик. А вот и Стефа. Тоже лицом вниз, руки широко раскинуты.

Где Ольга? Может, успела уйти? Но тут появился ефрейтор с нашим «Северком». Следом — Ольга и ко-

---

* *Схрон* — тайник, убежище, бункер.

ушниках. Видно, взяли за работой. Заметила Татуся, Стефу, рванулась.

— Пустите, гады!

Ее ударили в спину. Пошатнулась, но не упала. Только шагнула в мою сторону. Села на скамейку. Ольга отвечала на вопросы отчетливо, громко. Я понял: не с немцами — со мной разговаривает *.

Допрашивал капитан в черном мундире. Переводил пожилой офицер с глубокой залысиной. Я видел ее каждый раз, когда он нагибался.

— Кто такая?

— Разве не видно?

— С кем работала?

— Одна.

— Агентура?

— Нет агентуры. Все сама. И не кричите. Я и так хорошо слышу. Это у меня профессиональное.

— Фройляйн весело. Фройляйн шутит. Скоро тебе, стерва, будет не до шуток. Ложись! Лицом к земле!

— Не лягу, можете стрелять в лицо.

— Это для тебя слишком легкая смерть. Прежде, чем я выстрелю в твои васильковые глаза, ты у меня потанцуешь. И заговоришь. И подпишешь, что нам надо. И не думай, что погибнешь героиней, что твои большевики вспомнят тебя добрым словом. Ты сдохнешь, а твоих родителей — об этом уж мы позаботимся — сошлют в Сибирь за дочь-предательницу.

---

* О том, что произошло в то утро, Ольга рассказывала так: «Поднялась на чердак, чтобы связаться с Центром. Начала передавать радиограмму. Поглощенная делом, не слышала, как немцы окружили дом. Опомнилась, когда меня схватили за волосы, потащили вниз. Во дворе увидела Стефу и нашего хозяина на земле. Дула автоматов упираются им в затылки. Всюду солдаты с автоматами. Ходят, громко разговаривают, гогочут. По углам двора устанавливают пулеметы. Мне приказали встать у стены амбара. За стенкой капитан. Я решила вести себя так, чтобы немцы скорее ушли: хотелось спасти жизнь командиру. Села на лавочку. Прислонилась к амбару. Теперь от капитана меня отделяла всего-навсего стенка из досок, и я очень боялась, чтобы он чем-нибудь не выдал себя. На допросе, как ни удивительно, мои ответы и ответы хозяина совпадали. Вскоре обыск и допрос кончились. Нас повели. Все это время меня мучил вопрос: кто мог выдать? Желая дать знать капитану, что опасность миновала, я запела. Когда мы вышли на дорогу, я увидела пеленгаторы. Сразу стало легче: поняла, что никто из моих друзей не совершил предательства. Нас бросили в машину. Старый Врубель молодцом, даже улыбался, а у девочек вид был растерянный. Я снова запела. Хотелось подбодрить Стефу и Рузю. Мол, держитесь, девочки. Они поняли меня».

. Что делать? Стрелять? Убьют Ольгу, Татуся, Стефу. Сам погибнешь и провалишь дело. А если предательство? Если все знают?

Глухие удары. Пронзительный крик. Стоны. Голос старого Врубеля.

— Ниц, ниц, ниц не вем! Не видел, не знаю! Проклятье! Ефрейтор несет мой темно-синий костюм. Снова удары.

— Чей костюм?

— Мой.

— Доннер веттер! Чей костюм?

— Мой. Купил у беженцев. Больно материал хорош.

Топот сапог. Шуршание сена. Кажется, начали сбрасывать. Вот-вот доберутся. Лежу затаившись. Малейший кашель, движение, вздох — и конец.

Из дома тащат продукты, одежду. Гоняются за курами. Голос Ольги:

— Вам только с курами и воевать.

Сколько это длится? Час? Полтора?

Слышу: «Фойер, фойер!» Поджогом угрожают. Дом, амбар — все вспыхнет мгновенно.

Удаляющиеся шаги. Тишина. Чуть приподнял доску: никого! А может, засада? Но и оставаться больше нельзя. Могут возвратиться, поджечь дом, как грозились. Главное, добраться к лесу, предупредить Грозу, Грушу, польских товарищей...

И снова позволю себе небольшое отступление.

На одной из встреч с молодежью я получил записку такого содержания: «Почему Вы не помогли Ольге Врубелям? Как бы Вы поступили теперь в аналогичной ситуации?»

Трудные, мучительно трудные вопросы. Тот, кто задавал их, вряд ли предполагал, как больно они отзовутся во мне.

Но хорошо понимаю нетерпение спрашивающего, ибо живет в нас и вечно будет жить святой закон побратимства: «Сам погибай, а товарища выручай».

А если нельзя? Если не имеешь на это права?

И кажется мне, мой незнакомый друг, что представление твое о работе разведчика весьма поверхностное. Мол, все просто: смокинги, фраки, белые манишки, приемы. Полковники, которые за коктейлем или картами выдают сверхсекретные тайны. Или в роскошных коттеджах. Генералы, будто созданные

для того, чтобы их выкрадывали вместе с портфелями, где хранятся тайные планы самого фюрера. Роскошные женщины. Бешеная погоня. Перестрелки.

Я знаю, иногда и такое можно увидеть на приключенческом экране, прочитать в некоторых «шпионских» книжках. В жизни, однако, все сложнее и трагичнее.

Судьба разведчика...

Представьте себе чекиста (мне не так давно поведали эту историю), которому удалось три года прослужить в войсках СС. Десятки, сотни раз смотрел он в лицо смерти. И погиб в самый канун Победы. Не от вражеской — от партизанской пули пал подвел мундир.

Жизнь разведчика... А если ты мать, и твой сын, комсомолец-подпольщик, знает, что ты на службе у самого шефа гестапо — секретарем-переводчицей, и в его взгляде ты постоянно читаешь презрение, омерзение. На твоих глазах его, раненного в стычке с гестаповцами, допрашивают [illegible]. Ты не имеешь права выдать себя жестом [illegible] ни перед врагом, ни перед ним: и твой сын, твоя кровинка, идет на смерть, так и не узнав [illegible] твой шаг, и этот последний, на левый [illegible] приближает Победу, что тобой, верной дочерью [illegible], будет гордиться Родина.

Судьба разведчика... Бывает, только от одного твоего слова зависит твоя жизнь, и ты молчишь, хотя знаешь наперед, что будут терзать твое тело. И будет камера смертника, и в последний раз — небо, звезды, чахлая зеленая трава на тесном тюремном квадрате, и стена, выложенная красным кирпичом, чтобы не оставалось пятен.

И перед твоими глазами, пока не погаснет в них солнце, будет мастерски изготовленная «специалистами» из гестапо фальшивка, адресованная твоим товарищам, «документ», клеймящий тебя как предателя.

Что тогда? Что может быть ужаснее этого, страшнее? А еще страшнее, втиснувшись в сено, лежать и слушать, как бьют по щекам девушку, почти подростка, затаив дыхание, сжавшись в клубок ненависти, видеть, слышать, как пытают твоих товарищей,— больших мук мне не довелось и, надеюсь, никогда не придется узнать. Броситься на помощь, услышав крик Стефы,— таким, именно таким было мое желание. Стрелял я неплохо и, наверняка, убил бы несколько гитлеровцев. Что меня удержало? Задание. Неравный бой

солдат было не меньше тридцати) кончился бы гибелью всех нас, провалом дела. А что по сравнению с заданием, от выполнения которого зависела судьба многих людей, судьба города, значила гибель двух-трех гитлеровцев, моя жизнь?..

В лесу тихо. Только осины гудят. Млеет под сентябрьским солнцем папоротник. Лежу в густых зарослях, подвожу невеселые итоги дня.

Схвачены Врубели, Ольга. Рация в руках у гитлеровцев. Но... обыскивали небрежно. Значит, охотились только за рацией? Заподозрили? Возможно. Почему не сожгли дом Врубелей? Оставили как западню?

Спокойно... Спокойно. Главное, восстановить связь с группой, с польскими товарищами, всех предупредить. И тут я вспомнил... Скомский. На сегодня у меня назначена с ним встреча. А может, он и выдал? Сын помещика. Кого привлек? Где твое классовое чутье, капитан Михайлов?

Спокойно... Спокойно. Ведь он давал информацию. Ценную информацию. Хорошо сознавал, она вермахту. И Михал любил повторять: «Хоть и панского семени, а человек». Нет, не похож Скомский на предателя. А может?..

Шаги... Он. В той же охотничьей куртке. Чем-то встревожен. Я тихонько, как было условлено, крякнул уткой.

— Капитан! Живы?

Скомской уже знал о нашей беде. Видел крытую немецкую машину с антеннами: два кольца, вдетые крест-накрест одно в другое. За ней в сторону Кракова промчались еще две машины, набитые солдатами. Наш — не привиделось ли? — слышал голос Ольги Свенцкой. Думал, что и меня схватили... Уже не надеялся.

Постой... Постой... Машина с антеннами. Значит, не предательство — запеленговали. Случилось то, чего я больше всего боялся. Впрочем, окончательные выводы делать рано.

— Вам нельзя здесь оставаться, пан капитан. Немцы могут возвратиться с собаками.

Юзеф изложил свой план. На опушке леса ждет наш связной Генрик Малик. Он и принесет мне одежду от Скомского. Сам Юзеф будет ждать меня в саду: дом Скомских пока вне подозрений.

Вскоре примчался Генрик. Притащил брюки, куртку, шляпу. И все пришлось впору. Мы с Юзефом почти одного роста.

Генрика отправил в Краков. Пусть немедленно поставит в известность товарища Михала. А тот уже найдет способ предупредить Грозу, Грунх, своих людей.

Эту ночь я провел у Скомских. Как сквозь сон запомнились старый Скомский, сад, большой помещичий дом с застекленной верандой.

НА «ПОЖАРНОЙ» КВАРТИРЕ

«Господин Гестапо!

В субботу 11 сентября в селе Санка на квартире крестьянина Врубеля гестапо из г. Кшешовице арестовало русскую разведчицу Ольгу. Мне известно, что вы, как здравомыслящий человек, свою потеряли надежду на успех Германии в войне. Вы неоднократно высказывали свое неудовлетворение властью Гитлера.

Мне также известно, что Нойман из гестапо является вашим приятелем и [illegible] с ним вы часто проводите время. Вот почему я решил обратиться к вам с деловым предложением: договоритесь с господином Нойманом и организуйте побег Ольги. Если это невозможно, найдите иной способ ее освобождения. Посодействуйте такому освобождению батрака Врубеля из Санки и его дочерей. Если вы сделаете это, я гарантирую вам и вашей семье жизнь, обещаю, что вы займете должное место в новой Германии. Если в этом окажет вам помощь Нойман, с ним поступим так же.

Если же вы не сделаете этого и попытаетесь задержать подателя настоящего письма, я обещаю вам и Нойману немедленную смерть.

В вашем районе имею достаточно сил для вооруженной расправы с кшешовицким гестапо, а также и с вами. Срок исполнения моей просьбы устанавливаю 24 сентября сего года.

Командир партизанского отряда
подполковник Красной Армии
Васильев».

Это письмо я написал в местечке Черныхув, под самым носом гестапо.

Было так. От Скомских я ушел на рассвете. В лесу на условленном месте меня уже ждал предупрежденный Владеком Метек — бывший телохранитель и адъютант Ольги.

Метек сообщил: арестов больше не было, товарищ Михал уже знает о провале, принял меры. В Черинхуве, на конспиративной квартире, меня ждут.

Ночь застала нас в пути. Лес казался бесконечным. Метек по одним только ему ведомым ориентирам шел и шел вперед. В полночь вышли на окраину местечка. Я знал: где-то здесь жандармский пост, комендатура. Куда же ведет меня Метек? Вошли во двор какой-то усадьбы. Смотрю: обыкновенный колодец — сруб с барабаном.

— Прошу пана в студню...

Заглянул. На глубине двух-трех метров темное зеркало воды. Раз приглашают,— значит, надо.

Нащупал ногой [illegible] лесенку, спустился примерно на метр. Слева замерцал огонек. Я нырнул в боковой люк и оказался в комнате. На столе — пишущая машинка, радиоприемник, по углам — автоматы, нары. Мне навстречу поднялась Янка — партизанская связная. Рядом — какой-то незнакомый мужчина.

— Вильк, — представился он, — окружной комендант пляцувки*. — И добавил: — Это наша «пожарная» квартира. В случае опасности работники партии могут пробыть здесь не один день.

Обсудили обстановку, всевозможные причины провала.

Сомнений не было: Ольгу запеленговали. Случись предательство — аресты и обыски прокатились бы по многим местам.

Что удалось узнать об Ольге, Врубелях? Пока немногое. Их привезли прямо в Монтелюпиху. А ведь не прошло и трех недель, как я сам чудом вырвался оттуда. Как спасти Ольгу? Чем помочь Врубелям?

Тут и выплыло имя Тегеля, шефа каменоломни.

— Гестаповец Нойман — давний его приятель,— делился вслух своими соображениями Вильк.— Тегель, нам это достоверно известно, уже не верит в победу рейха и готов любой ценой спасать свою шкуру.

---

* *Пляцувка* — пост, наименьшая организационная ячейка Армии Людовой. Место встречи подпольщиков и партизан.

серьезно продумал ...
...льно. Польские дру...
...ук. Договорились, что ...
...ам заявится с этим письм...
...сколько вперед, расскажу, ч...
Шефа каменоломни визи...
...пугал. Но Метек был нево...
— Это в ваших интереса...
...тересах вашей семьи.
— Никто еще не бежал ...
...сказал Тегель.— Да и господ...
выпускает птичек из клетки.
Под конец Тегель все же ...
...ся и сделать то, что в его ...
...дистки.
На следующий день, как ...
встретились. На этот раз, п...
лесной поляне.
— Вашей радистки нет в ...
Тегель, как только увидел на...
...утром ее вывезли в неизвест...

БЕСКИДЫ

В это врем...
...жарной» квартиры. Накануне ...
...еще одно, очень важное знако...
...тября мы было уже собрались ...
...спустился Вильк.
Он принес хорошую новос...
(Талек) — командир партиза...
...арждец, жлет. А в лесу — б...
...группы Калиновского. Возвра...
...мые держат на Бескиды. Та...
...путчики. Да еще какие!
Калиновский, судя по молв...
...ранительно недавно. Но имя ...
...гударьям. На счету группы Ка...
...ги диверсии, взорванные мост...
...в таких случаях, благодарная ...
...сказала отряду полковника ...
...тельное и желаемое.
За голову Калин...
...обещали 50 тысяч...

Серьезно продумали все детали. Я тут же написал письмо. Польские друзья перевели его на немецкий язык. Договорились, что 19 сентября вечером Метек сам заявится с этим письмом к Тегелю. Забегая несколько вперед, расскажу, чем кончилась эта история.

Шефа каменоломни визит подпольщика удивил и напугал. Но Метек был невозмутим:

— Это в ваших интересах, господин Тегель. В интересах вашей семьи.

— Никто еще не бежал из Монтелюпихи! — простонал Тегель.— Да и господин Нойман не из тех, кто выпускает птичек из клетки.

Под конец Тегель все же пообещал навести справки и сделать то, что в его силах, для спасения радистки.

На следующий день, как было условлено, снова встретились. На этот раз по настоянию Метека, на лесной поляне.

— Вашей радистки нет в Монтелюпихе, — выпалил Тегель, как только увидел нашего связного.— Сегодня утром ее вывезли в неизвестном направлении.

БЕСКИДЫ

В это время я был далеко от «пожарной» квартиры. Накануне в Черныхуве состоялось еще одно, очень важное знакомство. В ночь на 19 сентября мы было уже собрались в дорогу, когда в схрон спустился Вильк.

Он принес хорошую новость: Тадеуш Грегорчик (Тадек) — командир партизанского отряда предупрежден, ждет. А в лесу — бойцы из диверсионной группы Калиновского. Возвращаются с задания. Курс тоже держат на Бескиды. Так у нас появились попутчики. Да еще какие!

Калиновский, судя по молве, появился в Бескидах сравнительно недавно. Но имя его уже стало почти легендарным. На счету группы Калиновского были крупные диверсии, взорванные мосты. Впрочем, как всегда в таких случаях, благодарная народная молва приписывала «отряду полковника Калиновского» и действительное и желаемое.

За голову Калиновского оккупанты официально обещали 50 тысяч рейхсмарок и 20 гектаров земли.

О «советском Калиновском» я много слышал от старого Врубеля, Малика, Скомского. Смел. Вездесущ. Осторожен. Появляется всегда неожиданно, там, где его меньше всего ожидают.

С его-то разведчиками мы и отправились в горы. Впереди с компасом — старший группы Николай. К трем часам ночи подошли к месту, где, как мы считали, располагался отряд Тадека. На наш сигнал никто не ответил. В горах, в лесу — гробовая тишина. Решили дождаться утра. Здесь, в партизанском краю, мы чувствовали себя как дома.

Утром пришел к нам командир партизанского отряда Армии Людовой имени Варыньского* Тадеуш Грегорчик. Молодой человек, лет двадцати трех — двадцати четырех, с воинской выправкой. Лицо мужественное, волевое. Познакомились. Тадек пригласил нас в лагерь. Это было 21 сентября 1944 года.

За завтраком я ближе присмотрелся к Тадеку.

Худощавый, подтянутый, в кожаной куртке. Офицерская планшетка. На груди бинокль. Спокойные серые, прощупывающие глаза. До чего же похож на нашего Щорса! Я сказал ему об этом.

— А кто такой, — спрашивает, — Щорс?

— Украинский Чапаев.

— Чапаев, Петька, — знаю...

Кратко рассказал об истории создания своего отряда.

В апреле сорок третьего небольшая группа из одиннадцати человек ушла вместе с ним в горы. На вооружении имели охотничьи ружья, самодельные гранаты. Начинали с малого. Первая значительная операция была осуществлена 27 июня 1943 года. Ночью отряд атаковал охрану каменоломни «Кристино» в Тенчинке, захватил почти полтонны динамита.

В сорок четвертом отряд насчитывал 140 человек, в том числе 8 девушек. Личный состав — интернациональный. Кроме поляков, здесь были бежавшие из фашистских концлагерей русские, украинцы, словаки, австрийцы, итальянцы, шведы, испанцы...

Ко времени нашей встречи на боевом счету отряда было 35 диверсионных акций на железной дороге, 5

---

* *Людвик Варыньский* (1856 - 1889) — деятель польского революционного социалистического движения, основатель первой польской революционной партии «Пролетариат».

на промышленных предприятиях и 9 — вооруженных налетов на подразделения гитлеровцев. Что ж, этим можно было гордиться.

Первое, что бросилось в глаза в партизанском лагере,— образцовый порядок.

Отряд расположился на горной поляне, у ручья. Тут же кухня. У дневальных работа кипит: кто чистит земняки (картошку), кто рубит мясо, кто моет собранные травы и крапиву. Подальше от кухни, под елями, спят после «ночной смены» бойцы из диверсионной группы. Лошади, коровы — все живое хозяйство отряда — в лесу, в надежном укрытии.

Я уже знал из донесения Грозы, что на базе отряда работает радист Мак — наш разведчик.

Мы познакомились с ним в первое же утро. Мак — Иван Рудницкий — забрался со своей рацией на самую вершину горы. Его охранял [illegible] Тадека. Застал я его за работой. Он развернул рацию и упорно выстукивал позывные. Я [illegible] сказав о себе то, что считал возможным, и попросил передать Центру от моего имени срочную радиограмму:

«16 сентября во время работы немцами арестована Комар. Комар, равно хозяева квартиры находятся в гестапо. Причина ареста — денонсация. Голос находится в партизанском отряде. Гроза, Груша — в Кракове. Сеть сохранилась. Приняты меры предосторожности. Прошу выслать оружие, взрывчатку, рацию. Жду указаний».

23 сентября в отряд пришел Алексей. Он принес информацию о воинских перевозках через Краковский узел, некоторые данные о гарнизоне, передал привет от Михала.

Надо было восстановить регулярную связь с Центром, поэтому я дал Алексею полторы тысячи злотых на приобретение радиобатарей, рассчитывая, что можно будет временно пользоваться рацией Мака. Просил немедленно прислать Грушу в отряд.

Двадцать четвертого Алексей отправился в Краков. В тот же день я получил через связного записку от Калиновского:

Тов. капитан!

Мои бойцы кое-что сообщили о вашем положении. Если вы нуждаетесь в помощи, прошу зайти

ко мне. Постарайтесь это сделать не позже 25.IX. 26 го передислоцируюсь.

С приветом *Калиновский*.

С наступлением сумерек отправился к Калиновскому. Ночь была темной. В горах, в лесу стоял густой туман. Шли буквально на ощупь, только безукоризненное знание местности проводниками выручило нас. В полночь подошли к железной дороге, надо было пройти мост через реку Скаву. Мы не знали, охраняют ли его гитлеровцы. Пятьдесят — семьдесят метров проползли по-пластунски. Охраны не было. Поднявшись во весь рост, быстро перешли мост. И вдруг резкий гортанный окрик: «Хальт! Хальт!» Автоматная очередь. Пришлось залечь. Трассирующие пули огненными пунктирами прошили небо. Лежали молча. Не хотелось поднимать шум на основной партизанской магистрали.

Снова тишина. Мы углубились в лес. С рассветом подошли к месту дислокации отряда Калиновского. Это был временный лагерь. Мы не заметили здесь ни привычных партизанских землянок, ни бункеров. Бойцы Калиновского жили в палатках, сделанных из парашютов. Их «цыганские» шатры походили на грибы-великаны.

Как старых знакомых, встретили нас Николай и другие бойцы, сопровождавшие меня к Тадеку.

Познакомился с Калиновским. Примерно моих лет, а может, на два-три года старше. Лицо волевое, энергичное. Взгляд цепкий, внимательный, всепримечающий.

— О беде вашей наслышан. Времени у нас в обрез, так что выкладывайте прямо, в чем нуждаетесь. Подбросим. Чем богаты, тем и рады.

Калиновский оказался не так богат, как щедр. Передал нам два десятка гранат, два ящика с патронами, ящик с тушенкой, не то двадцать, не то тридцать пачек папирос. Выделил комплект радиобатарей. Мне на прощание подарил пистолет.

Пока шли деловые разговоры двух командиров, Николай — минер и парикмахер — блеснул еще и кулинарным искусством.

В командирской палатке аппетитно запахло дымящейся картошкой, грибным супом.

— Надо бы за нашу встречу, — улыбнулся Кали

новский, – выпить, да уж извини, капитан, у нас сухой закон. Встретимся после войны. Вот тогда и наверстаем...

Вокруг имени Калиновского вились самые противоречивые слухи. Помню профашистские газетки, где подробно описывался «полный разгром банды Калиновского». Не раз и не два с торжеством сообщалось из «достоверных» источников об очередной его гибели.

Мы знали цену и этим сообщениям, и «достоверным» источникам, но кто был в те годы застрахован от вражеской пули? И как мы радовались, когда после очередных «достоверных» сообщений о «гибели Калиновского» летели в воздух мосты, эшелоны, и снова угадывался в смелом, неожиданном налете почерк его отряда.

В последний раз Калиновский таким образом подал свой голос в канун нового 1945 года. Взлетел 135-метровый мост через горную, стремительную Скаву, по которому в сутки проходили десятки вражеских эшелонов. Диверсионные группы и наши, и польские — давно зарились на этот объект. Да орешек оказался крепким. Мост усиленно охранялся. Эхо дерзкой, удивительно удачной операции докатилось до нас, обрадовало. А потом снова поползли слухи о гибели Калиновского.

В шестьдесят четвертом, когда мы (Ольга, Гроза и автор этих строк) впервые после войны оказались в Кракове, нас часто спрашивали, известно ли нам что-нибудь о знаменитом Калиновском. О нем в Польше писали, рассказывали как о национальном герое, но считали погибшим.

Мы, увы, тоже ничем не могли помочь польским друзьям.

Много лет и я ничего не знал о судьбе этого человека. Однажды раскрываю «Известия» от 31 октября 1970 года. Внимание привлекло заглавие статьи «Мосты Николая Казина». Читаю: «Семеро приземлились в районе Кракова, в местных предгорьях Малых Бескид... Это было 27 июля 1944 года.

В опаснейших диверсионных операциях отличился бывший балтийский моряк Николай Ильичев, узник Освенцима. Руководителем одной из групп был назначен русоволосый бородач младший лейтенант Николай, тоже бежавший из Освенцима». Может, один из двух Николаев и был моим проводником в Бескиды?

И дальше: «Кто вы, Калиновский?»

Так двадцать шесть лет спустя мы снова встретились.

Калиновским оказался... Николай Алексеевич Казин, сын рабочего, бывший шахтер, затем юрист.

В Польше его имя, подвиги обрастали новыми легендами, а он все эти годы жил в родном городе Кадиевке на Украине, строил, реконструировал угольные шахты.

О том, что его ищут (нашу группу после войны тоже долго разыскивали польские друзья), он сам узнал совершенно случайно из польской газеты «Жиче вольности» («Солдат свободы»).

Я написал Николаю Алексеевичу, напомнил ему о нашей встрече. Вскоре из Кадиевки пришел ответ.

«Радуюсь, — писал Николай Алексеевич, — что мы живы, здоровы и можем трудиться на благо Отчизны. Вы говорите, что публикации нашем отряде скромные. Я в этом не вижу обиды. Скромность — черта коммуниста. Многое из того, что было сделано отрядом в годы войны в тылу врага, вовсе не считается подвигом. Я же вижу во всем этом скромный вклад патриотов моей Отчизны в дело разгрома фашизма».

И была еще одна встреча. На этот раз в Киеве, в генеральном консульстве Польской Народной Республики, где группе советских разведчиков были вручены польские ордена и наградные знаки.

Вдруг слышу:

— Николай Казин — полковник Калиновский.

Нужно ли говорить, что через несколько минут мы уже сидели рядом. Вспомнили Бескиды, общих знакомых. Проговорили весь вечер, и мне открылась удивительная, героическая жизнь, точнее, не одна, а три жизни Николая Алексеевича Казина.

Родом он из-под Тулы. Начинал трудовую жизнь на шахтах Донбасса: ламповщиком, слесарем, откатчиком вагонеток. По комсомольской путевке поехал в Харьков на шестимесячные курсы юристов. Некоторое время был помощником следователя в Кадиевке. Шахтер стал чекистом. Накануне войны Николай Алексеевич работал в управлении НКВД Черновицкой области.

— Чего только не бывает, Евгений Степанович...

В пятидесятом — я снова тогда трудился на шахте в Кадиевке — вызывают меня в городской военкомат. Явился, как требовала повестка, со всеми документами. Принял меня военком, подержал в руках военный билет, перечитал страницу за страницей.

— Так. Выходит, рядовой. Стрелок-автоматчик. А по моим данным — подполковник, заместитель командира корпуса. Как-то не вяжется. Что вы на это скажете, уважаемый Николай Алексеевич?

— Долгая, — говорю, история, товарищ полковник.

— Ничего. Для этого и вызвал. Рассказывайте...

Казин действительно начинал войну в звании подполковника, заместителя командира корпуса по тылу. Однако война началась для него задолго до 22 июня. За какие-то шесть-семь лет бывший ламповщик стал ответственным работником — опытным чекистом.

— Я, — говорил он мне, — вышел на житейскую дорогу из страшной нужды, но с большим багажом отцовской мудрости. Умный был человек — на расстоянии лет это хорошо видно. Отправляя в Горловку (было это в двадцать шестом году), дал мне отец не золото, не серебро, а несколько советов. «Никакой работы не чурайся. Честной дело делай смело — заработанная копейка лучше краденого рубля. Ты же, сын, на любой должности помни: не место красит, а хорошие дела. И еще — всю жизнь учись, человек неученый, что топор неточеный. Что бы ни случилось — знай: и один солдат в поле воин, «ли воюет с умом».

Пришло время — вспомнилась, крепко пригодилась отцовская наука. Научила быть рассудительным при любых обстоятельствах.

Я не сразу догадался, что Николай Алексеевич хотел этим сказать. Только позже, когда передо мной открылась вся его полная драматизма жизнь, понял: он умел работать самоотверженно. И каждое новое назначение, каждый крутой поворот, иногда и вниз, принимал не как насмешку, удар судьбы, а как суровый экзамен, из которого во что бы то ни стало надо выйти победителем.

Так было в Черновицкой области, где в канун вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз чекист Николай Казин вел свою тайную, а от этого еще более опасную (не тот враг, что впереди, а тот, что сзади) войну против резидентуры немецкой и румынской разведок, и в августе 41-го

в районе Пирятина, где корпус, в котором подполковник Казин служил заместителем комкора по тылу, вел отступая, тяжелые оборонительные бои. Рядом разорвалась мина... Николай Алексеевич очнулся в Лохвице, в немецком госпитале для военнопленных. Ему повезло. Среди медицинского персонала (тоже из военнопленных) нашлась знакомая. Выходила. Вместе бежали. Пробились в Каменец Подольский. Раны еще долго беспокоили. Только в 43 м удалось перейти линию фронта. Явился к своему бывшему начальству. Рассказал все, как было. И еще раз повезло. Поверили. Не только поверили, но сразу (как обрадовался он этому!) послали в самое пекло: снова оказался во вражеском тылу, но теперь уже командиром разведгруппы.

Группа разведчиков из шести человек, конечно, не корпус, но, возглавив это маленькое подразделение, Казин доказал, что жестокие уроки войны не прошли для него даром. Он разыскал партизанский отряд, с которым давно была потеряна связь, передал партизанам рацию, взрывчатку. Спеша домой, на Большую землю, вряд ли догадывался, что не только блестяще выполнил задание, не сдал экзамен, может самый важный за всю его нелегкую жизнь, — экзамен на «полковника Калиновского».

Группу отбирали тщательно и готовили по тем временам долго — целых сорок дней. Тренировались в том же Голосеевском лесу, где проходила подготовку группа «Львов». Калиновский успел присмотреться к своим людям, изучить их характеры, возможности. Группа подобралась на славу. Заместитель Казина — Алексей Друмашко — опытный чекист; радистка Наталья Мельниченко (Наташа Киевская) в 1941—1942 годах воевала в партизанских отрядах на Сумщине, а потом еще два года не расставалась со своей рацией, делила хлеб, соль и смертельную опасность с белорусскими партизанами. Сотни радиограмм, воплощенных в суровый неземной язык шифровок, прошли через ее руки. Василия Ревуцкого называли «доктором подрывных наук».

Казин, хорошо помня горькую, выверенную на собственном опыте присказку отца: «Война людей ест, а кровью запивает», приказал сам себе: «Я должен выполнить задание и во что бы то ни стало сохранить этих людей, которые стали для меня такими родными и близкими, словно частица моей плоти, ума и сердца»

Главное боевое задание группы Калиновского, кроме разведывательной работы, сводилось к одному короткому слову: мосты. Полковник Калиновский поставил, насколько мне известно, уникальный, никем не превзойденный рекорд, взорвав за несколько месяцев около сорока железнодорожных мостов, а среди них были и чрезвычайно важные в стратегическом плане. Семь советских разведчиков и сорок мостов — такова простая арифметика полковника Калиновского.

«Не силой, а умением» — вот когда снова вспомнилась отцовская наука. Идея Калиновского сводилась к тому, чтобы взрывать несколько мостов в разных местах, но в одном направлении. Этим он сразу убивал двух зайцев: восстановление движения на магистрали после «визита» людей Калиновского затягивалось вдвое (а тут все решали дни, часы) и одновременно возникало впечатление, что в этом районе действуют не отдельные диверсанты, а большое соединение — неуловимое, которому и счету нет...

О полковнике Калиновском много писалось в прессе послевоенной Польши. И повести о нем немало очерков, статей, исследований, спасибо, как и авторы этих работ, что героя давно уже нет в живых. А он не только выжил сам, но и выполнил приказ, который дал себе: сохранить всю доверенную ему группу. В интернациональном отряде Калиновского (было у него сначала шесть бойцов, а стало перед выходом из тыла более ста) сражались с врагом плечом к плечу русские, украинцы, армяне, поляки. За время проведения всех диверсионных операций он потерял одного бойца — одну жизнь за сорок вражеских мостов.

Выполнить задание с максимальными результатами и минимальным риском — таков был девиз этого человека, в котором так счастливо слились безумство храбрых и житейская мудрость, безудержный полет фантазии и точный расчет, отвага и осторожность.

К тому же у Калиновского почти безошибочно срабатывала интуиция: опасность он чувствовал и предвидел каждым нервом, каждой клеткой. Его советы очень помогли мне в драматический для нашей группы сентябрь 1944 года. Тогда же по соседству с нами действовал отряд легендарного Николая Гефта, которому удалось столько сделать в оккупированной врагом

Одессе. После Одессы — район Кракова. Отряду Гефта предстоял многокилометровый переход, и Калиновский, хорошо зная местность, не советовал Гефту идти намеченным маршрутом: тридцать километров безлесья таили в себе десятки неприятных сюрпризов, смертельную опасность. Талант разведчика, долгое везение сыграли с Гефтом злую шутку: он не принял совета осторожного Калиновского. Гитлеровцы, выследив Гефта, вытеснили его из лесного массива на открытую местность. В неравном бою погиб почти весь отряд во главе с командиром. Те, кому удалось спастись (среди них и разведчица Мария Бобырева, хорошо владевшая немецким языком), пришли к Калиновскому. После войны следы Калиновского надолго затерялись.

В то время, когда в Польше выходили книги о человеке легенде, когда польские патриоты поднимали вопрос о сооружении памятника полковнику Калиновскому — «грозе мостов», а отчаявшийся отыскать следы героя польский журналист писал: «Такому долгая жизнь не дана», — Николай Алексеевич Казин жил своей третьей жизнью, возвратившись к тому делу, с которого начинал в те далекие двадцатые годы. Этому возвращению предшествовали такие события.

В освобожденном от оккупантов Кракове Калиновский [illegible] со своими разведчиками. Несколько дней [illegible] он уже был в Киеве. Получил номер в гостинице и засел за отчет. Скупо, лаконично (факты только факты[1]) рассказал о деятельности своего диверсионно-разведывательного отряда.

Но надо было завершить еще одно дело. В сорок первом, в окружении, раненый подполковник Казин лишился всех документов, партийного билета. Сам нарком Государственной безопасности Украины, ознакомившись с отчетом, подписал характеристику для [illegible] кома партии. Вот тут впервые везение изменило Калиновскому. Его дело попало в руки человека [illegible] лекого, который в каждом видел потенциального предателя и труса. Факт «уничтожил документы» перевесил все остальное. Дело затянулось. И, как это [illegible] ко бывает, Калиновский-Казин, всегда готовый ринуться на защиту любого своего бойца, не смог постоять за себя.

Пришла весточка от жены и дочери. Они, возвратившись из эвакуации в родную Кадиевку, считали, что их муж и отец погиб. Казин выехал из Киева

с единственным документом — свидетельством, в котором говорилось, что он был командиром отряда. Жизнь требовала своего, и Калиновский (он и без билета считал себя коммунистом) не искал легких путей — пошел в бригаду рядовым проходчиком, работал на восстановлении шахт. Помните: не место красит человека... Появилась седина, как никак разменял четвертый десяток, докучали разные болезни, а он, в прошлом — заместитель комкора, подполковник, легендарный разведчик, поступил в горный техникум. Сидел за одной партой с подростками, вчерашними семиклассниками, а вечерами последний студент ходил на товарную станцию разгружать вагоны, на стипендию семья могла прожить разве что три-четыре дня. Потом работал техником, инженером.

В 1946 году во время служебной командировки неожиданно встретил в Харькове [illegible] певицу «немку» Марию Бобыреву. Элегантна, [illegible] вкусом. Она работала переводчицей в «Интуристе». Сначала не узнала в пожилом человеке в длиннополом плаще и кирзовых сапогах своего любимого [illegible]. Туристы, работники гостиницы никак не могли взять в толк, почему их красавица Мария, всегда такая сдержанная, полная гордого достоинства, [illegible] и плачет, обнимая, целуя какого-то седького дядьку. Почти до утра вспоминали командир и боец «минувшие дни и битвы, где вместе сражались они» — любимое выражение Николая Алексеевича. Многое припомнилось. Мария поделилась своими планами, она как раз собиралась в Киев и радовалась, что осуществляется ее давняя мечта — преподавать немецкий язык. Николай Алексеевич рассказал о своем городе, шахте, но ни словом не обмолвился, что все его документы: автобиография, которую он время от времени писал для отдела кадров, новый военный билет (солдатский) — не отражают его прошлого — чекиста, подполковника, легендарного разведчика.

Через полтора месяца после той беседы с военкомом Казина вызвали в обком на бюро, восстановили в партии. В остальном все оставалось по-прежнему. И он оставался прежним: требовательным к себе и не щадящим себя в работе. Как же были удивлены его товарищи по шахте, узнав из очерка в «Известиях», что их скромный инженер Казин — тот самый полковник Калиновский, о котором в Польше слагают

легенды. Один за другим отыскались бойцы отряда. Алексей Андреевич Думашко, оказалось, работал в одесской таможне. Владимир Данилович Гринчишин до пенсии был народным судьей. «Немка» Мария тоже не теряла времени: бывшая разведчица блестяще защитила докторскую диссертацию.

Побывал Николай Алексеевич и в Польше, и в тех местах, где неуловимые, вездесущие бойцы Калиновского взрывали мосты. В Кракове и Варшаве — повсюду полковника Калиновского, награжденного высшими военными орденами Польши, принимали как желанного гостя.

Такой он, Николай Алексеевич Казин,— рядовой партии, умеющий в любых обстоятельствах, при взлетах и падениях, при удачах и неудачах оставаться самим собой — труженником, первопроходчиком, настоящим человеком.

«Гвозди б делать из этих людей»...

Спасибо, товарищ Казин, за память, за доброе слово. А нам снова пора в Бескиды — в лагерь Тадека...

По просьбе Калиновского мы забрали с собой людей из диверсионной группы капитана Собинова. Утром 26 сентября возвратились к Тадеку. Вечером перебазировались всем отрядом на Горную Поляну, куда нам должны были сбросить груз.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОМАРА

Выписка из справки штаба фронта:

«Голос через радиостанцию Мака в телеграмме № 19 от 22.9.44 г. сообщил, что радистка Комар 16.9.44 г. арестована из-за пеленгации. Сеть сорвалась. После этого Комар сообщила: 24.9 Вистулинская окраина Кракова - Кобежин... Примечание: во всех радиограммах радистка Комар дает сигнал провала.

25.9 связь с Комаром прекратилась».

Мы ждали самолет с обещанным грузом. День рядом — Мак, Тадек и я. Ординарец Тадека притащил тулуп. Нам его вполне хватило на троих. Невдалеке смутно чернеют пирамиды хвороста. Молчим, вслушиваемся в тишину ночи. Тут-то и разыскал меня свой

— Пан капитан, пан капитан, я привел Ольгу.

— Ольгу?.. Какую Ольгу?

Слышу шаги. Легкие, стремительные, очень знакомые. Наша Ольга! Схваченная гитлеровцами, вывезенная в неизвестном направлении. Та самая, которую мы уже мысленно похоронили. Стоит передо мною живая, невредимая.

До самого рассвета Комар рассказывала свою одиссею. Ее действительно отвезли сначала в Монтелюпиху. Бросили в камеру одиночку. Били. Допрашивал ее, судя по рассказам, мой «знакомый» следователь-весельчак, что так любил русские поговорки. Все добивался, от кого, с кем работала. Татуся видела только раз, а девочек ни разу. Старый Михал едва держался на ногах: очевидно, сильно били.

На четвертый день Ольгу повели длинными коридорами в канцелярию тюрьмы. Здесь ее уже ждали. Во дворе посадили в машину. Третьим оказался офицер-переводчик — лысый, приземистый, плотный, с непроницаемым лицом. Это он [illegible] допрос во дворе у Врубелей. Ехали из Кракова примерно час.

Часовой, ворота, высокая ограда. Цепкие глаза разведчицы фиксировали [illegible] досок. В тот же день Ольга поняла: она в отделении абвера. Привезли ее для радиоигры. По радиошколе отлично знала, что это такое: берутся твои позывные, твой шифр, твоя рация, и в Центр посылается дезинформация, изготовленная и соответственно приправленная на абверовской «кухне».

«Как быть? Что делать? Не соглашаться? Тогда — конец. Снова Монтелюпиха. И уже никакой надежды. А тут, хоть и солдат полно, и часовые у ворот, возможностей для побега больше.

А что, если попробовать? Вступить в игру — еще не значит проиграть».

Ее ввели в радиорубку. Свой «Северок» Ольга узнала сразу. Сосед слева, рыжий радист в новеньких наушниках, придвинулся ближе, подмигнул, как старый знакомый, и запел, насвистывая: «Сиб... Сиб... Сиб...»

Ее позывные. Но у каждого радиста свой почерк. Вот почему им нужна именно она, Ольга. Что ж, играть так играть.

В первой «дезотелеграмме» Ольга сообщила Центру заранее обусловленный аварийный сигнал, сигнал провала.

«Омар Омар», — понеслось в эфир. И Центр понял: Комар в беде. Комар в руках врага (все, что передает «Омар», — «деза»).

Снова допрашивал офицер-переводчик. Тот самый, с залысиной. Потом даже отрекомендовался:

— Гартман. Курт Юльевич Гартман.

Это были какие-то странные допросы. Скорее беседы на неожиданные для Ольги темы. Толстой и Шолохов, Блок и Маяковский, Репин и Шостакович. Если бы не форма, не должность заместителя начальника гитлеровской контрразведки, Гартман мог показаться весьма приятным собеседником.

Говорил по-русски почти без акцента (и это тоже удивляло. Один на один бывал с Ольгой неизменно вежлив). Интересовался, не обижают ли солдаты, расспрашивал о родителях. Однажды Ольге подумалось: «А вдруг наш, [illegible] разведчик?» От одной этой мысли захватило [illegible] стало боязно за этого непонятного ей человека. [illegible] Ольги, он может провалить себя.

— Откуда [illegible] случае спросила она, — вы, офицер [illegible] хорошо знаете язык моей родины?

— Это и [illegible]. У нас, Гартманов, глубокие русские корни. [illegible] родилась в Москве. Я учился в русской гимназии.

— В старых гимназиях не изучали ни Маяковского, ни Шолохова.

— О, позже я знакомился с Россией в разведывательной школе. Мы изучали Шолохова, Горького, Сталина, Ленина. Как это: чтобы бить врага — надо его знать. Нет, нет, я не советский разведчик. Я — сотрудник абвера, член национал-социалистской партии, присягал фюреру. Но, очевидно, мы не все знаем, ибо проигрываем войну. И с меня хватит. Поверьте, я не хочу вашей крови. Зачем отдавать войне еще одну молодую жизнь?

Перед Ольгой сидел пожилой, уставший, разуверившийся человек. Что-то подкупающее, искреннее было в его интонации, но недоверие от этого только возрастало.

«Почему он решил передо мной исповедоваться? Не ловушка ли? Не затягивает ли в паутину?»

— Я вам не верю.

— И не верьте. Как это у вас говорят — на здо

ровье. «Я не хочу, о други, умирать. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Не понимаю, зачем страдать, но в остальном я согласен во всем с вашим Пушкиным. Жить, мыслить. Радоваться звездам, небу. Понимаете — жить? Хочу вам помочь, фройляйн Ольга.

— Я не стану продажной шкурой.

— Разве я стал бы с такой особой вести откровенный разговор? Подумайте сами, фройляйн Ольга.

— Что вам от меня нужно?

— На данном этапе — ничего. Просто я помогу вам бежать!

— А потом?..

— А потом вы поможете мне.

— Чем именно?

— Правдой. Расскажете своему шефу о наших разговорах, обстоятельствах побега. Доложите — офицер абвера и еще один сотрудник из русских предлагают свои услуги советскому командованию.

— Снова игра? Где гарантия?

— А наш разговор и ваш побег разве не гарантия? Мне нужна только явка. Для встречи.

Побег, вербовка контрразведчика из абвера...

Фантастично, неправдоподобно. Слишком гладко, слишком хорошо все обошлось. Поверит ли Центр? Поверят ли люди Тадека? А ты сам? Я слушал Ольгу и ловил себя на странной мысли: случись все это месяц назад, мог и не поверить. Нет худа без добра. Сам прошел через это. Сам благополучно выбрался из гестаповской петли. Но Гартман... Можно ли ему верить? По всему видать: опытный, тертый. Не исключено: вся история с побегом Ольги — начало широко и хитро задуманной провокации. Втереться, войти в доверие, наладить связи и одним ударом покончить с группой, со всей агентурной сетью.

А если не провокация? Заполучить заместителя начальника одного из подразделений армейской контрразведки — весьма заманчиво.

В руках у Гартмана пока одна-единственная нить — точка — адрес Тарговского. Его дом назвала Ольга. Я поручил Грозе усилить наблюдение за явочной квартирой и временно свести до минимума контакты с ее хозяином. Теперь оставалось только одно: ждать.

ГРОЗА В КРАКОВЕ

Гроза с помощью товарища Михала успешно легализовался в Кракове, стал работать на строительстве оборонительных объектов. Снова и который раз — Алексею помогли врожденная общительность, умение разговорить любого человека, быстро заводить полезные знакомства.

Тут снова предоставим слово ему самому.

— Оборонительные объекты, конечно, лакомый для разведчика кусочек. Но вот как туда пристроиться?

...Я на этого немца Курта око сразу кинул. Тертый калач. По нашему [illegible] будь здоров. В Харькове говорит, [illegible]. Горит, говорит, что надо, а деточки — пальчики [illegible]. Не знаю, как насчет девочек там. Но он и здесь по этой части дока и большой охотник. [illegible], явно отдает Харькову. («Вот кончится война — обязательно поеду в Харьков».) «Курт, — я ему, — проснись. Русские под Варшавой, прут на Берлин, какой Харьков?!»

Тут он меня опять начинает просвещать насчет «выравнивания фронта»: как только фронт выровняется, и случится чудо. Он, представь себе, еще верит в звезду Гитлера, в секретное оружие, которое все может поставить на свое место. («Русские никогда не будут в Берлине».)

Так вот, этот Курт, узнав о моем безработном существовании, после очередного угощения сказал, что для него это раз плюнуть: «Считай, Алексей, что ты уже на работе. Кайн проблем». («Никаких проблем».)

Так я стал учетчиком...

Как учетчик, а вскоре как агент по снабжению Гроза беспрепятственно разъезжал по городу, наведывался и в соседние села. Гитлеровцы, сообщал он, вывозят из города поляков и направлении Бохни и Мехува — на рытье окопов, противотанковых рвов.

Правой рукой Грозы стал хозяин его первой краковской квартиры (Алексей занимал маленькую комнату) Юзеф Прысак (Музыкант) — «пан керовник» (руководитель) оркестра, точнее, семейного квартета (сам Юзеф, его жена, дочки Марыся и Стася).

До войны в поисках работы он немало поездил по белу свету: подолгу жил во Франции, Германии, откуда привез, как он сам говорил, тощий кошелек и «по чемодану» музыкальных номеров, песен.

Семья, по словам Алексея, тоже большого любителя музыки, была вся исключительно музыкальной, певучей. Сам «керовник» играл на всех инструментах. Сценой служили улицы, дворы, вокзалы.

Жили Прысаки, а при них и Алексей (потом он не раз менял квартиру), в предместье Кракова – Броновице.

Прысак, в чем я не раз потом мог убедиться, как и Алексей, обладал редким, неоценимым для разведчика талантом: он был удивительно контактным человеком, с сильно развитым чувством юмора, легко располагал к себе.

Вскоре люди Зайонца помогли Юлефу, по нашей подсказке, устроиться ночным сторожем на железной дороге. По ночам Музыкант охранял сады и огороды, примыкающие к магистрали, что связывала Краков с Силезией. Место службы оказалось исключительно удачным. Мы регулярно получали информацию о военных перевозках. Сообщения Прысака с каждым днем становились все точнее, лаконичнее: сказывалась школа Грозы.

Гроза между тем сообщал: ничего подозрительного наши люди, наблюдавшие за квартирой, куда мог явиться Гартман, не обнаружили.

И вдруг 7 октября получаю записку от Грозы:

«Товарищ капитан. 6.X.1944 г. перед вечером на квартиру Игнаца явились абверовцы. Они, предъявив пароль, переданный им Ольгой, требовали встречи с вашим представителем. На 9.X. назначена встреча с ними. Прошу указаний. С приветом. А.».

Принес ее из Черныхува наш связной Збышек. Он остался ночевать в отряде, чтобы на рассвете отправиться с ответом.

Не торопиться. Главное — не торопиться. Взвесить все «за», все возможные ходы противника. Прежде всего отвести удар от Игнаца, создать на время встречи максимальную безопасность для наших людей.

Медленно складывались строки письма-инструкции:

«9.X пошли на встречу Метека. Пусть он передаст им следующее:

1. Квартира, избранная Ольгой для встречи с ними, ненадежная. Игнац симпатизирует немцам и может легко продать всех. (Это чтобы выгородить Игнаца, если они окажутся провокаторами.)

2. Командир отряда не пожелал встретиться на этой квартире и назначил встречу на 12.X в лесу у местечка Чернихув (определи сам точное место встречи).

3. Командир отряда желает знать, какие услуги они могут нам оказать, что просят от нас.

Будь осторожен. Метек не должен знать, где ты. Он ни в какие иные переговоры не должен вступать. Если дадут согласие, пойди на эту встречу сам. Возьми с собой три-четыре человека с автоматами. Выбери новое место для встречи. Прими все меры предосторожности.

После встречи немедленно приходи ко мне с обстоятельной информацией.

Если первые переговоры и встреча произведут на тебя положительное впечатление, бери подписку, давай клички, обусловливай дальнейшую связь.

С приветом *Василий*»

...Алексей [illegible] с этой почтой. Разбудил меня. По сияющим глазам я понял: удача. Он все проделал по инструкции. Встречу назначил в лесу. В 10.00 по московскому [illegible] явилась первая «рыбка» — Владимир Комахов*, учитель математики. Из военнопленных. Завербован Гартманом осенью 1941 года. С тех пор с ним не расставался. Готов кровью искупить свою вину. И вот пришел.

Гартмана Алексей узнал по Ольгиным описаниям. Приземистый, плотный, лысый. В руках новая широкополая шляпа. Явился на место встречи, как условились, один. Видно, стреляная птица. И цену себе знает. Гартман не скрывал: главная цель его — выжить, спасти семью.

— Дайте гарантию, что оставите меня и семью в живых. В моих руках такие источники информации, которые вам, молодой человек, даже не снились.

Алексей рассмеялся:

— Нам, герр Гартман, подавай товар лицом. Как говорит один мой приятель, поживем — увидим.

— Поживем — это хорошо.

Перешли к делу. Гартману пришлось ответить на некоторые заранее заготовленные нами вопросы: «Куда переброшен фельдмаршал Кейтель?», «Где размещ

* Фамилия изменена.

ются штаб группировки немецких войск «Северная Украина», гарнизон Кракова?» Ответы были обстоятельные. Так состоялась первая проверка Курта. Дело в том, что такой информацией мы уже располагали. Гартман ее подтвердил. Отсюда и кличка — Правдивый. И в нашей группе появился новый осведомитель с возможностями, о которых можно было раньше только мечтать. И все же мы рисковали. Трудно было поверить, что здесь нет подвоха, тонко рассчитанной игры, что офицер абвера, немецкой военной разведки, член гитлеровской партии, станет нашим надежным сотрудником. Но и без осмысленного риска не обойтись. В этом я не раз убеждался в партийном подполье, выполняя задания по линии разведки. С недоверием вначале к этой вербовке отнеслись и в Центре, несмотря на очень ценную информацию, переданную Правдивым. Недоверие это сохранилось у некоторых штабистов, о чем речь впереди, и после выполнения задания.

...А в Черниховском лесу все шло своим чередом.

Предусмотрительный [illegible] имел в своем дорожном чемоданчике колбасу, сало, водку. Гартман сказал, что в разведшколе его учили пить по-русски, то есть не маленькими глотками, а залпом. При этом инструктор, большой дока по России, рассказывал, что из-за этой мелочи провалился не то в Сталинграде, не то в Горьком очень ценный агент.

Расстались довольные друг другом, договорившись о ближайшей встрече в Кракове.

И вот радиограмма в Центр:

«Завербованы работники немецкой военной контрразведки Курт Гартман (кличка Правдивый), русский Владимир Комахов (кличка Молния). Правдивый помог Комару уйти из-под ареста. Комар доложила мне, что абверовцы очень обеспокоены судьбой после войны и готовы сделать все, что угодно, для своей реабилитации. Я написал им письмо и поручил Грозе вести переговоры с ними. Кончилось тем, что они дали согласие работать. Теперь мы получаем от них информацию, по мере возможности перепроверяем. Есть основания их данным верить. Они просят, чтобы я забрал их к себе, когда побегут немцы.

Голос».

Следом послал другую радиограмму.

«Донесения Правдивого, Молнии. Бывший командующий фронтом «Северная Украина» генерал-фельдмаршал Модель переведен на западный фронт. На его место назначен начальник штаба фронта генерал Гарнер. Начальник контрразведки – майор Гамерьер. Начальник оперативного отдела подполковник генштаба Кеаландер. Штаб расквартирован в Кракове, улица Нилеудского, угол аллеи Мицкевича».

Вскоре пришел ответ Центра.

«Голос. Потребуйте от работников КРО* честной работы на нас, что обусловливает прощение. Пусть составят списки всех известных им агентов гестапо.

Павлов».

Донесения, полученные от Гроты, Зайонца, Музыканта, полностью подтвердили достоверность информации завербованных контрразведчиков.

Правдивый целую неделю работал над списками. Ряд агентов нам и нашим польским друзьям удалось уничтожить накануне освобождения Кракова. В январе – мае 1945 года наши чекисты и сотрудники польской контрразведки обезвредили большую группу шпионов, диверсантов. Списки, столь добросовестно составленные Правдивым, и тут пригодились.

Теперь в гитлеровском абвере, в одном из его подразделений, были наши глаза и уши.

Подразделение Правдивого находилось в Кишеневице, но обслуживало Ченчинек, Рыбну, Чернихув, Пшетковице и подчинялось непосредственно своему управлению в Кракове. Правдивый, как это было с Ольгой, допрашивал арестованных, а иногда сам вел следствие.

Гартман отлично выполнял новые задания. От него мы получали ценную информацию.

1 ноября мы передали Центру:

«Донесение Правдивого. В сентябре в Кракове арестован радист Кнашкецкий, теперь дает Центру «дезу». В районе Кракова пеленгаторы ищут рацию, которой переданы сведения о штабе 17-й армии».

---

* *КРО* – контрразведка.

В этой же радиограмме:

«Прошу передать поздравления с праздником и привет родственникам и родным. Голос, Гроза, Комар, Груша.

Сообщите, что имеете от наших родственников».

На второй день я получил молнию Центра:

«Голос. Уточните фамилию арестованного в Кракове радиста, подробности ареста. Приметы радиста.

Павлов».

Правдивый выполнил и это задание. «Деза» сломленного Кнашкецкого уже не могла никого дезинформировать.

ЯНЕК, ПАВЛИК И ДРУГИЕ

«Павлову

Янек (Хитр[illegible] полковник Армии Крайовой, образование высшее, поляк, тридцать [illegible] лет. Имею личные встречи. Голос».*

«Голосу.

Срочно проверьте, занимает ли противник позиции оборонительный рубеж по р. Пилица.

Точно установите расположение артпозиций, танков, пехоты на этом рубеже. Пошлите этой целью специальные группы марш-агентов. Исполнение донесите.

Павлов».

Третьи сутки стоим в Козлувке. Расположение хутора очень удачное. До ближайших сел Гарбутовице, Сулковице, Ясенице — расстояние вроде и небольшое — полтора-два километра, а добираться надо два-три часа.

---

* *Армия Крайова* (АК) — польская национальная военная организация, действовавшая в 1942—1945 гг. в оккупированной немецко-фашистскими войсками Польше. Подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне.

Красота вокруг неописуемая. Осенним золотом горят лиственные леса. Синеют сосновые боры. Шумят горные ручьи. На юге белеют покрытые снегом вершины Карпат. В бинокль отчетливо виден Краков.

Я, Тадек и все радисты разместились в одном доме. Тадек взял на себя охрану хутора, послал разведку в ближайшие села.

К двенадцати часам дня прибыл связной из польского отряда поручника Побука. Он принес записку. В ней сообщалось, что в 17.00 в селе Ястшембя меня ожидает полковник Хомин Крайовой. Я был крайне заинтересован в этой встрече. Полковник, по агентурным сведениям, легально проживал в Кракове. Имел своих людей в воинских частях, в комендатуре, на железной дороге.

Люди Хит[illegible] предполагал и не ошибся — могли нам помочь при выполнении нового задания Центра.

Несмотря на [illegible] решил пойти на встречу. Сопровождать меня вызвались Мак и капитан Собинов. Мы надели плащи, [illegible] захватили автоматы, пистолеты, по паре гранат [illegible] за проводником двинулись в путь.

Вот и Ястшембя. Мы остались в роще. Проводник-связной тут же исчез и вскоре возвратился к нам. За ним шли Побук и неизвестный мне мужчина, низкорослый, похожий на колобок.

— Пан капитан, — обратился ко мне поручник Побук,— имею честь представить вам полковника Янека.

Янек тут же стал приглашать нас на квартиру, чтобы, как он говорил, в домашней обстановке обсудить некоторые вопросы нашего сотрудничества в борьбе против швабов. Сказал, что квартира, избранная для встречи, во всех отношениях безопасна. Во-первых, она принадлежит солтысу (старосте) — доверенному лицу оккупантов. Во вторых, у хозяина дома свадьба: появление гостей — дело естественное. В-третьих, хозяин квартиры предупрежден, что своей головой отвечает за благополучный исход нашей встречи.

Переступили порог празднично убранного дома и сразу очутились в компании разодетых женщин и чрезмерно учтивых мужчин.

У нас были отличные легенды. Мы не боялись неожиданных вопросов. И все же, откровенно говоря, чувствовали себя вначале не в своей тарелке. Какой-то

страшной казалась эта обстановка после лесной жизни. Солтыс пригласил нас в отдельную комнату. Сюда никто из гостей не заглядывал. Здесь мы оставили свои автоматы, сняли плащи. Сели играть в преферанс. За игрой неторопливо обсудили все интересующие нас вопросы. Полковник дал мне два рекомендательных письма к своим людям, работающим на железнодорожной станции. Его сообщения о краковском гарнизоне подтверждали данные нашей разведки. Мы договорились о постоянной связи, о координации и согласованных действиях наших диверсионных групп, о посылке марш-агентов на реку Пилица.

Тепло попрощались с новыми знакомыми и отправились в обратный путь.

Была непроглядная темень. Проводник, чувствовалось по всему, плохо знал местность. Мы шли степной тропинкой в юго-восточном направлении. Проводник этот мне не нравился. Я видел его впервые, но что-то отталкивающее было в его угодливых движениях, ответах, репликах. Подошли к небольшому селению. Мы с капитаном Собиновым под каким-то предлогом отправили проводника. Зашли в первый попавшийся дом. Хозяин, не раздумывая долго, согласился проводить нас к домику лесника. К своим мы добрались где-то около часа ночи.

На рассвете по расписанию заработала радиостанция. В эфир ушла радиограмма.

«Павлову. 3/XII.

Вчера договорился Хитрым. Посылаем трех марш-агентов на Пилицу. Через неделю дам информацию.

Голос».

Марш-агенты Хитрого нас не подвели.

Мы снова ждем груз из Центра. Три ночи подряд, с 10 по 12 октября, на поляне возле Козлувки дежурили бойцы, несколько раз зажигали костры. Но самолета не было. Пришлось изменить координаты. Ведь немцы могли сообразить, что здесь ожидается груз. Не исключалась и возможность проникновения гестаповских агентов в расположение наших отрядов.

13 октября к нам прибыл командир соседнего польского отряда Зенек. Сообщил, что к ним прибилась какая-то русская десантная группа.

Мы договорились о встрече. К вечеру прибыли де-

сантники. Узнаем, что приземлились они в шестидесяти километрах западнее намеченного района. На второй день группа вынуждена была принять бой с фашистами. Один из разведчиков, Гриша, тяжело ранен.

Командир группы капитан Павлик согласился до получения приказа командования остаться с нами. В этом и мы были заинтересованы: нельзя злоупотреблять гостеприимством польских друзей, тем более что гитлеровцы, охотясь за нашей рацией, могли в любой момент раскрыть расположение отряда. Мы думали о том, что пора отделяться. Но для самостоятельных действий не хватало людей, оружия. И вот прибыла группа Павлика.

В ночь [illegible] октября мы ушли от Гадека, с нами ушли [illegible] Павлика. Среди них моя землячка радистка [illegible] разведчица Зорька, которую мы сразу окрестили [illegible]ской колхозницей, очень симпатичные молодые хлопцы Гришка, Колька и другие.

Капитан Павлик (его имя упоминается в наших радиограммах) вскоре ушел в Краков и, к сожалению, не вернулся. Вероятнее всего, погиб. Если бы уцелел, выжил, обязательно — такой это был человек! — разыскал бы нас после войны.

Много дней его разведчики находились вместе с нами, вместе ходили на задания, совершали дерзкие налеты на гитлеровцев.

Мне запомнился Гришка. Внешность была у него обманчивая: невелик ростом, глаза сонные, как бы отсутствующие, походка ленивая. О таких у нас на Украине не говорят «вайлуватый» (неуклюжий, несобранный, что ли). Одним словом, на вид тюфяк тюфяком, а в деле тронешь — гибкая, разящая насмерть сталь.

Он был незаменим, когда надо было снять часового, взять «языка».

И только, пожалуй, один был у него существенный изъян — увлечение бимбером (польским самогоном). Тут надо сказать, что в нашей группе был сухой закон. Он распространился и на присоединившихся разведчиков капитана Павлика. И был такой случай: Гришка вернулся с задания изрядно выпившим.

Я приказал посадить его на сутки в яму из-под картофеля. Охранять было приказано Сашке-Абдулле.

С вечера долго не мог уснуть, мне стало жаль разведчика, и я решил досрочно освободить его из-под ареста. Подошел к яме. Абдулла, как и положено, сто-

ял с автоматом на посту. Я поднял крышку, засветил фонарик, а наказанного в яме нет.

— Где он? — спрашиваю.

— Докладываю, товарищ капитан! Гришка ушел к Стефе. (Была такая у нашего разведчика дивчина-зазноба на хуторе.)

— А ты чего стоишь?

— Он сказал, к утру вернется. Вот я и жду!

Пошел к Стефе. Рядом с ней сладким сном — война войной, а любовь любовью — как ни в чем не бывало спит наш «арестант».

Надо было построже наказать и того и другого. Но как наказывать вторично за ... находчивость? Абдулле в яме на этот раз, правда, пришлось посидеть, но недолго. Заменивший его у плиты боец оказался не на высоте. Пересоленная, подгоревшая каша не лезла в глотку. И Абдулла при всеобщем ликовании вновь приступил к своим обязанностям.

А позже, уже после выхода из вражеского тыла, был еще один случай в духе Гришки. В Ченстохове он как-то обедал в ресторане. Тут откуда ни возьмись появились американские и английские летчики. Гришка пригласил союзников к столу, стал щедро угощать. Были тосты за Сталина, Рузвельта, Черчилля, наконец, за открывшийся второй фронт и будущую победу над общим врагом. Новых друзей Гришка тепло проводил, а сам остался, чтобы рассчитаться с хозяином ресторана. Но рассчитываться было нечем, хозяин сообщил в комендатуру. Батя пригласил на ковер меня. Тут я уже ничем не смог помочь Гришке - он был строго наказан.

А через несколько дней в составе новой группы он вылетел на задание в Югославию. При десантировании группа попала в засаду и вся погибла.

НАС — ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

В трех-четырех километрах от Козлувки ждем груз из Центра. Для самостоятельных действий нужны оружие, боеприпасы. Мы разместились в двух домиках, расположенных на склоне горы, у самой опушки леса. Хозяева, видно, запуганы немцами. На все наши вопросы, увещевания отвечают одним и тем же заученным голосом: «Ниц нима, ниц нима. Вшиско герман забрав».

Пришлось наложить на всех «домашний арест». Без моего разрешения никто не мог выйти за пределы хутора. Все «приблудшие» задерживались и тщательно проверялись нами.

20 октября на рассвете меня разбудил часовой. Доложил, что приближается группа вооруженных людей. Мы приготовились к неожиданной встрече. Плотный туман долго не позволял рассмотреть неизвестных. Сначала мы услышали хриплое дыхание, кашель, похожий на лай, и только на расстоянии шести-семи метров увидели на [illegible] пилотках звездочки, красные ленты. К нам [illegible] вооруженные польскими винтовками, трофейными автоматами, «вальтерами» красноармейцы, [illegible] из немецких лагерей смерти.

Тяжело было [illegible] на почерневшие лица. Многие [illegible] ранены, многих бил озноб. Ночью группе [illegible] преодолевать горные ручьи.

Я приказал [illegible] людей, разместить по землянкам на отдых. Пригласил к себе старшего группы — Евсея Близнякова.

Белорус. Родом из Могилевской области. Накануне войны работал в Кунбышеве, потом призвали на действительную службу. Воевал. Командовал пулеметным взводом. В июне 1942 года, контуженный, попал в плен. В концлагере заставили работать на военном автозаводе. В мае 1943 года бежал в горы. Из таких же, как сам, бывших военнопленных организовал диверсионно-разведывательную группу, которая вскоре влилась в партизанский батальон поручика Гардого. Узнав об отряде капитана Михайлова, решил, с согласия Гардого, присоединиться к своим.

Я связался с Гардым. Тот подтвердил: да, все так и было. Группа Близнякова действовала смело, находчиво, не раз участвовала в крупных операциях батальона. Все же необходимо было сделать запросы на Близнякова и двух летчиков, которые утверждали, что выбросились из горящих самолетов, пробираются к своим.

Послал радиограмму:

«27.10. Павлову. Создана боевая разведгруппа, 22 человека. Русские, большинство военнопленных, два летчика, приземлившиеся во время катастрофы в начале октября. Кроме агентурной разведки, начинаем добычу «языков».

Ночью Ольга принесла ответ Центра:

«Боевую группу для разведданных использовать можно и нужно, но учтите, что добывать данные о противнике главным образом вы должны агентурным путем. Будьте осторожны. Подробно доложите о летчиках.

Павлов».

Мы послали в Центр данные о летчиках. Вскоре Павлов сообщил: все показания Близнякова и летчиков подтверждаются.

В последующие дни я познакомился с остальными бойцами группы Близнякова.

...«Голос» стал интернациональным: русские, украинцы, белорусы, поляки, башкир.

Собрав бойцов, я зачитал приказ об их зачислении в боевую разведдиверсионную группу.

С первых дней Ольга, Грунь, ребята из группы Павлика подружились с новичками. Митя Цыган и Евсей Близняков были отличными подрывниками, мастерами диверсий. Абдулла-Саша вскоре покорил всех своими кулинарными способностями и стал шефом кухни.

Так мы превратились в своеобразный гибрид — боевую единицу агентурно-разведывательного и диверсионного характера.

Нас было четверо, стало двадцать шесть. Двадцать шесть очень разных по характеру, но связанных одной целью, одной задачей — бить врага. За муки, перенесенные в лагерях смерти, за сожженные города и села, за миллионы замученных советских людей.

...Встречи, расставания... Капитан Лотов (его настоящая фамилия стала мне известна много лет спустя), с которым мы успели подружиться, сработаться, по заданию командования ушел со своей группой «Висла» в новый район действий.

Самолета с грузом все еще не было.

27 октября Евсей, Митя-Цыган, Абдулла-Саша, Белый ушли на задание: раздобыть продовольствие, а заодно потревожить фашистов в селе Пцим.

В 23.00 Ольга включила Москву, послушали последние известия. Я проверил посты. Здесь, в лесу, в горной долине, было тихо.

Туман висел плотной, непроглядной стеной. Горы, селения гуралей слились с темнотой, растворились в ней. Но в полночь туман начал редеть и вскоре совсем рассеялся. Передо мной открылась сказочная панорама. Вдали в лунном сиянии сверкала серебристыми зубцами длинная цепь хребтов. Напряженно вслушиваюсь в ночь — ни звука.

Прилетит или не прилетит?

Молчит безоблачное небо. Молчат зеленые звезды.

Удивительная ночь. Удивительная тишина. Совсем мирная.

Я знал, как она обманчива, готовая взорваться автоматной очередью, гранатой, коротким вскриком. Но в ту ночь чувство близкой, непосредственной опасности как-то отодвинулось. Спать не хотелось. И все же как-то незаметно задремал. Отчетливо увидел перед собой мать. Она умерла, когда мне было четырнадцать лет. Родное лицо то приближалось ко мне, то уплывало, чем-то встревоженное.

«Трудно тебе, сынку», — услышал я грудной певучий голос и проснулся от протяжного гула. Совсем низко над нами кружил самолет. По звуку определил: «дуглас». С охапкой сена выскочил из землянки. Поднялись хлопцы. Зажгли факелы. Со всех сторон тащили сено, солому, дрова. Еще мгновение — и по прямой линии вспыхнули три больших костра.

А в горах снова густой, плотный туман. Удивительно, что самолет прилетел в такую погоду без предупреждения.

«Дуглас» сделал четыре — шесть кругов. Мы так и не увидели самолет. Ни единого парашюта никто не засек в воздухе. Сделав последний, по-видимому прощальный, круг, самолет ушел на восток. Мы потушили костры.

Разделил бойцов на четыре группы. Каждая получила свой квадрат для поиска. Первым примчался Гриша. Отрапортовал:

— Товарищ капитан, мешок с грузом найден, цел и находится в ста — ста пятидесяти метрах от лагеря.

Ожили, повеселели наши девчата. Помогли втащить в дом первый мешок. Через полчаса весь груз был найден. В мешках оказалось то, в чем мы и наши польские друзья больше всего нуждались. Новая рация, радиопитание, автоматы, пистолеты, патроны, тол, походные палатки, обувь и — сверх заявки — продукты: сахар, сало, консервы, шоколад, печенье и т. д.

К рассвету вернулись хлопцы Близнякова. Задание выполнили. Не обошлось, однако, без ЧП. С обрыва свалилась повозка. Ранило Митю-Цыгана. Его основательно помяло. Он не мог держаться на ногах, стонал. Требовалось срочное вмешательство врача.

— Товарищ капитан, — заторопился Близняков, слегка боялся, что я откажу ему в этой просьбе.— Разрешите, сбегаю к нашим соседям-полякам. Одна нога здесь, другая там. Есть у меня там знакомый доктор — Ян Новак.

ЯН НОВАК

«Справка

Настоящим подтверждаю, что гр Новак Ян (кличка — Хентый) работал доктором в польском партизанском отряде Гардого

Вылечил двух тяжело раненных бойцов моей группы и оказывал медицинскую помощь всем нуждающимся бойцам.

В связи с освобождением территории, где действовал партизанский отряд, доктор Новак со своей женой отправлен на место своего жительства в город Домброва-Гурнича.

Комендант боевой группы капитан *Михайлов*.

Подпись капитана Михайлова свидетельствует начальник разведотдела штаба 38 й армии полковник *Чернов*».

Он пришел к нам из отряда Гардого, как только узнал от Евсея о ранении Митьки. Партизанскому доктору было под тридцать, но он оставался Янеком, вечным студентом. В отряде Гардого его так и называли: пан студент-доктор.

Война застала нашего Яна на третьем курсе медицинского факультета Варшавского университета. С приходом гитлеровцев Новаку пришлось возвратиться на родину — в шахтерский городок Домброва-Гурнича без диплома, так и не оправдав надежд матери. Сама неграмотная, она и во сне и наяву видела сына дипломированным, настоящим доктором.

Но шла война. Увеличилось число больных, убавилось медиков. И местный врач назначил Новака своим помощником по хирургии. Людям пришелся ко

двору пан студент-доктор: рука легкая, язык, как брит
ва, брал за визиты самую малость. С лета 1943 года
Ян стал пропадать на два-три дня. Появлялся в родн
тельском доме (отец работал электромехаником) так
же внезапно, как и исчезал. Мать потихоньку плака
ла, отец ни о чем не расспрашивал, но, видно, вол
дывался.

Однажды, когда Янек снова было собрался в лес
отец молча сунул в сапожок сына кусок сала: им
там нужнее.

Так Ян лечил [redacted] нашими ранеными бойцов из отряда
Гардого, а в ноябре сорок третьего совсем перекочевал
к партизанам. В отряде встретился с Ингой – Инга
борой. Будущая жена Новакова, работая сестрой в гос
питале, стала по совместительству связной. Я видел ее в
бою и могу засвидетельствовать: Инга была метким
стрелком. И [redacted] Янека она тоже сразила, как говорится, с первого выстрела.

Любовь — не пожар: вспыхнет — не погасишь.

Ян бледнел, краснел, как только появлялась Инга
Все его попытки объясниться были напрасны. Инга
всячески избегала встреч с паном студентом-доктором,
боясь его острых шуток, и не замечала, как парень
при ней терялся.

Объяснение — о нем долго рассказывали в отря
де — все же состоялось, хоть и стоило Яну трех суток
ареста в командирской землянке. Ян устроил Ингибо
ре засаду по всем правилам партизанского искусства
Двумя выстрелами вверх заставил девушку присесть и
выслушать горячее признание совсем не в духе насмеш
ливого пана студента. Что поделаешь: так велело серд
це. Рассказывали, что в отряд упакаемый доктор воз
вратился с пылающей щекой. Однако попробуй разга
дать женское сердце! И в октябре 1944 года, когда
состоялось наше знакомство, Ингибора еще не была
пани Новаковой только по вине ксендза.

Сам Янек не верил ни в Бога, ни в черта, ни тем
более в благословение святого пастора, но Инга стояла
на своем, требовала, чтобы все было «как у людей».
Янек – любишь смородину, люби и оскомину — уже
было согласился. Да тут заартачился ксендз из сосед
него села. Он оказался настоящим крючкотвором-бю
рократом, ксендз Дуда из села Лужец, что возле Воль
брома. Требовал какие-то свидетельства, справки, а как
их раздобыть в столь суровое время?

Янек на наших глазах таял, как свеча. И тогда инициативу в свои руки взял пан комендант поручник Гардый. Он выделил невесте и жениху кортеж — тридцать хлопаков с автоматами. Пригласил и меня в свидетели. Ночью мы приехали в Двужец. Деликатно разбудили Дуду, и поручник Гардый провел с ним «политбеседу».

Потом мы с оплывающими свечами в руках вступили в гулкое здание старинного костела. Неровное пламя билось в наших пальцах, фантастические тени прыгали на горящем пурпуре мантии, на вырезанной из дерева фигуре святого Петра, на печальных, удивленных лицах апостолов, на партизанских автоматах.

В этом пламени, а возможно в суровом блеске стали, сгорел бюрократизм Дуды. Венчание прошло без приключений, в темпе. Ксендз расщедрился. На прощание притащил из своего тайничка бутыль прекрасного церковного вина. И мы распили его «за вольную людову Польску», за молодых.

Дуда в церковном вине знал толк и, надо полагать, прикладывался к нему не только по праздникам. Мясистый, с желтыми прожилками нос преподобного отца становился то сизым, то малиновым прямо у нас на глазах.

Охмелев, Дуда произнес примерно такую речь, сплошь состоящую из проклятий и благословений:

— О пан Бог, о его единственный, наияснейший сын Езус! Да будет проклята та ночь, когда был зачат во чреве материнском этот ублюдок Адольф! Да будет проклята война, заставляющая новобранных, подобно диким вепрям, скитаться по лесам и горам.

И да будет благословение божье, — тут Дуда снова осенил крестом новобранных. — Да хранит вас свентека матка боска, лилия небес, мать страждущих и влюбленных. Амен!..

Мы расстались с Янеком и Нигиборой 24 января 1945 года в деревне Тшебуня, а встретились почти двадцать лет спустя в Кракове. Наш Янек мало изменился. И в 1964 году я его увидел таким же веселым, жизнерадостным, каким он был в суровые военные годы. Острил, сыпал новыми шутливыми стишками собственного сочинения, а между тем уже тогда был болен, но скрывал это. Я узнал обо всем позже из письма Нигиборы.

«Янек был снова в санатории Техотинце. Доволен. Ему лучше. Но представляете: Ян, наш Ян, прикован к креслу. Делаю все, что могу, лишь бы избавить Яна от плохого настроения, что мне частично удается.

Вот пишу Вам такое грустное письмо, а жизнь такая короткая — тут ничего не поделаешь. Этот месяц у нас проходит под девизом польско-советской дружбы, и многие от вас приезжают в Польшу для встречи с друзьями.

Может быть, и наш капитан Михайлов снова заглянет к нам? Для Янека лучшее лекарство — встреча с боевыми друзьями.

Только [illegible] на детей, видим, сколько прошло лет. Это [illegible] Янек, наши живые метрики. Наш Ан[illegible] на третьем курсе. Средний, Адам, по прежнему [illegible] учиться. Рвется в военную школу. А Ева, к счастью, учится хорошо. Все больше успевает по русскому языку. Можете нам смело писать по русски, так как дети уже самостоятельно переведут, без чужой помощи. Пишите нам. Каждое Ваше письмо представляет для нас большую радость».

И к этому письму Янек приложился собственноручно, дописав новую фрашку (шуточное стихотворение), посвященную прародительнице Еве и всем ее дочерям, а значит, и пани Новаковой:

Люди в тебе ошибались века:
Не из ребра ты, из языка!

Такой он — наш Янек. Зная его характер, я верил, что он мужественно преодолеет все свои беды.

И словно в воду глядел. Вскоре, по приглашению Тадека — бывшего партизанского командира, я снова побывал в Польше. Рассказ об этой поездке, о встрече с друзьями тех далеких боевых лет — впереди. Тут — только о Новаках.

Переступил порог их дома с тревожным чувством: сейчас увижу разбитого тяжелой болезнью друга. И вдруг, пожалуй, самый приятный сюрприз за всю поездку: Янек снова на ногах!

Пять недель лежал Ян парализованный, осевший. И все эти недели Инга, верная Инга, ни днем ни ночью не отходила от его постели. Каждый день купала, каждые полчаса переворачивала отяжелевшее тело.

В Казимежа-Вельке все, от мала до велика, знали, любили доктора Новака, но никто уже не верил в его воскрешение.

Никто, кроме Инги.

Когда Ян начал поправляться, пришла старушка, одна из многих его благодарных пациентов. Увидела — заплакала.

— Чего ты плачешь, бабця?

— Третий раз прихожу на твои похороны, сынок. Видать, жить тебе долго, долго. Да хранит тебя святая дева над девами, мать страждущих.

Живет, ходит... Работает главным санитарным врачом.

И мы подняли тост за Ингу, за верность, за любовь, перед которой бессильна даже смерть.

— А помнишь, друже, как мы вылечили Ингу от одной опасной болезни?

— Еще бы не помнить!

Янек подмигивает: дескать, теперь уже можно поднять завесу над таинственным приключением.

Было так. Одну девушку — разведчицу из отряда Тадека — ранило в ногу. Ян опасался гангрены, навещал свою больную через день, пока в Инге не проснулась старая, как мир, спутница любви — ревность.

— Что-то очень часто у тебя перевязки. Поеду и я с тобой.

Ревность, как ржавчина, губит сердце. Долго ломал себе голову Янек, пока не надумал одно средство.

— Хорошо, — сказал он, — командир разрешает. У Гардого тоже есть дело к Тадеку. Едем втроем.

Поехали рысью. У ручья (все рассчитал Янек) Ингина лошадь, маслаковатая, с короткой шеей, почуяв влагу, вырвалась вперед, резко наклонилась, припала нетерпеливыми губами к воде. От неожиданного сильного рывка Инга вылетела из седла и — в чем была — шлепнулась в речку.

Ян и Гардый, стараясь себя не выдать, помогли ей подняться, подвели лошадь. Но ничего не подозревавшая Инга не стала их даже слушать:

— Езжайте сами. Я — обратно.

Ян смеется:

— С тех пор все симптомы болезни как рукой сняло. Хоть бери патент на испытанное, проверенное средство от ревности.

Наш Новакова — мать Андрея, Адама и Евы, бабушка без пяти минут — ничуть не сердится на своего мужичка и, кажется, давно уже разгадала его проделки.

— Я-а-нек,— говорит она таким голосом, что я даже немножко завидую своему другу.

— Да, было времечко. Под Новый год свалила меня ангина. Температура 40. Сам врач — сам и исцелял ся. На второй день только открыл глаза — смотрю твои хлопаки. А на нарах ром, мед, конфеты. Принесли от Сани-повара даже жареную картошку. С тех пор жареная картошка — самое любимое мое блюдо. И еще. Один русово[illegible] такой леший с зелеными глазами, нел для меня «Катюшу», «Рябину», «Полюшко-поле». Удивительный [illegible]

Это — Отченашев. Погиб в последние дни войны.

Помолчали

Хорошо у Я[illegible] Да пора нам обратно в горы — в год 1944-й

САЛЮТ ОКТЯБРЮ

Приближается 27-я годовщина Октября. Чем же мы, товарищ капитан, отметим праздник? — обратился ко мне после вечерней поверки Евсей Близняков — командир нашей диверсионной группы.

...Евсей пришел с готовым планом: совершить налет на станцию Строне. Сложность заключалась в том, что у нас тогда не было взрывчатки, но во всем остальном инициатива Близнякова совпадала и с моими планами: нанести по гитлеровцам ощутимый и одновременно отвлекающий удар, пополнив заодно нашу изрядно оскудевшую кассу (расходы случались разные, нередко, как читатель еще может убедиться, совсем непредвиденные). Этим нападением мы надеялись сразу убить двух зайцев.

Так определилась конкретная задача.

Группе Евсея в ночь на 3 ноября совершить налет на станцию Строне — одну из крупнейших на линии Краков — Закопане.

Цель налета:

1) Уничтожить селекторы, связь — телеграфную, телефонную, разрушить водопроводную колонку, раз-

нести рельсы. Таким образом вывести из строя станцию хотя бы на сутки.

2) Экспроприировать железнодорожную кассу. (Линия Закопане — Краков обслуживала и местное население.)

Наметился состав группы. Кроме Евсея в операции участвовали Митя-Цыган, Заборонек, Отченашев, Семен Ростопшин, Шиманский, летчик Шипин.

События, как докладывал мне впоследствии Евсей, разворачивались следующим образом.

Когда стемнело, группа подошла к поселку Строне и залегла на опушке леса.

Вскоре из разведки с хорошими новостями возвратились Семен и Шипин.

Как показал местный солтыс (мы ему доверяли), на станции несла службу группа охранных войск. Среди охранников были инвалиды, пожилые люди и безусые юнцы, вчерашние гимназисты. Охранников — человек сорок. Располагались они все в старой казарме у самой станции.

Вокруг казармы и станции живая изгородь из кустарников, деревьев.

Луна, как назло, светила вовсю. Только в полночь группе Евсея удалось пробраться к железнодорожному полотну.

Залегли за насыпью.

По знаку Евсея первым через полотно ужом прополз Шипин, следом за ним — Заборонек.

Часовой шел прямо на них, тихо насвистывая вальс Штрауса.

Шипин возник перед ним внезапно, как привидение. Тот и испугаться не успел, как оказался на земле, с кляпом во рту. Шипин накинул шинель часового на плечи и — в казарму.

Смутно в два этажа серели нары. Охранники, ничего не подозревая, дружно похрапывали. Один поднял голову. Спросонья принял Шипина за своего и тут же снова захрапел. У прохода — два ручных пулемета, карабины, автоматы. На полу сапоги, с нар свисает одежда.

Шипин тихо свистнул. В казарме бесшумно, как тени, появились Евсей Близняков, Семен Ростопшин. Двое остались во дворе.

Близняков и Ростопшин прикипели к пулеметам. Шипин — с гранатой. Казарму взяли без единого вы-

стрела. Охранников, ошеломленных, вздрагивающих от холода, в одних подштанниках, вывели во двор. К пленным приставили двух конвоиров. Словом, чисто сработали. Начальника станции, дежурного, кассира всех удалось взять без шума. За полчаса вывели из строя водокачку, систему диспетчерского управления, развели рельсы. Тут, как и было договорено, подоспели три подводы из соседнего отряда Армии Людовой. Подводы загрузили трофеями. Два ручных пулемета, двадцать карабинов, десятки гранат — таким был наш праздничный подарок друзьям по оружию.

Пленные во дворе со страхом ожидали решения их судьбы.

Евсей обошел шеренгу, хмыкнул:

— До ручки довел Гитлер, инвалидов да сопливых мальчишек набрал. — Приказал всю раздетую команду запереть в казарме.

Шишин от себя прибавил:

— Не советую поднимать шума, казарма заминирована. Взорвем к чертям собачьим! Шлафен, шлафен, майне либен. Дескать, досыпайте, дорогие. И пусть вам снятся приятные сны.

Прошли считанные минуты, и ночная тьма поглотила группу смельчаков. Без приключений возвратились в лагерь на рассвете. Я поздравил бойцов с удачным завершением операции. Наш казначей Анка (Груша) пересчитала деньги. Выручка в кассе оказалась неплохой — двадцать пять тысяч злотых.

В ночь на 7 ноября группа Евсея снова отличилась: совершила не менее дерзкий налет на станцию Воля-Радзишевска. На этот раз своевременно добыли тол (выручил Тадек). Мите Цыгану удалось первому пробраться к мосту. Снял часового. За ним проникли Семен Ростопшин. Вдвоем один из «быков» начинили взрывчаткой. Вложили килограммов сорок шесть. Накормили «быка» досыта.

Потом на митинге, посвященном двадцать седьмой годовщине Октября, Евсей докладывал: железнодорожный мост взорван, пущен под откос воинский эшелон: четыре платформы с техникой, три вагона с солдатами, убито и ранено более шестидесяти гитлеровцев. Движение на участке станции Воля-Радзишевска прервано по крайней мере на сутки. Таков наш салют Октябрю.

«КРАЙНЕ ВОЗМУЩЕН ВАШИМ ОТНОШЕНИЕМ КО МНЕ»

Этой небольшой главы не было, да и не могло быть, в предыдущих изданиях.

Пререкания, спор между разведчиком, командиром небольшой группы, и вышестоящим начальством. Да где такое видано?!

Посмотрите любой фильм, почитайте любую книгу о солдатах невидимого фронта (не исключая, впрочем, «Я – «Голос», «Пароль «Дин spiro...»), и вы неизменно натолкнетесь на одну и ту же схему: Центр принимает решение, приказывает, ставит задачи, а разведчик – резидент, командир группы приказ выполняет. И никаких конфликтов, никаких проблем.

Так бывает на экране, в книгах, а в реальной жизни?

Впрочем, сначала несколько ноябрьских радиограмм.

«Украинцу.

5.11. Немцы силой около 2 гв. начали облаву на партизан в районе Издобичи, Притковице, Сулковице, Воля-Радзишевска. Сами с этим мы отошли на юг и находимся около села Завадка.

Голос».

«6.11. Голосу.

Поздравляю Вас и руководимый Вами состав 27-й годовщиной Октябрьской революции.

Желаю боевых успехов.

Павлов».

И буквально на второй день еще одно «поздравление» к празднику.

«7.11. Голосу.

Предупреждаю. Ваша работа неудовлетворительна. Приказ не выполняете, на наши телеграммы не отвечаете.

Зачем создана боевая группа, что и кому дают ваши агенты. Требую любой ценой уточнить данные о 17-й армии и всех запрашиваемых нами частях.

Проверить фамилии арестованных радистов и как о них узнали.

Зачем расписание Комар, если не загружена одна станция».

И тут же: «Ваша просьба о родителях выполнена. Живы, здоровы, передают привет.

Павлов»

Читатель, надеюсь, помнит первую сердитую радиограмму Украинца, высказанное им неудовлетворение нашей работой в самом начале операции «Голос».

Могла ли та телеграмма способствовать делу, вселить уверенность? Нет и нет! У меня она уже тогда вызвала недоумение, обиду.

Я понимал, что предстоит много сделать для выполнения приказа командования, но для этого требовалось прежде всего время, необходимо было всесторонне ознакомиться, изучить конкретную обстановку. А в Краснодаре она была крайне сложной. Еще большее недоумение по причинам, которые я приводил выше, вызывало требование «перенести станцию в Краков».

И все же, думаю, причина, что тогда для радиограммы был хоть формальный повод: наше вынужденное молчание, «малая активность».

А теперь, два месяца спустя, после того как группа передала Центру десятки радиограмм, ценную информацию о дислокации воинских частей противника, их передвижении через краковские узлы железных и шоссейных дорог, о провале некоторых советских групп разведчиков, после нашей радиограммы от 5 ноября? Каково нам было без, повторяю, малейшего повода получать подобные «поздравления»?

Глубоко убежден и поныне: человека на любом посту, в любом деле, тем более разведчика, действующего на свой риск и страх в глубоком тылу противника, поддержать, а порой и поправить может только строгая объективность, правдивая оценка его работы.

Как бы там ни было, явная несправедливость вызвала у меня протест, ответную реакцию, может быть излишне дерзкую по тем временам и субординации.

«14 ноября. Павлову.

На Ваш № 17. Вы вторично необоснованно оцениваете мою работу неудовлетворительно. Прошу прислать резидента и разрешить мне переход линии фронта. Все, что зависимо от меня, я делал и делаю.

Крайне возмущен Вашим отношением ко мне.

На Ваши радиограммы отвечу с получением информации от агентов.

Голос».

Не собираюсь ничего поправлять, редактировать. Что было — то было.

Через два дня я позволил себе — словно какой то бес вселился — снова, отнюдь не по правилам субординации, обратиться к Павлову.

«На Ваш № 19

...Почему не слушаете нас по расписанию и в контрольные часы? 11—12 ноября Вас вызывали с 9 до 12.00. Вы не отвечали».

Эту телеграмму мы передали Центру 14.XI, а на следующий день я получил, наверное, по тем временам формально правильную, а по существу опять таки чисто чиновничью оценку моего «поведения».

«На № 45.

Тов. Голос, Вы забыли, что находитесь в Красной Армии. На требование командира нужно не обижаться и не ставить ультиматум, а во имя Родины еще лучше и больше выполнять приказы».

И вслед за этой радиограммой — уже в более спокойном, почти извинительном тоне.

«16.XI. Голосу.

Слушали вас 11.XI 6 раз, 12.XI 3 раза, 13.XI 3 раза. Отвечали всеми свободными передатчиками. Очевидно, ваша рация неисправна.

Павлов».

Центру было непонятно, зачем мы создали боевую группу, и это после того, что я еще 27 октября объяснял: группа будет использована главным образом для добычи «языков», разведданных.

Позже Центр все-таки понял целесообразность создания группы *.

---

* Вот что сказано об этом в книжке «Они прославили военную разведку»: «Для более широкого развертывания агентурно разведывательной и диверсионной работы Е. С. Березняк в октябре 1944 года по собственной инициативе, впоследствии одобренной Командованием, создал отряд из числа бывших военнопленных, которые находились у польских партизан. Отряд отделился от польских партизан, перешел в район населенных пунктов Вентарка, Западка, Козлувка (35 км юго-западнее Кракова) и действовал там самостоятельно, ведя разведку и осуществляя диверсии, до освобождения этого района 23 января 1945 года советскими войсками».

Был у меня еще неприятный обмен телеграммами по поводу выброшенного нам груза.

Может быть, именно моя «дерзость» в определенной степени повлияла на сделанные несколько месяцев спустя, уже после выхода Голоса из тыла, выводы и общую оценку Центра деятельности группы.

С одной стороны, в архиве, как уже было сказано, хранится датированная мартом 1945 года справка о том, что все добытые группой «Голос» сведения о противнике «подтверждены боями». Командованию была хорошо известна роль нашей группы в предотвращении уничтожения Кракова.

С другой [illegible] выводы — о них и о том, что за ними последовало, мы расскажем ниже,— начисто перечеркивающие не только то, что нами было сделано, но и нас [illegible]

Вновь и вновь [illegible]иваю себя: как это могло случиться?

Ведь, положа р[illegible] на сердце, нам с начальством еще повезло. «Павлов» — мне приходилось с ним встречаться и после войны — был достаточно умен, образован, при случае мог проявить заботу,— одним словом, принадлежал отнюдь не к худшей части руководителей.

И при всем при том оставался человеком системы, где больше всего ценятся исполнительность, послушание.

Любая попытка вырваться из положения «винтика», действовать самостоятельно, не по шаблону невольно вызывала у таких людей недовольство, подозрительность, желание «принять меры», «поставить на место».

Что касается меня, то, несмотря на неоднократно полученные мною синяки, я по-прежнему — за хорошую дерзость, за строптивость и непослушание, за постоянную готовность отстоять свою точку зрения, если это в интересах дела, истины.

Глупый, с амбициями, обидится и будет мстить.

Умный раньше или позже поймет и сделает выводы для себя.

Вспоминается такой случай.

В 1946 году бюро Львовского обкома партии приняло решение: передать здание с/ш № 6 по улице Зеленой, 22, под партийную школу.

Обком партии и заигорно...

Слишком, увы, неравные, даже по нынешним временам, весовые категории. Я, однако, не согласился, дал телеграмму в ЦК ВКП(б). Центральный Комитет решение отменил, что вызвало крайне резкую реакцию, недовольство и гнев тогдашнего секретаря Львовского обкома Н. С. Грушецкого.

Со временем он, однако, после этого инцидента стал относиться ко мне даже с большим уважением. Позднее, в Киеве, мы совсем близко сошлись.

Как-то незадолго до своей кончины Иван Самойлович, видно вспомнив ту давнюю историю и думая о чем-то своем, может быть для него очень важном, неожиданно промолвил:

— А ведь ты тогда, Евгений Степанович, был прав.

ЯВОЖЕ

Дожди Холодные, осенние. Срочно соорудили шалаши из нарашоток, веток. Кругом непролазная грязь. Решили уйти на хутор Явоже, занять его и там дожидаться вертолета.

Хутор казался рядом: протяни руку — достанешь. В горах, однако, судить о расстоянии на глазок дело гиблое. Два километра по полевой карте мы с трудом преодолели за четыре часа. На полпути нас снова накрыл дождь и уже не отпускал до самого хутора. Тяжелые рюкзаки с боеприпасами, взрывчаткой, радиоаппаратурой давили к земле. Размокшая глина то и дело уходила из под ног.

Так и застала нас ночь в дороге. Сбились с тропинки. Пошли напрямик лесом по азимуту, натыкаясь на пни, камни. Где-то впереди изредка вспыхивали и пробивались к нам сквозь пелену дождя холодные призрачные огоньки. Думали — хутор, оказалось — фосфоресцирующие гниющие деревья. И снова тьма-тьмущая. Чуть не прозевали Явоже, да выручили хуторские собаки: подняли такой лай, что и мертвому не устоять. Но сам хутор притаился. Мало ли кого может в недобрую пору принести война. Евсей Близняков первым догадался: показал гуралям коробку московских папирос с изображением Кремля и красной звезды.

Узнав, что мы русские, гурали жадно набросились на нас с вопросами: «Как Москва? Не очень ли пострадала от авиации Гитлера? Скоро ли придет Красная Армия?»

Оказалось, чуть ли не вся молодежь хутора ушла в лес, в «польску партизантку». Люди здесь давно ждали освобождения, молились за Советы, за Красную Армию.

Нам удалось разместить всех бойцов в хатах, стодолах, сараях. Пришлось, правда, немного потесниться жителям хутора. Да те на нас не были в обиде.

Я впервые увидел, как живут настоящие гурали. Беднее их, пожалуй, и не сыскать было в буржуазной Польше. Курные избы, описанные Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», здесь показались бы раем. В домах не то что дымохода — даже печи нет. [illegible] посреди хаты — очаг — костровый круг [illegible] почерневшими от копоти камнями.

Тут [illegible], греются, спят. В копоти, в дыму, случает[illegible] теленком или ягнятами, живут взрослые, [illegible]. Все они босые, полураздетые. И на все случаи [illegible] главное блюдо — картофель да мамалыга. Тем трогательнее была щедрость, сердечность, с которой гурали на следующее утро угощали нас.

Первую ночь наши разведчики проспали как убитые. Я только успел проверить посты и сам свалился, не чуя под собой ног.

Разбудил меня хозяин самым что ни на есть необычным образом. Я проснулся от какого-то подозрительного шороха. Вижу: гураль, лицо обветренное, все в морщинах, цвета старой бронзы. На нем накидка расшитая цветными узорами. Брюки, тесно обхватившие жилистые ноги. Седой как лунь. В зубах — люлька. Может быть, еще прапрапрадедовская, а в руках... мой автомат.

Оказалось, наша «машинка» понравилась старому гуралю. За завтраком он буквально умолял меня дать ему «машиновый карабин». Если нельзя «за так», то за овцу. Просил, чтоб я взял его шницелем (разведчиком) в свой отряд. А уж в отряде он себя покажет. И пусть пан товажиш капитан не глядит, что голова в снегу. И с хлопаками померяется.

Такой монолог довелось мне выслушать за завтраком. Старик добыл из тайника вяленую баранину, пахучий будз (острый сыр из овечьего молока). Я вытащил из рюкзака банку тушенки, плитку шоколада.

Просьбу старого гураля мы сумели удовлетворить только наполовину. Выделили ему из наших трофеев немецкий карабин. И остался он в своей хате не шни-

целем, а связным, хозяином явочной квартиры. Наши разведчики, возвращаясь с трудного задания, всегда встречали тут радушный прием.

В Яунде проливной дождь продержал нас три дня. Первый день, как я уже говорил, мои ребята отсыпались.

Под вечер приходят, зовут в «клуб» — длинную кошару, покрытую соломой. Застал всю группу в сборе. Ночь впереди длинная. Дороги вокруг размыты. Посты расставлены. Лежу на соломе, думаю под шум дождя, что то будет с отрядом с наступлением глубокой осени, зимы. Что предпринять?

Ребята пристают:

— Расскажите, товарищ капитан, что-нибудь интересное.

Тут я вспомнил книги из библиотеки моего учителя по разведшколе.

Было у него одно, как теперь говорят, хобби. В свободное время где только можно добирал литературу из истории разведки. От Адама до наших дней. В домашней библиотеке моего учителя нашлось место и Гомеру, и Библии, и Цезарю, и Плутарху, и Тарле, книгам о Парижской коммуне и народовольцах. В беспристрастных рассказах историков порой таилось столько драматизма, в них крылись такие острые, захватывающие сюжеты, о которых авторы «шпионских» повестей могли только мечтать.

Приступая к рассказу о тайной войне, я преследовал чисто практическую цель. Конечно, методы, формы тайной войны меняются, но кое чему полезному можно научиться и у предшественников.

Заговорила во мне, очевидно, и тоска по учительскому делу, по аудитории.

Как бы там ни было, «урок» затянулся далеко за полночь. Дождь лил не переставая. Уходили и возвращались боевые наряды. Много было потом в моей жизни и уроков, и лекций, и публичных выступлений, а вот такого класса, такой аудитории, пожалуй, уже не будет.

...На снопах, на подстилках — разведчики. Одинокий огонек папиросы освещает на мгновение неясные очертания лиц.

В этой забытой богом кошаре под монотонный шорох дождя страница за страницей разворачивались баталии, эпизоды тайной войны.

Под рукой у меня не было ни первоисточников, ни элементарных записей. Тем более убеждался я в том, что тренировка памяти по системе моего учителя не прошла даром. Словно на экране, вспыхивали имена, даты, события.

Виновником гибели войска храброго Аристомена стал тайный агент Спарты – царь Аристократ. Александр Македонский в начале своих победоносных походов недооценивал разведку и за это чуть не поплатился жизнью, но зато потом первым использовал в разведывательных целях почтовую цензуру.

А Ганнибал, грозный враг Рима, давая этим пример полководцам и военачальникам грядущих времен, не только создал широко разветвленную, отлично информированную разведку (впереди армии Ганнибала всегда шли обученные и натренированные лазутчики), но и сам, натянув [illegible], преобразившись до неузнаваемости, не раз тайком проникал в стан римлян.

Особенно заинтересовал бойцов Ганнибал. Еще бы! Ганнибалу, например, принадлежит и другая военная хитрость, к которой полководцы частенько прибегали впоследствии. (С большим успехом повторил ее на Желтых Водах Богдан Хмельницкий.) По приказу Ганнибала к рогам волов привязали горящие факелы. Ночь. Таинственные факелы. Топот стада. Все это создавало у римлян иллюзию перемещения огромного войска. Чего и добивался хитрый Ганнибал.

И во времена Ганнибала, Митридата, Цезаря лазутчики прибегали к приемам разведывательной работы. Пользовались шифром, разными уловками. Донесения записывались на бритой голове марш-агента, волосы затем отрастали. Для пересылки донесений приручались голуби, ласточки. Широко практиковалось мнимое дезертирство, пленение для дезориентации противника.

Случалось, через столетия древние приемы тайной войны воскресали и снова становились эффективными. Успехов добивались те полководцы, для которых история не была за семью печатями. Ярослав Мудрый, Петр Первый, Суворов, Наполеон, Кутузов охотно учились военному искусству у своих предшественников.

Далеко за полночь затянулся наш импровизированный экскурс в исторические дебри разведки.

– Ну, хлопцы, – пошутил я, – курс прослушали, готовьтесь сдавать экзамены.

Случай «сдать экзамен» (в который уже раз!) не заставил себя ждать...

Принесли радиограмму Центра: противник перебрасывает на фронт вторую танковую дивизию. Желательно приостановить движение на железной дороге Краков — Закопане.

Почти не приказ — просьба: желательно. Впрочем, чрезмерная деликатность объяснялась очень просто. У нас в те дни не было ни грамма взрывчатки. Надо срочно что-то предпринять. Но что?

Пришел Евсей Близняков:

— Товарищ капитан, есть у меня одна идея. Мне бы только банки раздобыть из-под консервов.

Рассказал, что к чему. Я план одобрил, хотя, признаться, без особой веры в успех.

На следующий день мы радировали Павлову: задание выполнено. Движение на участке Краков — Закопане задержано на восемь—десять часов.

Было так. Евсей взял с собой трех хлопцев. У моста снял часового, «заминировал» мост в радиусе двухсот метров консервными банками, набитыми землей. Натянул провода — все как положено.

Остальное сделал Метек. Прибежал на ближайший полустанок — и к обходчику: так, мол, и так. Звони немцам. Убит часовой. Мост заминирован.

Гитлеровцы всполошились, забегали. Пока нашли саперов, пока пришла дрезина, пока вскрыли банки со «взрывчаткой», эшелон с немецкими танками стоял на запасном пути. Где нельзя было силой — брали хитростью.

...Распогодилось, и мы оставили гостеприимный хутор Явоже.

«ПАУЛЬ» ИЗ БУХЕНВАЛЬДА

Резко похолодало. Мокрый снег. Пронизывающий до костей, обжигающий ветер. На склоне горы мы вырыли землянки. Наносили хвои, сена — вот и готовы зимние квартиры.

Первым поздравил нас с новосельем сосед справа — командир партизанского батальона «Суровец» Армии Крайовой поручник Герард Возница (Гардый).

База и зимний лагерь батальона в лесах под Козлувкой. А мы — под Явожем. Точнее, над ним.

В Явоже остался наш боец – из военнопленных Андрей. Хорошо владеет польским и немецким язы ками.

Тадек — наш сосед слева – уговорил по нашей просьбе местную вдовушку, и она «ради общего дела» дала свое согласие «выйти замуж» за Андрея. Сыгра ли «свадьбу». И остался Андрей в Явоже, вошел в роль. В доме «молодожепов» мы устроили явочную квартиру. Женщину (так в отряде прозвали Андрея) я приказал в лагерь не являться.

Товарищ капитан!

Открываю глаза — Андрей. По лицу вижу: случилось что-то важное.

Почему нарушил приказ?

– Ночью [illegible] двое — мужчина и женщина Мужчина говорит по немецки. Женщина переводит Спрашивают [illegible] Просят, чтобы им помогли переправиться в отряд.

Сон как рукой сняло. Беру Заборонека, Евсея – и в Явоже.

Гости как раз завтракали. Вдовушка постаралась выставила чуть ли не все припасы. Зажаренную на сале яичницу с аппетитом уплетал рослый мужчина Одет прилично. На первый взгляд лет тридцать пять – сорок. Лицо волевое, решительное. На лбу – глубо кий багровый шрам. Женщина значительно моложе. Увидев нас, встрепенулась, прижалась к своему спут нику. На пальце у нее я заметил обручальное кольцо

Мужчина поднялся нам навстречу.

— С кем имею честь? Я — представитель совет ского командования.

— Товажиш совецкий, – обрадовалась паненка. то добже, бардзо добже. Пауль не розумье ни по польски, ни по-россыйски, Пауль — коммунист.

Из ее сбивчивого рассказа вырисовалось следующее.

Пауль Штумпф, заключенный № 13 378, несколько лет находился в Бухенвальде. Прошел все круги ада: дорогу смерти, камнеломню, камеру-одиночку в бункере. Был «почетной лошадью». Тебя впрягают в огромный железный каток или в повозку, нагруженную каменными глыбами. Тащи бегом и пой, пока есть силы. Замолчишь, упадешь — смерть.

В 1943 году – как никак немец – попал в лагерную канцелярию. Наладил связь с интернациональным

по шелью. Многих обреченных спас от смерти, меняя номера, отличительные знаки. От номера, от знака, намертво пришитых к лагерной одежде, нередко зависела жизнь.

Случилось так, что начальник Пауля получил новое назначение — в Освенцим. Взял с собой заключенного № 13 378. Ценил за почерк и аккуратность.

— В Освенциме, — закончила свой рассказ паненка с кольцом, — мы встретились. Вместе бежали. Я люблю его.

Магда, так звали паненку, добавила, что у Пауля очень важное сообщение для советского командования. Она что-то шепнула гостю. Его невозмутимое лицо оживилось.

— Я, — заявил он, — видел Тельмана. Знаю, где он сейчас. Вождя немецких рабочих можно спасти.

— Но ведь было, — говорю, — официальное сообщение в немецких газетах: Тельман погиб в конце августа во время налета американской авиации.

Магда перевела. Пауль расхохотался:

— Обычная провокация наци, рассчитанная на простачков. Гитлер боится, а в нынешних условиях это естественно, каких-либо попыток спасти, освободить Тельмана. Поэтому и придумал утку с бомбежкой. Его держат, — настаивал на своем Пауль, — в одиночных камерах десять лет ради иной цели. Убитый Тельман станет раньше или позже знаменем новой Германии. Сломленный, предавший — ее позором.

— Что вы предлагаете?

— Я знаю, где его содержат в строжайшей изоляции, без имени, просто под номером. У меня есть план спасения.

Я сдерживал себя, задавал вопросы с подковыркой, но, честно говоря, все во мне ликовало: Тельман жив!

— Хорошо, — сказал я Паулю, — постараюсь связаться с командованием. До ответа — вы наши гости.

В лагере нас уже ждал Гардый. Я кратко изложил ему содержание разговора с Паулем. Гость Гардому почему-то не понравился.

— Не верю швабу!

— Он наш товарищ.

— Это еще надо доказать...

Гардый ушел и час спустя возвратился в сопровождении долговязого рыжего парня. Оказалось, тот

тоже побывал в Бухенвальде. Пауль обрадовался «камраду». На все вопросы отвечал обстоятельно, со знанием таких деталей, которые могут быть известны только человеку оттуда.

Я вышел проводить Гардого и его спутника.

— Ну как?

— Был он, был в лагере. Мне даже лицо его кажется знакомым. И эти поперечные шрамы на лбу. Где я его видел?

Гардый стоял на своем:

— Не спешите. Езус Мария, только не спешите с запросом командованию. Надо проверить.

Немногим раньше мы получили такую радиограмму:

«Гелен. Предупреждаем, что гестало забрасывает в партизанские отряды и разведгруппы своих агентов, переодетых в гражданскую форму или под видом советских военнопленных. Будьте осторожны. *Павлов*».

Неужели Пауль и Магда тоже провокаторы? Не верится. Держатся очень естественно. Но почему Пауль так не нравится Гардому? И Ольга твердит: «Не верю, не верю».

Вызвал Метека. Бывший телохранитель Ольги ходил у нас в связных. Лишь утром пришел от Гроны

...Пауль и Магда весь день просидели в землянке, которую мы им отвели. Вечером я пригласил их к себе поужинать. Метек, как было условлено, только и ждал этой минуты. Залез под нары Пауля, притаился. Возвратились гости навеселе. Тут же уснули. Метек тоже задремал. Проснулся от сердитых голосов. Магда шепотом распекала Пауля. Тот отвечал... по-польски.

Утром наш повар позвал гостей на «снидане». Метек бросился ко мне. Мы взяли их во время завтрака, сытых, уже поверивших в свою счастливую звезду.

Прибежал Гардый:

— Отдай их нам, капитан Михайлов. У меня на провокаторов нюх. Люблю с ними разговаривать.

Сначала наши «гости» возмущались арестом, повторяли свои ответы. Первой заговорила Магда. Да, агенты гестапо.

На очных ставках грызлись, словно саранча в банке, и, все еще на что-то надеясь, топили друг друга.

Пауль действительно был и в Бухенвальде, и в Освенциме, но не заключенным, а надзирателем, потом начальником отдела. И по совместительству — «подсадной уткой» в польском блоке. Под Данцигом когда-то учился в польской школе, отлично знал язык. Избитого, его подсаживали на недельку в блок к новичкам, не очень искушенным в тонкостях лагерной жизни. К концу недели из польского барака в бункер переводили всех, кого заносил в свой список Пауль.

Уводили и его в тот же бункер, камеру-комнату. Пауль предпочитал жить рядом со своими жертвами.

Ночью он выходил из своей комнаты, надзирательским ключом открывал соседнюю камеру и представал перед вчерашним «пшиятелем» по бараку в эсэсовской форме. Тащил ошеломленную жертву в свою камеру, аккуратно вешал мундир. Любил Пауль медленную мучительную смерть, вопли, хрипы, затянувшуюся агонию.

Магду Пауль встретил в лагерном публичном доме. Она тоже сделалась «подсадной уткой» в женском бараке. Обрабатывал Магду тот же Пауль. Однажды поляк, побывавший в бункере и чудом вырвавшийся оттуда, узнал Пауля в бараке и успел сообщить об этом новой партии заключенных, участникам Варшавского восстания. В первую же ночь Пауля связали, избили. Утром его нашли полузадушенным. Спас железный организм. После этого случая начальство решило использовать Пауля с его напарницей на новой работе.

Мы судили их именем польского и советского народов. Приговор был суровый.

ГРОЗА «РАБОТАЕТ» НА ФЮРЕРА

«Павлову. Есть возможность через Правдивого устроить Грозу на работу в КРО. Если разрешите, я сделаю немедленно.

Голос».

«Голосу. Грозу устроить в КРО. Задача — полная легализация. Используя легальное положение, добыть данные о гарнизоне в Кракове, Сосновце. Донести немедленно, в качестве кого он там будет работать, его обязанности в КРО, кто его начальник, доложите, кто и какие докумен-

ты ему даст дополнительно. Как будет организована связь с ним? Жду выполнения задач, поставленных вам ранее. Проверьте Правдивого и Мнению еще раз. Радиопитание через Правдивого.

Павлов.

Мы с нетерпением ждали этой телеграммы. Гроза больше месяца регулярно встречался с Гартманом в кафе, ресторанах Кракова и Кшешовице. О делах в публичных местах разговоры не вели. Разыгрывали завидычных друзей, которых, кроме выпивки и веселой офицерской компании, ничего не интересует. Потом усаживались в автомобиль Гартмана и отправлялись за город «проветриться». «Ин грюне» — на зелень, лоно природы, как говорил в таких случаях Гартман-Правдивый. Он был хитер, осторожен, боялся каверзных штучек подслушивания в собственной машине.

Забирались в глушь, выходили «ин грюне», и тут только начинался настоящий разговор. О всех встречах мне постоянно докладывал Гроза.

У нас не было оснований жаловаться на Правдивого. Гартман каждым донесением подтверждал свою кличку.

Он работал много. Дотошно, с чисто немецкой пунктуальностью собирал и передавал разведданные о 1-й и 4-й танковых, о 17-й полевой армиях.

17-я армия в те дни, видно, особенно интересовала штаб фронта. 31 октября пришла радиограмма-молния:

«Голосу. Откуда и куда прибыла 17-я армия. Уточните номера корпусов и где они дислоцируются, где штабы, кто командует. За достоверность данных отвечаете лично.

Павлов.

Вскоре в эфир ушли новые донесения.

«Павлову. Правдивый сообщил: штаб 17-й армии в Окоциме. Состав армии: 59-й стрелковый корпус, штаб в Педомице, 11-й мотострелковый корпус СС, штаб в Либуше. Состав 59-го корпуса: 371-я и 359-я пехотные дивизии, 544-я фельдгренадерская дивизия. Состав 11-го корпуса: 78-я и 546-я фельдгренадерские дивизии, 208-я и 96-я пехотные дивизии. Дислокация дивизий в радиограмме № 76.

Голос.

«Сообщение Правдивого. Дивизии 17-й армии занимают такие участки фронта: 371-я – от Вислы до Радомысль-Вельки, 359-я – от Радомысль-Вельки до Дембицы, 344-я - от Дембицы до Недзяды, 78-я – от Недзяды до Фринтака, 546-я – от Фринтака до Осек, 208-я - от Осек до Дукля, 96-я от Дукля до Поляны.

Голос».

«24/XI. Павлову.

Донесению Правдивого 558-й полк связи расположен по линии ж. д. от германской границы до Тарнува. Его задача поддерживать связь между главным командованием и фронтом. 172-й и 12-й летные полки, что дислоцировались в районе Кракова, Кшешовице, убыли в неизвестном направлении».

Несколько дней спустя Комар передала в эфир:

«Взят в плен обер-ефрейтор Шнейдер Юзеф, радист штаба 59-го корпуса. Согласно его показаниям, в состав корпуса входят 359, 371, 344-я гренадерские дивизии. Командир корпуса генерал Горнхт, штаб корпуса остановился в [illegible] Дембице.

Голос».

Показания гитлеровского радиста оказались для нас и разведотдела фронта очень ценными. Они подтверждали точность сообщений Правдивого. И вот теперь разрешение-приказ на работу Грозы в КРО.

Не окажется ли Алексей в мышеловке? Одно дело — поддерживать связь с контрразведчиком-абверовцем, встречаться с ним, другое — проникнуть в само логово, пройти хитрейшую и — не исключается — жестокую систему испытаний, проверок.

Но игра стоила свеч: полная легализация, положение, пропуск, возможность бывать в укрепрайоне Кракова - такое могло только присниться.

Мы все взвесили с Алексеем.

— Надумал я,— сказал Алексей при встрече Гартману,— поступить (они уже были на «ты») к тебе на работу. Как ты на это смотришь, Курт?

Надо сказать, что будущий шеф Грозы — он же его подчиненный — был большим любителем афоризмов, острых словечек. Когда дела шли хорошо, Гартман сыпал ими как из рога изобилия. Например, он говорил о себе: «Муха, которая не желает быть прихлопну-

тон, безопасней всего чувствует себя на самой кр
пушке».

На этот раз Правдивый только улыбнулся в ответ
— Как говорят в подобных случаях француз
«Смело, но легкомысленно».

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Почему?

— Ты можешь поскользнуться в нашей конторе.
Провалишь и меня. Кому это выгодно? Фюреру?

— Боишься?

— А ты как думал? Впрочем, как говорят у вас,
двум смертям не бывать. Попробуем.

Тут же Гартман потребовал, чтобы Алексей срочно
раздобыл себе все нужные документы, конкарту на новое
имя.

— Срок — два дня

О последующих событиях Гроза доложил мне при
первой встрече. Вот так

Расставшись с Правдивым, Гроза, соблюдая осто-
рожность, отправился к товарищу Михалу. Михал за-
думался:

— Хорошо. Завтра едем в Величку. Бохенек сдела-
ет тебе бумагу

Гроза знал Бохенека как находчивого руководите
ля диверсионной группы, но не думал, не гадал, что
Владек еще и мастер по изготовлению немецких па
спортов и печатей.

На рассвете Михал, Валя и Алексей отправились
на краковский вокзал, чтобы поездом добраться в Ве-
личку. Михал и Гроза направлялись к Бохенеку
У Вали был свой маршрут. Но в этот день мы напрас
но ждали ее со свежими разведданными. Случилось
несчастье. Сначала все шло хорошо. Им удалось сме-
шаться с толпой. Подошли к вокзальному киоску, что-
бы купить газеты, и... попали в облаву. Гитлеровцы
искали уклоняющихся от рытья окопов. Грозу и Валю
отпустили, поверили справкам, а Зайонца задержали:
что-то в нем полицаю не понравилось. В нем или в
его документах.

Грузовик с арестованными медленно катил по пло-
щади. Алексей предложил возвратиться в город.

— Сейчас мы ничего не добьемся, — сказала Валя.
Искать моего мужа в полиции нет смысла. Сегодня у
них день облав. Нас и слушать не станут.

Поехали к Бохенеку.

В Краков Гроза возвратился с кенкартой на имя Георгия Владимирова, с полицейским листком и другими необходимыми документами.

А друга нашего, как и предполагала Валя, действительно задержали случайно, но обвинили в уклонении от работы. Это тоже пахло Освенцимом. Валя узнала: каждое утро Михала с другими арестованными водят из тюрьмы на окраину Кракова, к скале Твардовского. Дробить камни. В огромной каменоломне каждый день гибли люди. О побеге нечего было и думать.

Но Валя не растерялась. Нашла нужного человека — сговорчивого и влиятельного фольксдойча. Тот запросил десять тысяч злотых.

Гроза связался со мной, сообщил обстановку, попросил помощи.

Читатель уже знает, что группа Близнякова, разгромив гарнизон станции Строне, реквизировала всю выручку кассы. Требуемую сумму внесли, и на девятый день после ареста Михал оказался на воле.

Гартман обещание свое выполнил.

Гроза по новой «железной» кенкарте, изготовленной Бохенеком,— Георгий Владимиров, бывший полицай, бежавший от большевиков из Львова,— вполне устраивал Гартмана, начальника 3-го отделения войсковой контрразведки (абвера) в Кишеновице.

Подбор кадров как раз входил в обязанности Гартмана. Тщательно проверив документы Владимирова, он дал делу обычный ход, направив его своему шефу. Потянулись тревожные дни ожидания. Гроза не бросал своей работы на строительстве оборонных сооружений.

Неделю спустя Гартман через Комахова вызвал Алексея в Кишеновице. В своем служебном кабинете поздравил Георгия Владимирова (шеф одобрил выбор) с поступлением на службу в абвер.

Вдвоем определили круг деятельности Владимирова, весьма, к слову, удобный для Грозы: в Кракове и вокруг него выявлять разведагентуру, прежде всего советскую, следить за польскими патриотическими группами. Гартман — хитрая лиса — наставляя нового сотрудника:

— Наши люди охотятся за какой-то группой. Пеленгаторы обнаружили несколько передатчиков на улице Смоли и в окрестностях города. Подключайся к опе-

рации и ты. Потом разверни бурную деятельность, ма
луйся на неповоротливость службы безопасности, была
мол, рация, да проморгали.

«29.X.44 г. Павлову. В деревне Велька Кр[illegible] ы
зыскивает разведчиков группы капитана Королева
в группе два радиста. Вблизи Кракова запе[illegible] ,
вана и разыскивается рация. *Голос*».

Судьба попавшей под наблюдение гитлеровской
контрразведки группы Королева для нас, к сожалению,
так и осталась неизвестной. Работа бойцов невидимо
го фронта [illegible] всегда на лезвии ножа. Были провалы,
неудачи наших людей и под Краковом.

Вскоре мы получили новое задание.

«Срочно [illegible] агентурную обстановку в Подгалье. Ус[illegible] десантирования группы *Павлова*».

Ответ мы передали молнией:

«35 км [illegible] Кракова в районе сел Ясеница Бесина, Гарбиновице, Стружа находятся партизанские отряды общей численностью до тысячи человек. В этом районе немцев нет. Благоприятные условия для высадки десантов. *Голос*».

К нашему сообщению, судя по дальнейшим событиям, Центр отнесся с должным вниманием. В район, указанный нами, разведуправлением 1-го Украинского фронта было заброшено несколько новых групп.

С некоторыми из них мы работали, можно сказать, рядом, параллельно, порой даже не подозревая о существовании друг друга.

Уже в настоящее время мне от московского журналиста Владимира Накарякова мы встречались с ним в Кракове в местном корпункте АПН – стало известно о группе Петра Бондарчука. В нее входил и 19-летний радист-разведчик Владимир Самсонов — после войны доктор наук, профессор, преподаватель одного из крупнейших вузов.

Не все тогда в нашей работе проходило гладко. Случались, не всегда, правда, по нашей вине, и непредвиденные казусы.

Об одном расскажу, сначала предоставив слово Грозе.

«Как-то мы с Гартманом отправились верхом на прогулку «ин грюне» — в Тенчинский лес.

Нас — документы были в полном ажуре — пропустили.

День после недавних холодов, дождей, снегопадов выдался на редкость в ту пору солнечным.

Снег почти повсюду растаял.

Декабрьский лес встретил нас мирным шуршанием листьев, светлыми бликами на соснах, наполненными водой следами оленей и диких кабанов, тишиной.

Но было в тишине этой что-то щемяще тревожное.

Неожиданно перед нами открылась просека, за ней огромная поляна, какие-то строения, штабеля бомб, снарядов.

Мы с Гартманом переглянулись и, видно, одна и та же мысль промелькнула, повернуть обратно».

К вечеру Метек с моим донесением на имя командира пробирался на Бескиды в расположение группы.

Информация Грозы заинтересовала Центр. Мы уточнили координаты. Склады оказались с боеприпасами, горючим и другими стратегическими материалами.

В конце декабря в Центр ушла еще одна радиограмма по Тенчинскому лесу

Как мы узнали позже, наша информация была передана союзникам.

Уже не помню, на третий или четвертый день, примерно в 10—11 часов утра, на большой высоте множество английских самолетов появилось над Тенчинским лесом. С места нашей стоянки — все было видно как на ладони — мы наблюдали за происходящим. Бомбардировщики, чуть-чуть свернув в сторону, один за другим ринулись вниз, сбрасывая свой смертоносный груз. Раздались взрывы. То тут, то там вспыхивал огонь. Издали пожары казались кострами.

На второй день мы узнали: англичане — грубая, непозволительная ошибка! — весь свой груз бомб сбросили не на склады, а на соседнюю с Тенчинским лесом деревню Камень. Село сгорело дотла. Так невесело закончилось столь хорошо задуманное дело, о чем мы на следующий день информировали командование.

Налет советских летчиков в первый день январского наступления наших войск оказался более удачным. На этот раз — 12 января — бомбы попали в цель.

Но я несколько отвлекся...

Тогда в служебном кабинете Гартмана Гроза-Вла димиров получил свидетельство сотрудника абвера Ему выдали «вальтер», пропуск с правом прохода по всем зонам краковского укрепрайона в дневное и ночное время. Определили и жалованье: 500 марок в месяц. Отпала надобность в ресторанах, в «ин грюне»...

Из рассказа Алексея Трофимовича Шановалова (июль 1989 г.):

«Гартман в те дни — что-то его, видимо, тревожило — здорово пил, хотя умел себя и сдерживать, вооб ще был на редкость крепок к выпивке, приняв свою норму, редко пьянел.

Единственно, что он себе позволял, так это небольшие сольные концерты. Пел он тоже хорошо, и, как правило, наши песни. «Сулико», «Выходила на берег Катюша», чаще других — «Широка страна моя родная». Как заведет: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля. Просыпается с рассветом вся советская земля».

Я ему:

— Курт, что ты делаешь? Зачем гусей дразнить?

А он мне:

– Ну их в баню. Знаешь, где я ваши песни разучивал? В нашей разведшколе.

Да, голос прямо как у Лемешева. Артист. Музыкальный был человек».

С Гартманом Гроза теперь встречался почти ежедневно. Тут же ставил своему шефу новые задачи. Радиус деятельности Грозы расширялся. Кроме военных объектов, нас интересовала агентура, засылаемая гитлеровской контрразведкой в советский тыл и в самое сердце Краковского подполья.

В «конторе» Правдивого были поляки, французы. Среди осведомителей, агентов встречались также бельгийцы, голландцы, бывшие наши соотечественники. Гроза с его сверхконтактностью, умением заводить знакомства чувствовал себя в этом многоликом, разноязыком вареве, как рыба в воде, отнюдь не отводя себе роль карася. Вскоре ему удалось ухватиться за ниточку, которая привела в гитлеровскую разведшколу.

СКАВИНА

Скавина — первое серьезное дело Молнии.

Мы не очень доверяли Комахову. Что я знал о нем? Владимир Комахов — учитель математики. До войны преподавал в одной из сельских школ Краснодарского края. Бывший командир Красной Армии. Из военнопленных. В абвер, утверждает, пошел с единственной целью: служить Родине. Уверяет: никакого вреда своей стране пока не причинил, присматривался к Гартману, искал человека, кому можно довериться, через кого можно наладить связь со своими. А тут Ольга. В нее поверил сразу.

Многое в показаниях Комахова звучало правдоподобно. Я знал, каким мучительным, трудным в годы войны становился порой и для кристально честного человека путь к своим. Окружение, контузия, ранение, плен, не всегда предусмотренное приземление на оккупированной территории, вражеская тюрьма, лагеря смерти...

Путь к своим для многих превращался в длительный поединок с врагом. Исход поединка нередко решали не только личное мужество, стойкость, но и умение обыграть, перехитрить, обмануть опытного, жестокого, коварного врага.

А твой приход к нам, Владимир Комахов, мой коллега, школьный учитель, что это, порыв патриота, проснувшаяся совесть или расчет шкурника, игра двойника?

Нет такого рентгена, с помощью которого можно было бы прочитать мысли человека, увидеть его насквозь. Но кое-что делалось. Из разведотдела фронта были посланы соответствующие запросы в Краснодарский край. Нашлась школа, где преподавал Комахов. Там его считали пропавшим без вести. Однако информация, которой аккуратно снабжал нас Молния, хоть и достоверная — мы тщательно проверяли каждое его донесение,— особой ценности не представляла. Сомнения оставались... Двойная игра со стороны Комахова по-прежнему не исключалась. Догадывался ли он о наших сомнениях? Возможно. Как бы там ни было, Скавина, повторяю, стала первым его настоящим делом, серьезнейшим экзаменом.

Первые сигналы о какой-то разведшколе мы получили от Гартмана. В Краков, передал он нам через

Грозу, прибыл майор немецкого генштаба для проверки людей, которых готовят для заброски в советский тыл.

Нужда в кадрах была столь велика, что гость из Берлина потребовал ускорить выпуск группы курсантов.

Гитлеровцы готовили кадры и для продолжительной подпольной борьбы против Советского Союза на тот случай, если после поражения рейха третья мировая война между Западом и Востоком волею судеб окажется отодвинутой на годы. В будущей подпольной войне матерые волки абвера делали особую ставку на антисоветское националистическое отребье любой масти. Абвер лихорадочно укреплял, углублял старые связи с «лесными братьями», выкормышами Петлюры — бандеровцами, мельниковцами и их службой СБ, с латвийскими айзсаргами, литовскими «лесными братьями», готовыми вступить в сделку с каким угодно антикоммунистическим дьяволом, торговать Родиной оптом и в розницу и по первому приказу новоиспеченных хозяев залить ее кровью.

Гость из Берлина, старый знакомый Гартмана первничал, спешил: времени оставалось в обрез. И на экзамены он по рекомендации Правдивого прихватил с собой в качестве переводчика Комахова. Так Молния оказался в забронепном фольварке, в призмеистом неказистом одноэтажном здании канцелярии филиала берлинской разведшколы.

Одного за другим приводили курсантов, порой развязных, порой угодливых, случалось, с непроницаемыми лицами.

Как попали они в разведшколу? Кем, при каких обстоятельствах были завербованы?

Комахов сам прошел через это. Он неоднократно рассказывал о различных абверовских приемах вербовки. Приемов было множество. Так, намеченный объект в лагере изводили в течение нескольких дней наказаниями, доводили до отупения, одури: бесконечные приседания, стояние по команде «смирно» и т. д. Затем плечного бросали в бетонный гроб — камеру штрафного блока, где нельзя было ни присесть, ни прилечь, только стоять.

И вот тут-то, когда муки становились нестерпимыми, когда исчезала последняя надежда на спасение, начиналось главное действие заранее задуманно-

го, давно отработанного спектакля. Жертву извлекали с того света, из гроба, мыли, отпаивали, кормили, водили к женщинам и ставили перед выбором: мучительное умирание или роскошная жизнь. Плата известная — измена Родине. Многие, очень многие предпочитали камеру-гроб. Когда становилось невмоготу, бросались на проволоку под током, под огонь пулеметов. Были и такие, которые сознательно или в немецкую разведку с единственной целью — перейти к своим.

Гость из Берлина на экзамене морщился, словно от зубной боли, не скрывал своего недовольства демонстрируемым «материалом». Экзамены растянулись на четыре дня. За это время Комахов дважды по поручению майора ездил к Гартману. Тот отправил в служебную командировку Грозу, и зашифрованные донесения Молнии вскоре оказались в моей командирской землянке.

«Павлову. Личным осведомителем Молния. Скавина, школа 202, курсы контрразведки. Обучается 70 немцев, власовцев для заброски в советский тыл, разбиты на группы по 10 человек. Каждая группа имеет рацию. Днями кончат обучение. Действие группы рассчитано в районах размещения бандеровцев. Задача: разведка и руководство диверсионной работой оуновцев. *Голос*».

Радиограмма упила в эфир, но мысль вновь и вновь возвращалась к Скавине, к воспитанникам шпионской школы. Как обезвредить предателей, оборотней, своевременно вырвать у них ядовитое жало? И помочь другим, что, может быть, еще важнее, вновь обрести себя, Родину?

А что, если с помощью Молнии подсунуть берлинскому гостю нашего человека. Пусть сами немцы и перебрасывают «агента» через линию фронта.

На рассвете мне принесли ответную радиограмму:

«Голосу. Предложите Правдивому, Молнии немедленно направить к нам своего доверенного из агентов, подготовленных школой Скавина для шпионажа, и через него сообщите:

а) подробно о шпионах в тылу и частях Красной Армии;

б) о подготовленных агентах, кто они, где живут, кто хозяева квартир. Пароль для перехода «Доставьте меня к Киевскому». *Павлов*».

Успех операции во многом зависел от Комахова. И Молния, надо отдать ему должное, в Скавине потрудился немало. Он с разрешения майора взвалил на себя всю неблагодарную, черную канцелярскую работу. По ночам, когда берлинский гость отдыхал, тщательно просматривал дела курсантов. Утром, после завтрака, во время очередного доклада давал лаконичные, четкие характеристики экзаменующимся, вместе с герром майором уточнял конечные пункты высадки отдельных агентов. Он проделал немалую работу для нас, шифруя на клочках папиросной бумаги имена предателей, их будущие маршруты, адреса явочных квартир. Этим донесением, фотографиями курсантов и другими ценнейшими документами мы снабдили «агента».

Комахов, воспользовавшись отличным расположением духа берлинского гостя, под занавес предложил для отправки в тыл «своего», особо доверенного человека. По мнению Комахова, этот человек мог бы осуществить слежку [illegible] на советской земле за агентами, вызывающими подозрение. Подозрение же у майора — и тут не обошлось без влияния Молнии — вызывали все. «Я и себе,— мрачно шутил майор,— верю только раз в году». Майор обратился к Гартману. Правдивый, предупрежденный Алексеем, подтвердил отличную характеристику особо доверенному «агенту»: почтителен, смышлен, хладнокровен, проверен на акциях и карательных экспедициях.

«Агент» оказался на высоте и на экзамене, устроенном майором. Его отправили на Восток с последней группой.

ЗАВАДКА

Приступаю к самой скорбной странице этой повести.

Знаете ли вы, что такое снежный буран в горах? Когда тучи застилают небо, колючий снег забивает дыхание, ветер сбивает с ног, проникает сквозь одежду, выдувая последнее тепло?

Зайдешь в землянку одну, другую: кашель, сиплые, простуженные голоса, в глазах бойцов лихорадочный, сухой, температурный блеск.

Совсем разболелись Ольга, Груша насильно уложи-

...ла ее на нары, укрыла кожухом. Разметалась, бредит. Зовет мать, Татуся. В чем-то горячо убеждает Гартмана. Горит, как свеча...

Решаюсь... Нас, «красных десантников», давно прилагали в Завадку — маленькую, горную деревушку. В самый раз — хоть на время оставить землянки. Перебраться к гуралям.

...Двое суток отдыхали, блаженствовали наши бойцы. Тепло, парное молоко, а главное — радушие гуралей сотворили чудо. Ребята повеселели. Даже Ольга — а она болела тяжелее всех — пошла на поправку. На рассвете третьего дня из соседнего села Токарни прискакал партизанский гонец:

— Пан капитан, швабы... идут хмарой...

Вскоре возвратилась посланная мной группа разведчиков. На самодельных носилках из жердей принесли раненого — нашего «жениха» Андрея. За селом нарвались на засаду, отстреливались. Видели и танки, и броневики, и артиллерию. (Видно, подходили силы немалые.)

У нас был строгий приказ: в бой с гитлеровцами не вступать.

— Андрея,— распорядился я,— немедленно к Гардому, в партизанский госпиталь Яна Новака. Всем — и жителям Завадки — в лес!

Увы, немногие гурали ушли с нами. Какой ни есть нехитрый домашний скарб, а бросать жаль: нажито своим горбом за долгие годы.

Мы только успели скрыться в лесной чаще, как где-то за нами застучали пулеметы, покрывая частый автоматный лай. Уже поднявшись на соседнюю возвышенность, я увидел разрывающий небо столб черного дыма.

Два дня спустя в Завадку по моему приказу отправились Митя-Цыган и Евсей Близняков. Как мы ждали их! И все еще надеялись. Они возвратились под вечер. В коноти. Молчаливые, с окаменевшими лицами. Привели с собой мальчишку лет десяти: разыскали в погребе.

Завадку фашисты сожгли дотла.

Каратели расстреливали всех подряд: стариков, женщин, больных и здоровых. В пылающие домакостры бросали детей.

В 1969 году мы увидели воскресшую из пепла Завадку. Позже она за мужество и стойкость, прояв

ленные в годы войны, была удостоена высшей награды Польши ордена Грюнвальда.

...Сердце каждого из нас жжет пепел Хатыни, Лидице, Орадура, многих уничтоженных в войну городов, сел. Это — наша общая боль.

А у меня есть еще и своя, личная,— Завадка.

ТРЕВОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Во второй половине декабря работа нашей группы еще больше осложнилась. Острее ощущались перебои с продуктами, ведь нас стало почти в восемь раз больше. Абдулла хитрил, делил дневную норму крупы, жиров, мяса на два, а то и на три дня. С этим еще можно было мириться, но на исходе оказались боеприпасы. Не хватало патронов, гранат, взрывчатки.

Мы радировали Павлову:

«17.XII.44 г. Обстановка — исключительно тяжелая, немцы большими силами проводят облавы в крупных масштабах в районе Кракова. Убедительно прошу быстрее выслать груз. От этого теперь зависит наша работа и судьба. Неужели снова будете медлить? Слушайте нас с 20 до 22. *Голос*.

Стояли мы тогда под Козлувкой — в 35 километрах от Кракова. Было трудно. Чертовски трудно. Однако круг нашей деятельности расширялся: агентурная разведка, привлечение новых людей, разведка боем, диверсии. Тут мы узнали такое, что внесло серьезные изменения в наши планы.

День начался удачно. Утром из отряда Гардого — там уже знали о наших бедах — прикатила повозка с провизией в сопровождении двух партизан и Яна Новака.

Ян отрапортовал:

— Капитану Михайлову от пана поручника: мешок муки, полмешка картошки, баранья туша.

Абдулла повеселел: запахло настоящей едой.

Пан студент-доктор осмотрел наших больных, поменял повязку раненому Андрею. Попрощавшись, стал собираться в обратный путь: в отряде Гардого его тоже ждали раненые. Идет к повозке, а навстречу ему пана неразлучная троица: Близняков, Отченашев, Ростошин. Обрадовались:

— Здоров, Яп!

— Как поживает пан студент-доктор?

— Партизанскому эскулапу физкульт-привет!

— Приветствую вас, о доблестные панове мушкетеры, — отвечает Новак в том тоне.— А заодно послушайте, милейшие, одну притчу.

Шел по дороге старец. Ему навстречу три молодых человека. Говорят они старцу, прямо как по Библии шпарят:

«Приветствую вас, пан Авраам!»

«Что слышно, пан Исаак?»

«Как поживаете, пан Иаков?»

Молодые люди, очень довольные своей шуткой, расхохотались. Старец и глазом не моргнул, спокойненько отвечает:

«Я не Авраам, не Исаак и не Иаков. Я сын старого Адама, у которого на днях пропали три осла. О, какое счастье, что я наконец встретил их!»

Наши мушкетеры ничуть не обиделись на Яна. Давно уже привыкли к его шуткам, притчам. В тот день они раз пять разыгрывали в лицах «сцену с Янеком». И неизменно вызывали гомерический хохот бойцов.

Вдруг явилась Валерия. Я удивился: пришла не в свой день. Что случилось? Посмотрел на нее — и стало как-то тревожно. Приглашаю в командирскую землянку.

— Что произошло?

Лицо бледное — ни кровинки.

— Что случилось, Валя?

Ни слова. Словно неживая. Я подал ей воды. Не стала пить. Глубоко вздохнула:

— Товарищ капитан,— и в слезы.

Такой я никогда раньше не видел Валерию. Наконец собралась с силами:

— Наш Краков обречен...

— Как обречен?

— Краков погибнет... В одно мгновение...

Ее лицо еще больше побледнело. Стянула с головы платок, и русые волосы расплылись, покрыли плечи.

Мы и раньше догадывались о черных планах фашистов. Я не раз просил Зайонца обратить особое внимание на возможное минирование города. Увы, наши предположения подтвердились.

— Как сообщают наши люди,— продолжала Валя,

работа в городе ведется солдатами специальных ко-
манд днем и ночью. В закрытых машинах подвозят
динамит. Тоннами. Закладывают взрывчатку под ста
ринные дома. На перекрестках улиц, на централь-
ных площадях строят бункера. Подпольщики насчита-
ли на улицах Кракова двести сорок железобетонных
столбов, вкопанных в последние дни. Эти столбы, ве
роятно, заминируют. Достаточно свалить их, чтобы они
превратились в противотанковые заслоны.

Всегда спокойная, сдержанная, Валерия говорила прерывисто, задыхаясь, словно ей не хватало воздуха.

— Город буквально начинен взрывчаткой. Подумайте только, Краков взлетит в воздух!..

Она называла памятники культуры, шедевры архитектуры, бесконечно дорогие польскому народу.

Вавель..

Дом под Баранами...

Банки на улице Баштовой и на улице Яна...

Театр Словацкого...

— Краков для нас, капитан Михайлов,— это не просто город. И не только «глава и матерь отечества», как говорят наши историки. Это — душа Польши.

Я вспомнил полученное накануне сообщение с кодовым знаком «D. S.». Партизаны Армии Людовой, державшие под своим контролем железную дорогу и шоссе Краков — Катовице, доложили Зайонцу: от конечной городской остановки (Броновице) в западном направлении роется глубокий ров. Все работы — ни одного поляка к ним не допускают — ведутся организацией «Тодт».

Какова их цель?

Я попросил тогда Грозу усилить наблюдение. Теперь через Валерию Алексей и Зайонц сообщили: на дне рва почти полутораметровой глубины гитлеровцы укладывали кабель диаметром четыре сантиметра и тут же его засыпали. Видимо, фашисты старались сохранить все в тайне.

Для чего же кабель?

Вот что рассказала Валерия.

Немцы дотянули кабель до места, откуда шла дорога на Ойцув. Рядом стояли крестьянские домики. В одном из них жил знакомый Прысака-Музыканта. Однажды повалил снег с дождем. Случилось так, что во время перерыва на обед немцы вошли в дом этого

крестьянина погреться. Хозяин, предупрежденный Мулыкантом, пытался завести с ними разговор о рве и каболе. В первый раз ничего не получилось. Немцы пришли и на второй день. По совету Прысака хозяин угостил «гостей» самогоном-первачком. Выпили. Закусили. Понравилось. Приглашение прийти и погреться в непогоду приняли с большой охотой.

Холод не унимался. Подпольщики снабдили хозяев бутылью самогона. Попросили добра этого не жалеть. Клюнуло. Немцы из организации «Тодт» снова зашли в приглянувшийся им домик. Стопки наполнялись беспрерывно, «гости» захмелели, развеселились. Хозяин, как было договорено, жестами, на ломаном немецком дал им понять: в Краков скоро войдут русские, а он, дескать, боится Советов.

— О, пайн! — крикнул один из них.— Вр-р-р-рум!— Он вскинул вверх руки и вытаращил глаза.

Что это могло означать, догадаться было нетрудно: взрыв. Взлетит, мол, город в воздух вместе с русским Иваном.

Тонны динамита под Вавелем университетом, Сукенницами и таинственный кабель — звенья одной цепи. В эту цепь нанизывалось еще одно звено — донесение Правдивого: в форте Пастернак (пригород Кракова) расположен подрывной пункт. От него прокладывается кабель навстречу кабелю, за которым наблюдали Алексей и наши польские друзья. Кольцо замыкалось.

— Немцы продолжают копать,— с тревогой и надеждой смотрела на меня Валерия.— Товарищ Михал просил вам это передать.

Валерия обычно не задерживалась у нас. Такая служба у связных: с дороги в дорогу. Но на этот раз я упросил ее остаться. Валя — это нетрудно было заметить — очень нуждалась в отдыхе, а мне надо было еще и еще продумать тревожное сообщение, собраться с мыслями.

Пришел Абдулла. Принес прямо-таки царский ужин: плов из баранины, поджаренную до хруста картошку. Видно, очень хотелось ему сделать что-то приятное для нашей Вали. Я ненадолго оставил ее. А когда возвратился минут через пять, то застал следующую картину: еда нетронутая, Валя как сидела, так и застыла с вилкой в руке. Сморил сон. Я укрыл ее кожаной курткой. Приказал часовому не будить свя-

ную до утра. Сам перебрался к Евсею Близняку, улегся на пары. В соседней землянке тихо пели:

Дивлюсь я на небо,
Та й думку гадаю,
Чому я не сокіл,
Чому не літаю?..

Я узнал голоса Комара и Групи. Взгрустнулось нашим девчатам. И вкладывали они в знакомые слова песни свой, особый смысл. Вскоре присоединился к ним юношеский тенор. Девчата замолкли. Метек, это был он, затянул какую-то незнакомую песню. Напрягая слух, я стал различать отдельные слова, строки. Партизанская. Рожденная войной. Их много знал Метек.

Сегодня, говорилось в песне, я прийти к тебе не могу. Ухожу в ночь и мрак. Не выглядывай меня в окно. Не ищи меня во мгле. Я ухожу сегодня в лес. Я больше сидеть так не могу. Там ждет меня братва лесная... Так пел Метек.

Я слушал и думал о своем, вспоминая дневной наш разговор, слово за словом, интонацию, взволнованный голос, жесты. Валерия говорила о городе, как говорит о живом человеке. Очень родном и близком человеке, которому угрожает смертельная опасность. Ее тревога передалась и мне.

Краков... Город, который был для меня раньше только объектом, пусть очень важным, но объектом, к тому же связанным с воспоминаниями о Монтелюпихе, — теперь, из рассказа Валерии, вставал во всем своем трагическом величии.

Словно глазами Валерии взглянул я на улицы и площади. Там прошло ее детство. Там многие мои польские друзья встретили свою боевую молодость.

Сон окончательно оставил меня. Я вышел из землянки. Глубоко вдохнул морозный горный воздух.

Ночь был лунная, безоблачная. Зеленые звезды стыли над Бескидами. Внизу одиноко вспыхивали огоньки. Напряженно вглядывался в ночь, пытаясь рассмотреть смутные очертания Кракова. И тут на какой-то миг я увидел то, что запечатлелось подсознательно после побега из Тандеты.

Читатель, вероятно, помнит: ночь я провел тогда в кустах сирени, за монастырской оградой. Как мы уточнили потом по карте, это был Вельянский монастырь.

расположенный на холме, на левом берегу Вислы, в пяти-шести километрах от Кракова.

Меня разбудило солнце. Много рассветов встречал я потом в дороге, в горах, в лесу, в чистом поле, но такой, как в то утро, редко выпадал на мою долю.

Августовский воздух был чист и прозрачен. Ни выстрелов, ни пожаров. Ничто не напоминало о войне. Необычная, мирная тишина. Город лежал внизу, как на ладони. Красная черепица крыш пылала на солнце. Четко выделялся в зеленом полукольце старых бульваров древний Краков: массив готического Мариацкого костела с высокими башнями, мощная громада Сукеницы, ратуша, устремленная ввысь, стрельчатые крыши Ягеллонского университета, огромная квадратная рыночная площадь, от которой отходили в разные стороны прямые широкие улицы с поперечными переулками и кольцевой магистралью. Кафедральный собор и королевский замок на Вавельском холме казались совсем близкими, поднятыми богатырской рукой над Вислой, над городом.

Все это запечатлелось мгновенно, будто на фотопленке. Тогда не до красот было. Сообщение друзей, рассказ Валерии, ее тревога подействовали как проявитель. И город — такой, каким я увидел его с Беляницкого холма,— ожил, вошел в мое сердце.

Как обманчива тишина на войне! Ночь ли, рассвет ли взорвутся от грохота и боли. И с городом повторится то, что уже было с Киевом, Варшавой, со многими городами за эту войну.

Понадобились века, сотни тысяч, миллионы рук, труд и пот народа, гений зодчего, чтобы поднялся над Вислой этот город. И достаточно нескольких дней, часов, даже минут злой воли бесноватого фюрера и слепого рвения преступных исполнителей, чтобы все превратилось в пепел.

Так может быть...

Так не должно случиться!

Город должен жить.

Возвратился в землянку. При тусклом свете трофейного фонарика стал писать шифрованные письма Алексею и Михалу.

На рассвете Валерия и Метек ушли в город.

Тревожное предупреждение наших польских друзей подтверждалось сообщениями Центра дивого. Молнии. С августа планомерно готовилось уничтожение Кракова.

Навязать наступающим частям Красной Армии уличные бои, завлечь в мышеловку, начиненную мигими тоннами аммонала, и взорвать город — такой был план гитлеровского командования.

В своих радиограммах Центр просил сообщить характер и систему вражеских укреплений Кракова. Мне тогда, естественно, неизвестны были дальние, стратегические замыслы командования, но чувствовалось: назревают большие события.

Принес. Грош. Рассказывает, что довольно странно ведет себя генерал-губернатор Польши Ганс Франк.

— Что-то уж очень подозрительно,— делился своими опасениями Алексей,— запугивание палача со своими жертвами. Старая политика кнута и пряника. Этакое представление «Кот и мыши». С одной стороны, усиливаются репрессии, облавы, на улицах хватают людей, бросают в тюрьму, трудовые лагеря. С другой — приемы в Вавельском королевском замке. На эти приемы впервые демонстративно приглашаются поляки — представители местной администрации и интеллигенции. Франк выступает в роли отца благодетеля, заступника польского народа, призывает поляков оказывать всемерную помощь «несчастным» беженцам из сожженной Варшавы, запугивает «большевистским нашествием» и обещает отстоять европейский древний город от «диких орд Востока».

В подтверждение Алексей притащил целый ворох газет. «Гонец Краковски» широко освещал приемы в резиденции генерал-губернатора, его речи, призывы, запугивания, заклинания.

Мы с Алексеем пришли к тому же выводу, что и польские товарищи: Франк и его администрация, помимо прочих целей, пытаются усыпить бдительность местного населения, до последней минуты скрывая в строжайшей тайне план уничтожения города.

Что могло спасти Краков? Только стремительность, могучий и точный удар по врагу, исключающий изнурительные, опасные для города уличные бои. Но для этого надо было знать, и знать точно, все уязвимые

участки обороны, заполучить детальный план минирования города.

Алексей возвратился в Краков. Вскоре пришло от него новое тревожное сообщение: «D. S. Противник сильно укрепляет Краков. Замурованы окна первого этажа главпочтамта. В остальных – амбразуры, оборудован дот... Оборонительные работы ведутся днем и ночью».

Мы радировали в Центр:

«Павлову. Сообщение Зайонца: в Кракове, от улицы Смоча до Вислы построен небольшой тайный аэродром, с которого в случае опасности можно будет эвакуировать комсостав.

Голос».

Аэродром готовился, как мы вскоре выяснили, для самого генерал-губернатора и его камарильи.

В середине декабря мы получили из штаба фронта задание особой важности:

«Установите точную численность войск и нумерацию частей в Кракове. Сообщайте о каждой новой части, прибывающей в город.

Точно установите расположение артпозиций, танков, пехоты, все мероприятия немцев по обороне Краковского района.

Данные молнируйте».

Центр подстегивал.

«Голосу.

Поставьте задачу Правдивому дать данные о гарнизоне Кракова.

Павлов».

«30.XII Павлову.

Правдивый получил от ортскомендатуры и передал нам о гарнизоне Кракова.

В городе дислоцируются: 994-й стрелковый батальон, штаб ул. Воля Юстацько, 30, 480 солдат; 995-й стрелковый батальон, штаб ул. Раковицкая, 18, в казармах 525 солдат, 790-й санитарный дивизион размещается в казармах по ул. Брестацштрассе, 1083 солдата, 275-й зенитный дивизион, 320 солдат.

Голос».

«Все мероприятия по обороне...» Вновь и вновь просматривал я последние донесения.

«D. S. В Кракове, на Гердеритрассе, 11, расквартирован личный состав первой эскадрильи 77-й эскадры бомбардировщиков — около двухсот человек. Аэродром эскадрильи — в Раковице. Штаб 8-го летного корпуса — в Витковице».

Алексей подтвердил наши предварительные данные о строительстве дотов в районе электростанции. Гарт-ман уточнил: «Командует обороной Кракова генерал ортскомендант Китель. Гарнизон — три дивизии».

Отсеять второстепенное, сверить данные из разных источников, проанализировать, сжать донесения в скупые строки радиограмм — я уже находил вкус в этой черновой, иногда однообразной, повторяющейся изо дня в день работе.

Центр теперь не выпускал нас из виду ни на день, чутко реагировал на деятельность группы.

«Ваши данные,— говорилось в одной из радиограмм,— исключительно ценные. Всеми силами сосредоточьте внимание на оборонительных обводах Кракова и инженерных сооружениях вдоль левого берега Вислы».

Все сводилось к одной, теперь главной для нас задаче: нужна цельная картина обороны Кракова. А ее у нас не было.

Тут я получил записку Алексея: «Инженерная часть укрепрайона дислоцируется в селе Рацеховице. Командует ею генерал-майор».

Генерал-майор... Ему-то наверняка известен если не весь план, то уж во всяком случае часть плана укрепрайона. А что, если?..

Я — к Гардому. Ему моя задумка вначале показалась фантастичной. Однако обещал все разведать.

С польским связным Метеком пошел Митя-Цыган. На третий день возвратился, доложил обстановку. В Рацеховице полным-полно немцев. За селом, в лесу, расположилась танковая часть. «Наш» генерал-майор уже с месяц живет в доме одной польской семьи. Точнее, польско-украинской. Хозяйка сама родом из Тернополя, родной язык помнит, германа ненавидит. А хозяйская дочка заигрывает с генералом.

— Красна, ися крев, як та крулевна польова,— коротко охарактеризовал ее Метек.

Родной дядя этой «крулевны», вскружившей голо

ву генералу, оказался связным польских партизан. Люди Гардого установили с ним контакт.

Постепенно начал вырисовываться план операции. Взялись на опасное дело Евсей Близняков, неразлучные друзья-танкисты Митька-Цыган и Семен Ростошин. Все они должны были появиться в Рацеховице как земляки хозяйки, беженцы-полицаи. Обжиться, прижиться. Главная роль отводилась дяде. Ему поручили деликатно объясниться со всеми героями предстоящей «премьеры», за исключением, конечно, «жениха»-генерала. Сошлись на следующем: Евсей Близняков и Семен Ростошин ночью бесшумно снимают часового, «Жениха» и «невесту» вместе с хозяевами «умыкают», увозят в неизвестном направлении. Таким образом, и овцы остаются целы (семье было обещано надежное убежище в горах), и волк окажется в капкане.

Увы, самые идеальные планы не всегда сбываются, порой проваливаются из-за пустяка или непредвиденного случая.

Неподалеку от Рацеховице неожиданно появился крупный отряд Армии Крайовой. Нашего «жениха»-генерала, когда он возвращался из служебной поездки, обстреляли. Он отделался легким испугом, но стал осторожней, усилил охрану, затребовал в свое распоряжение бронеавтомобиль.

КУРТ ПЕККЕЛЬ

Прибыл связной группы Отчепашев. Рассказал о неожиданных осложнениях с генералом.

— Разрешите, товарищ капитан, другой план: вместо журавля поймать синицу. Есть у нас там на примете один ученый майор. Главный инженер укрепрайона.

Я подумал и дал добро.

Через несколько дней мы радировали Центру:

«Павлову. Нами взят в плен немецкий инженер Курт Пеккель. Он руководит участком строительства укреплений в 6 км от Кракова в направлении Варшавы. Его показания будут переданы. *Голос*».

Рассказ Евсея Близнякова о том, как брали майора Курта Пеккеля, я записал сразу после выхода из вра-

жеского тыла. Привожу эту запись с небольшими со кращениями.

«...Трое суток следили мы за «нашим» инженером Уточнили его маршрут, режим дня, привычки. Не кель — большой любитель шнапса во всех видах, поло ской кухни и слабого пола — ежедневно с часу до двух отдыхал и развлекался в доме одной разбитной вдо вушки. Майор — птица стреляная, из осторожных. Уходит, приходит среди бела дня, когда улицы забиты солдатами. Правда, хата вдовушки стоит особняком, на самом краю села — отделена от других домов не большой рощицей.

Бродим по селу постоянно втроем. Я, Митя-Цыган, Семен Ростопшин. Навеселе. Местные жители ко сятся: не то белые полицаи, не то бандеровцы. Митя — с аккордеоном. На нас шляпы, плащи. Из карманов выглядывают бутылки. Гуляем, горланим песни. Нам что — море по колено.

Вот и рощица. Ждем. Наконец-то... наш толстячок. Роста среднего. Белобрысый. Маленькие глазки в предвкушении удовольствия блестят. Заметил нас. Насторожился. Смотрим: улыбается. А нам тоже улыбок не жалко.

Встали вразвалку, окружили:

— Шнапс, битте, тринкен. Выпьем, герр майор, за компанию.

Замахал руками: дескать, данке шен, некогда.

Митя, вежливо так, пистолет майору под бок. Я бутылку в зубы. Вылили мы в борова пол-литра первосортного шнапса. Подействовало. Смотрит осоловелыми глазками, шатается. Мы на его мундир плащ накинули, натянули шляпу по самые глаза. Добавили еще стакан.

В лесу нас ждал Отченашев с повозкой. Майор было пришел в себя, закричал. Мы ему кляп в зубы, легонько, чтоб не задохнулся. Он у нас, миленький, на мягком сене сразу захрапел. Так и довезли. Принимайте гостя дорогого, товарищ капитан».

Гость оказался действительно дорогим, с богатой начинкой.

При обыске обнаружили у него билет члена нацистской партии за № 10340, выданный владельцу в 1925 году.

В моей землянке Неккель, окончательно протрезвев, сразу сообразил, что к чему. Заявил, что, как ста-

рый партайгеноссе, он по билету с таким номером имел право беспрепятственного входа в рейхсканцелярию самого фюрера и в резиденцию генерал-губернатора.

Мы сидели с Гансом Франком за одним столом. И это такая же правда, как то, что я стою перед вами, герр оберст.

Повысив меня в чине, майор окончательно успокоился; привык за долгие годы службы к субординации. Когда приказывает оберст (полковник), майор должен лишь подчиняться. Я не стал его разочаровывать. Разложил перед Пеккелем карту.

— Нам нужен план оборонительных сооружений укрепрайона. Весь план. И, по возможности, с мельчайшими деталями. Не вздумайте ссылаться на забывчивость и слабую память. Все будет перепроверено нашими людьми. За каждый объект, господин майор, отвечаете головой. Только добросовестная работа гарантирует вам жизнь. При первой возможности перебросим вас в Москву.

Пеккель склонил свой стриженый ежик в знак согласия. Попросил глоток шнапса и чашку кофе для похмелья. Мы предоставили ему и то и другое. Пеккель до самого ужина просидел над картой, не разгибая спины.

«Павлову. Пленный Курт Пеккель показывает: в сентябре 1944 г. бывший командующий Краковским гарнизоном генерал-лейтенант Китель издал приказ и инструкцию в части строительства оборонительных сооружений района Кракова. Общее название системы сооружения «Группенсистем». Бункер на 10 солдат квадратного сечения 4 на 4, глубина 3 м 60 см. *Голос*».

«Павлову. Продолжение. Выше уровня поверхности бункер насыпается земля, 25—30 см, тщательно маскируется соответственно местности. Кроме настоящих бункеров, насыпаны кучи земли, плохо замаскированы с целью дезинформации артиллерии. От бункера в сторону ров глубиной 1,8 м, шириной 80 см расчленяется подобно оленьему рогу, на 2—3 концах которого — пулеметные гнезда. Бункера окружены проволокой со всех сторон на 30 м, среднее расстояние между бункерами 200 м. Много бункеров в жилых домах, сараях. На пос-

сейных дорогах строят бетонные столбы высотой 4—5 м, в диаметре 1,5 м. Их ставят с обеих сторон дороги и минируют, в случае приближения противника завалят ими дороги. *Голос*».

Это были самые горячие дни для наших радистов. Они передавали Центру план оборонительных сооружений по квадратам. Задали мы работу и штабистам из оперативного отдела 1-го Украинского фронта. Центр в течение нескольких дней запрашивал уточнения на отдельных участках, особенно на тех, где противник сооружал мнимые бункера.

В те дни нам в общих чертах уже был известен план минирования Кракова. Через «D. S.» систематически шли сообщения от Музыканта: подготовительные работы велись одновременно в разных районах города. Крытые машины с тяжелым грузом подъезжают почью к административным и жилым объектам и возвращаются налегке.

...«Потрошение» Неккеля шло успешно. Сведения, полученные от него, оказались очень ценными, но уже на первом допросе, несколько оглушенный внезапным пленением да изрядной порцией самогона, Неккель заявил, что в его компетенцию входили только оборонительные сооружения. Минированием, уничтожением городов занимаются-де строго засекреченные, особые команды (зондеркоманды).

Курт Неккель не лгал, но явно чего-то недоговаривал.

Обеспокоенный донесениями «D. S.», я на одном из допросов возвратился к нашему разговору о возможном минировании города.

Мы сидели в моей землянке, склонившись над крупномасштабной картой Кракова: советский разведчик, коммунист, и старый пани, партайгеноссе. Со стороны могло показаться: два приятеля. И разговор тоже шел какой-то странный, скорее напоминающий то, что теперь называют ситуационной игрой.

— Господин Неккель, вот карта Кракова. А вот приказ: город взорвать. Вы опытный, очень опытный (Неккель при этих словах даже приосанился) военный инженер. Что вы предлагаете? С чего бы вы начали? Где Краков наиболее уязвим?

Маленькие глазки майора оживились. В них явно зажегся профессиональный интерес. От возбужде-

ния — я уже замечал за ним эту привычку — стал потирать пухлые, с короткими пальцами руки.

— Это интересно, очень интересно.

Вился глазами-буравчиками в карту. Надолго задумался. Потом вскочил, ткнул пальцем в одну точку, другую, третью: тут! Тут и тут!

— Краков, герр оберст, исключительно удачный объект для минирования. Как, впрочем, и все средневековые города. На сравнительно небольшом пространстве много домов, много улиц, проулков. Но самое уязвимое место — подземные коммуникации города: канализация, сточные блоки под сооружениями. Я бы, герр оберст, начал с них. Огромный выигрыш во времени, средствах: не надо всюду рыть траншеи, маскироваться. Машина подъезжает — и пять десять минут спустя груз на месте. Так можно хоть весь город начинить взрывчаткой. Остальное: провода, мины замедленного действия, центральный пункт для одновременного взрыва — дело техники.

— Этот план у вас возник только что или уже обсуждался с кем-нибудь раньше?

— В порядке, так сказать, консультации, герр оберст. Только в порядке предварительной консультации. Теперь я вспоминаю. В сентябре приезжал за мной адъютант Франка с личным предписанием генерал-губернатора. Мы осматривали систему канализации под Вавелем, на Главном рынке, еще в двух-трех пунктах. Ну, доложу я вам, и вонища. Теперь я понимаю. Все это — неспроста...

В лагере все привыкли к майору. В первые дни на правах военнопленного он щеголял в своем мундире с Железным крестом. Затем Неккель выпросил у Семена Ростопшина телогрейку. И сам вызвался помогать повару Абдулле.

Курт Неккель любил поговорить, удариться в воспоминания. А вспомнить старому партайгеноссе было что. Съезды, сборища в Нюрнберге, ночные шествия с факелами, исступленное, завораживающее лицо фюрера.

— Я верил в него, как в бога, даже больше. А бог оказался дьяволом. И я даже рад, что война для меня так неожиданно кончилась. Готт, майн готт! Теперь я почти уверен, что снова увижу свой родной Магдебург, майне либе фрау, киндер.

Впрочем, старший сын Неккеля, офицер танковых

войск, по его словам, пропал без вести где-то под Ростовом.

— Война не приносит никакой радости, — твердил майор.

Не знаю, что его толкало на подобные откровения. Теперь он всю верхушку, всех гитлеровских бонз называл «грязной, вонючей бандой».

Многие из его партайгеноссен, как и он, начинали простыми штурмовиками, рядовыми функционерами фашистской партии, но далеко обошли его по служебной лестнице.

— Толстый Герман — этот кокаинист — стал рейхсмаршалом, вторым лицом в государстве. А гауляйтер Штрейхер [illegible] напоследок подонком, растлителем малолетних [illegible] девушек. Осла узнают по ушам, а человека [illegible] делам. Поняли жалобы. И кому, подумайте только, Гитлер поручил разбор этого дела? Герману Герингу — этому жирному борову, этой грязной свинье в рейхсмаршальском мундире.

Я и Франка знал в молодости. Продувная бестия. В двадцать третьем, когда судили фюрера за мюнхенский путч, Ганс взял на себя защиту Адольфа. И не прогадал на этом дельце. Фюрер умел ценить такие услуги. Безвестный адвокатишка стал рейхсляйтером партии по правовым вопросам, президентом германской академии права. Затем — имперский министр юстиции, генерал-губернатор Польши. И подумать только, в двадцать седьмом году на съезде партии мы с ним сидели на одной скамье, пили пиво, можно сказать, из одной кружки.

Я тут, в Польше, почти всю войну провел. Все строил: казармы, лагеря, укрепления. Я — солдат, мое дело маленькое: приказ — и никаких возражений. Генерал-губернатора видел и в Варшаве, и в Вавеле, и в Кшешовице. Зазнался. Сначала, бестия, «не узнал» своего партайгеноссе. А не то в июле, не то в августе 1943 года — уже после Сталинграда и Курской дуги — вызвал нас, старых функционеров, в Краков на тайное совещание. Тут Франк сам ко мне подошел, пожал руку, похлопал по плечу, вспомнил старые, добрые времена: «Ничего, дружище, пока к нам русские Ивановы доберутся, мы из этих поляшек фарш наделаем». Вот какие речи произносил Франк. Теперь с поляками заигрывают, а Краков, выполняя приказ фюрера, начинил взрывчаткой, как колбасную кишку фаршем.

В плену этот адвокатишка будет юлить, хныкать, валить все на фюрера, на гестапо. Я его подлую натуру знаю.— И майор Пеккель, несколько похудевший за последние дни, снова склонял свой седой ежик над картой. Что-то уточнял, наносил по данным наших разведчиков схему минирования.

План «Группенсистем» — линии оборонительных сооружений Краковского района, набросанный майором Пеккелем, выборочно, по квадратам, тщательно проверялся нашими разведчиками и людьми Зайонца. Проверка от разведотдела фронта шла и по другим линиям. Все подтверждалось.

Под Новый год мы получили благодарность Центра.

Новый, 1945-й наша группа встречала шумно, весело. Евсей Близняков со своими хлопцами накануне совершил удачный налет на обоз гитлеровцев. Захватили колбасу, сало, бочонок меда, какие-то итальянские кубики — грибные супы, ящик с ромом. Гардый передал охотничьи трофеи: дикого кабана, косулю. Через Метека до нас дошли рождественские подарки Волка - молодого Скомского. Сашка-Абдулла, наши девчата старались вовсю. В полночь самодельные столы во времянках ломились от яств.

В командирской землянке народу набилось много. Прижавшись плечом друг к другу, сидели Гроза и наша дорогая гостья из Кракова — бесстрашная Валерия, Ольга-Комар, Анна-Груша, поручник Гардый, партизанский доктор Ян Новак и его сияющая половина – Ингибора, друзья-мушкетеры Митя-Цыган и Семен Ростошин. В полночь в землянку ворвался праздничный гул Красной площади, мелодично и торжественно ударили куранты. Я встал, поднял кружку (на эту ночь мы отменили сухой закон).

- Товарищи, друзья! С Новым годом! Выпьем за нашу дорогую Родину, за новую, свободную Польшу, за Победу!

«КОЗЛУВСКА ВАЛЬКА»

Как-то польские друзья переслали мне еще пахнущий типографской краской исторический журнал «За вольность и люд». На номера в по-

мер ведется в нем беспристрастный (только факты, рассказ о различных этапах борьбы против фашизма за вольную, социалистическую Польшу. Есть что-то в сообщениях, в самом стиле журнала от Информбюро, памятных сводок военных лет — «от Информбюро».

В одном из номеров я прочел: «Козлувска вал. ка», то есть битва в Козлувке. И далее: «...в районе Макув-Подхаляньски — Мыслеинице располагался 2-й большой партизанский край. Там действовали: отряд имени Варыньского под командованием Тадека (Т. Гре горчик), батальон Армии Крайовой под командова ем Гардого (Герард Возница), советский отряд под командованием полковника Калиновского и советская десантная группа капитана Михайлова (Е. Березняк).

Одно из самых тяжких испытаний выпало на долю батальона Гардого и группы капитана Михайлова.

10 января 1945 года значительные силы немцев окружили большой лесной массив. Командиры партизанских отрядов и групп поддерживали постоянные контакты. Партизанские дозоры несколько раз завязывали перестрелку с немцами и не позволяли им проникнуть в глубину леса.

Ночью вышел из окружения отряд имени Варыньского (Тадека), а 12 января немцы начали наступление со стороны Гарбутовице. В нескольких местах немцам удалось прорвать оборону партизан, они ворвались в расположение отряда Гардого и советской группы Михайлова.

Гардому и Михайлову пришлось организовать круговую оборону. В этом бою особенно отличилась советская группа...

Немцы потеряли 92 убитыми, 120 ранеными».

Мне эта страница напомнила самый счастливый и самый драматический день для группы «Голос».

В ночь на 12 января мы с Гардым проверяли усиленные дальние дозоры. Тогда нам еще не было известно, что весь огромный лесной массив Подгале окружен плотным кольцом гитлеровцев, но «гостей» мы ждали.

В начале января Павлов настойчиво предупреждал: «По имеющимся данным, гитлеровцы готовят карательную экспедицию против партизан в районе Кракова. Примите меры предосторожности».

О скоплении карателей в районе Бескид сообщил и Гроза.

Ночь и рассвет прошли спокойно. Мы с Гардым сняли дальние дозоры. Выставили ближние. Я забрался в свою землянку. Приказал разбудить в 14.00, с наслаждением растянулся на нарах и тут же уснул, словно провалился.

— Товарищ капитан, товарищ капитан! — слышу сквозь сон ликующий голос Близнякова. Открываю глаза: у Евсея счастливая улыбка до ушей.— Началось,— говорит,— товарищ капитан! Началось. Только что Ольга приняла радиограмму: войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление.

Мы — на «улицу». Хлопцы обнимаются, смеются, пляшут. Пахнет чем-то вкусным. Абдулла со своим подручным майором колдуют над котлом. Рядом Митя Цыган. Стоит, широко расставив пружинистые ноги. Щурится от ярких солнечных лучей и такого же яркого, ослепительного снега. Глаза у Мити — веселые, сияющие: праздник.

Наступление... Все эти трудные недели, месяцы мы жили ожиданием, работали на этот день.

И у Гардого уже знают. От него связной:

— Пан поручник ждет с обедом «по случаю».

Возвращаюсь в землянку побриться. Неторопливо намыливаю щеку. И вдруг землянка вздрогнула от взрыва. Как был — с намыленной щекой — выскочил наружу.

— Ложись, капитан!

Падаю, чертыхаясь, в снег. Глубокий, рыхлый. Тут же залаял пулемет. По голосу узнаю - крупнокалиберный, «собака», как мы их называли.

Каратели поливают свинцом каждый метр. Место дислокации, хоть и неровное, покатое, простреливается со всех сторон. Пока спасают ели и буки. Но удержать окруженную поляну вряд ли удастся. Немцы все ползут. Сколько их? Надо что-то предпринять. Не лежать же до тех пор, пока перебьют как щенят.

— Товарищ капитан, разрешите.

Это Ростошкин. С полуслова понимаем друг друга.

Сильный рывок — и Семен за бруствером траншеи, катится к дереву, затем, оставляя за собой глубокий след, ползет на частый, назойливый лай пулемета.

...Я приказал всем сосредоточиться для прорыва, когда по цепи передали:

— Товарищ капитан, Ростошкин захватил пулемет. Бьет по флангу. Там дыра образовалась.

— Дмитрий, Абдулла — к Ростошкину! Отчекашев, предупредите Гардого. Не спускайте глаз с Неккеля. Рации — к выносу.

В бинокль хорошо видны перебегающие от дерева к дереву фигуры в белых маскхалатах. Бойцы стреляют метко, берегут патроны. К тому же научены бить наверняка. Падают белые фигурки, но их не ста новится меньше. Зимний лес кишит карателями. На хально лезут. Уверены: нам — крышка. Автоматные очереди с шипением вонзаются в снег. Сумеем ли продержаться до ночи?

А соседи — молодцы. Тоже не растерялись.

— Наш капитан, наш капитан! — горячий шепот рядом. Гардый! И как ему удалось проползти под таким плотным огнем? — Товарищ Михайлов, уходите с группой. Мы вас прикроем.

Уходить! Но выхода нет. Именно теперь, когда началось наступление, «Голос» особенно нужен Центру. Он не имеет права, не должен замолчать.

Обнимаю Гардого. Мы крепко подружились с ним за последние два месяца. А слов нет. Что можно сказать другу, готовому грудью заслонить тебя?!

Гардый подсказал путь к отходу: еще выше, в горы, в труднодоступный для карателей, каменистый, изрезанный холмами район Бескид. Туда вела еле заметная, припорошенная свежим снежком тропа. Солнце спряталось за тучами. Это нам было на руку.

Гитлеровцы продолжали поливать огнем позиции польского отряда и наш лагерь. Гардый с небольшой группой смельчаков огрызался, каждый раз меняя позиции, перебегая из траншеи в траншею. А в это время его хлопаки уходили в брешь, пробитую Ростошкиным, вслед за бойцами нашей группы.

Поднялись на вершину. Сделали привал. Мне доложили, что потерь почти нет. Только исчез Курт Неккель и слегка ранен Ростошкин.

— Где Семен?

— Здесь я, товарищ капитан,— ответил голос из темноты.

— Спасибо, Семен, выручил. Как рана?

— Та-ак, царапина. До свадьбы заживет. Вот, товарищ капитан, возьмите. На память о Козлувке.

На широкой ладони Ростошкина лежал именной, в белой костяной оправе «пальтер».

— Расскажи, Сема, как тебе удалось с пулеметчиком поладить?

— Ползу, значит. Снег набивается в рукава, тает. Перепалил, не поднимая головы, через бугорок, скатился в лощинку и — замер. За буком — гитлеровец в маскхалате. Вскинул автомат. Но я его опередил: уложил первым выстрелом. Ползу дальше. Смотрю: эсэсовец — на снегу четко выделяется его офицерская кокарда — припал к пулемету. Почуяв неладное, рывком обернулся, но я его опередил...

— А где твой «крестник», Сема?

Пеккеля нигде не было. Митя-Цыган видел, как майор споткнулся и упал. Лишь на третий день, возвратившись в лагерь, мы нашли его труп, уже припорошенный снежком.

Были жертвы и среди польских партизан. Погибло восемь бойцов. Как жил, так и умер героем Метек.

Телохранитель Ольги, бессменный связной, общий любимец — Метек, Мстислав Конек, прикрывая наш отход, держал оборону вместе с отрядом Гардого и погиб.

Он навеки остался на одном из безымянных склонов Бескид.

ГОЛОС КИЕВА

17 января нас застало в Явоже. Местные гурали встретили отряд как старых добрых знакомых.

К вечеру подморозило. Я вышел во двор. С востока глухо докатывался гул артиллерийского боя. И не заметил, как рядом вырос Евсей Близняков:

— Товарищ капитан, товарищ капитан! Ольга зовет. Говорит: важное сообщение.

Я — в хату. Ольга сияет: вести хорошие. Протянула наушники. Я сразу узнал чеканный, торжествующий голос Левитана. Освобождена Варшава. Наушники наполнились грохотом, праздничными залпами: Москва салютовала Варшаве, солдатам-освободителям.

В тот же вечер Ольге удалось поймать Киев. Передавали обращение Совета Народных Комиссаров Украины к президенту Крайовой Рады Народовой Болеславу Беруту. Оно мне показалось настолько важным для пропагандистской работы, для наших дальнейших

контактов с местным населением, что я записал его в свой блокнот. Привожу это обращение по своей записи.

«Просим принять сердечное поздравление от украинского народа, который вместе с польским народом торжествует по поводу освобождения славной столицы Польши – Варшавы.

Мы счастливы, что наша Красная Армия вместе с Войском Польским почти полностью освободила польскую землю от немецко-фашистских захватчиков.

Приближается день, когда знамя свободы взовьется над всей польской землей... В борьбе и страданиях этой войны славянские народы ясно поняли, что, объединившись вместе, они всегда будут неодолимым препятствием для немецко-фашистских захватчиков, которые стремились поработить всех славян и уничтожить их.

Украинский народ в тяжелый период немецкой оккупации особенно хорошо понимает страдания братьев поляков, на протяжении пяти лет пребывавших под ярмом немецко-фашистских захватчиков.

Выражением нашего сочувствия благородному делу возрождения свободной, независимой, демократической Польши, залогом укрепления искренних, дружеских отношений между польским и украинским народами пусть станет наш скромный дар героическому населению Варшавы, а именно: 900 тысяч пудов зерна, 9 тысяч пудов подсолнечного масла, 6 тысяч пудов сахара, 300 пудов сухофруктов для детей.

Украинский народ с радостью несет польскому народу свой дар, который – пусть в малой мере – будет содействовать быстрейшему залечиванию ран, причиненных оккупантами, восстановлению Польши.

Пусть крепнет навсегда наша дружба!»

Я приказал собрать всю группу для политбеседы. Коротко передал сообщение Совинформбюро, поздравил разведчиков с освобождением Варшавы. Затем зачитал только что записанное обращение Совета Народных Комиссаров Украины.

...900 тысяч пудов хлеба, 6 тысяч пудов сахара... Кто из нас не знал, как нужен был каждый пуд зерна, каждый килограмм сахара разоренной войной Украине. Так поступить мог только настоящий друг.

Я видел, как светлели лица Евсея, Мити-Цыгана, Отченашева. Да и как не гордиться такой Родиной.

армией, несущей другим народам не гнет, а свободу, хлеб — голодающим. Но я знал, что впереди еще бои.

На рассвете мы оставили Явожке.

ТРЕТИЙ...

«В селе Бесина в расположении отряда задержан гр. «Янков» родом из Равы-Русской. Во время допроса показал...»

Бесина. Большое село в Бескидах. По крутому склону, покрытому редкими деревьями, до самой долины спускаются, как стадо овец, белые домики гуралей. «Козлувска валька», которая могла так печально кончиться для группы «Голос», послужила нам суровым предупреждением.

В Бесине, куда мы, уставшие от трудного перехода, добрались в полночь, я разместил отряд в нескольких хатах на околице села, поближе к горному подлеску. Выставил заставу с приказом всех подозрительных задерживать.

Через час прибегает боец. Докладывает: какой-то человек добивается встречи с командиром. Вскоре задержанный в сопровождении Андрея (жениха) уже стоял передо мной.

Продолговатое лицо, вдоль левой щеки глубокий шрам. Маленькие цепкие глаза так и прикипели ко мне. Молча рассматриваем друг друга. У Янкова (так назвал себя задержанный) — лагерные ботинки на деревянных колодках да латаная куртка с чужого плеча. На вопросы отвечает охотно, с подробностями. Родом действительно из Равы Русской. Украинец. В прошлом батрачил на панском фольварке, а после воссоединения западных областей Украины стал обрабатывать свою землю. Под Харьковом попал в окружение, потом — плен, лагерь. Где только не побывал! Насмотрелся такого, что будет помнить до самой смерти. В Бесине уже скоро месяц. Тут его каждая собака знает.

Приглашаем солтыса. Это наш, проверенный человек. Подтверждает: так оно и есть, все чистейшая правда. В Бесину Янков пришел весь побитый, больной, обессиленный. Одна вдовушка его приютила. Как только оправился, стал помогать по хозяйству: за все хватается. Мужик деловой. Все допытывался, как ему попасть к партизанам.

Возьмите в отряд, товарищ командир,— просит Яков.— У меня со швабами давние счеты.

Что делать? Павлов в одной из радиограмм пред упреждал: новых бойцов принимать в исключитель ных случаях. А что, если Яков говорит правду? Может, он и есть то самое «исключение»? Вызвал Абдуллу.

— Вот тебе, шеф-повар, помощник. Вместо Курт Пеккеля. Временный. До первого боя.

Яков обрадовался, стал благодарить.

Не прошло и часа — смотрю: Семен Ростопшин. Только что из разведки. На лице — тревога.

— Товарищ капитан, что это за тип крутится возле кухни?

Вроде, говорю,— наш, из лагеря бежал. Хочет вступить в отряд

— Что-то мне, товарищ капитан, это «пополнение» не по душе, и — поверьте — не без основания. Разрешите, потолкую с ним в вашем присутствии.

Абдулла со своим нехитрым хозяйством расположился через улицу. Мело. Колючий снег обжигал лицо. Тревога Ростопшина передалась и мне. Янкова мы застали за работой. Чистил картошку. Ростопшин подошел к нему, минуту-другую присматривался, что-то припоминая, и неожиданно спросил:

— Ты, говорят, сбежал из лагеря?

— Было дело.

— А когда именно?

— В ноябре.

— Не с тобой ли мы встречались в августе в отряде Хитрого?

— Не знаю никакого Хитрого.

— А ты вспомни, вспомни Ясенице. Был там или нет?

— Дай мне, человече добрый, покой. Не бывал я ни в каких Ясеницах. Товарищ командир, чего он ко мне, как репей, пристает?

— «Товарищ командир... Товарищ командир...» — Семен побледнел, как это часто бывало с ним в минуты гнева.— Пес тебе, иуда, товарищ.

— Не знаю я никаких Ясениц, ей Богу, я в лагере был. Что оно за напасть такая! В лагере эсэсовцы чуть не повесили. Комендант бил. И свои не доверяют.

— Что ты делал в отряде Хитрого? Не я один тебя
там видел. Хочешь, куда, свидетелей? Будут тебе сви-
детели.

— Мы, товарищ капитан, — повернулся ко мне Ро-
стопшин,— как раз в Ясеницах стояли, когда этот тип
к нам прибился. Весь в синяках. Тоже что-то про
лагерь плел. Поверили, а на третий день на рассвете
исчез. Мы сразу по тревоге — и в горы: Хитрого не
проведешь. И что вы думаете: к вечеру в Ясеницы
каратели нагрянули. Рыскали по всем домам, искали
партизан. Тридцать заложников схватили. И расстре-
ляли гады. Твоя, куда, работа?

— Я в лагере был. Бежал.

— Не крути. Берет волк, но и волка возьмут.
У меня — командир свидетель — глаз острый.

У Янкова задрожали ноги, упал на колени.

— Рассказывай!

Всхлипывая и моля о пощаде, Янков рассказал,
как вступил в УПА — так называемую Украинскую
повстанческую армию, в 1942 году по приказу своего
командира был зачислен в дивизию СС «Галиция».
Оттуда попал в Скавину — шпионскую школу. «Прак-
тику» провокатора проходил в лагере для военноплен-
ных. Поживет с неделю в бараке, а потом со спис-
ком — к коменданту. Страшный это был список. Не од-
ному патриоту стоил жизни. Потом — Ясенице. И сно-
ва лагерь. «Обрабатывал» его перед тем, как отправить
в очередной барак, сам комендант. Разрисовал так, что
и родная мать не узнала бы. В Бесину Янков прибыл
с особым заданием — проникнуть в отряд советских
партизан, а еще лучше — разведчиков. Втереться в до-
верие. А после окончания войны где-то на Востоке
ждать от своих хозяев новых приказов.

Расстреляли Янкова в тот же день. С фашистами
шел — могилу нашел. Семену Ростопшину я перед всем
строем объявил благодарность.

Янков — это уже третий на его счету вражеский
агент. У Семена отличная зрительная память и особое
на них чутье. В лагерях для военнопленных насмот-
релся на провокаторов. Одного по приказу подпольно-
го комитета задушил.

— Потом, — признался как-то мне,— весь день не
прикасался к еде. Знаю, что мразь, а противно...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Из объяснительной записки разведотделу фронта:

«В начале января 1945 года я получил приказ Центра поручить Правдивому немедленно разведать гарнизон города Сосновец. С этой целью послал Правдивого и Грозу.

...Наступление нашей армии застало их в Сосновце. Связь с ними я потерял. Как сообщил мне впоследствии Гроза, Правдивый вернулся из Сосновца в Кшеновице и сказал Грозе, что он поедет за женой и вместе с ней явится в нашу часть. Гроза сообщил ему пароль для явки. Вместе с Грозой до последнего времени был Молния. С ним Гроза расстался в Кшеновице. Молния, как предполагает Гроза, теперь находится в нашей контрразведке, скорее всего в 59-й армии. *Голос*».

Причудливы [illegible] судьбы человеческие на войне. Забегая вперед, скажу, что Комахов Молния нигде не объявился. Все наши запросы ни к чему не привели. Не исключено (Гроза, возможно, ошибся), что Молния, как и Курт Неккель, убит шальной пулей. Впрочем, с ним могли расправиться местные партизаны, и не подозревающие о его связях с нами.

А Гартман — Правдивый? К Павлову в штаб 1-го Украинского фронта он не явился. Следы его надолго потерялись и отыскались несколько лет спустя... в одном из наших исправительных лагерей. Оказалось, что в Белоруссии подразделение, в котором служил Гартман, участвовало в операциях против советских разведгрупп. Наряду с другими абверовцами, служащими полевой жандармерии, комендатур он в Минске предстал перед судом и был осужден как военный преступник.

На запрос соответствующих органов я сразу подтвердил его показания об активном сотрудничестве с группой «Голос». Советское правосудие, тщательно все взвесив, а также учтя неизвестные нам раньше факты биографии Гартмана, нашло возможным освободить его досрочно из заключения. И все же в этой истории (следы Правдивого потерялись на этот раз, казалось, навсегда) для меня осталось немало белых пятен.

Какими были настоящие мотивы его сотрудничества с нами? Трезвый анализ обстоятельств? Осознанное понимание близкого конца? Желание во что бы то ни стало, любой ценой выжить? Только это? Тогда почему не вышел, как условились, на Павлова? Ведь это было в его интересах. Ответ пришел совсем неожиданно уже после первого издания этой книги.

Как-то довелось мне по служебным делам побывать в столице Армении. Перед отъездом из Еревана я выступил по местному телевидению. По просьбе телезрителей рассказал и о деятельности группы «Голос» в районе Кракова.

Вечером возвращаюсь в гостиницу. И тут меня ждет записка. Всего несколько слов. «Тов. Березняк! Прошу позвонить по телефону 35-41-24. Г.».

Набираю номер.

На другом конце мужской голос переспрашивает:

— Капитан Михайлов! Получили мою записку? Я — Гартман!

Гартман?! Наш Гартман?! Не может быть! Какими ветрами его сюда занесло?

Курт Юльевич?!

— Собственной персоной. Не заглянете ли к Правдивому в гости? Моя жена и я будем очень рады.

— Вряд ли успею. Сегодня улетаю.

— Сколько у вас свободного времени? Час? Через двадцать минут буду в вашем номере. Нам обязательно надо встретиться. Одним словом, гора с горой не сходится, а человек с человеком...

Он стоял на пороге, невысокий, плотный. Глаза спокойные, ничем не выдают внутреннего волнения: стреляный воробей.

— Здравствуйте, товарищ Голос. Здравствуйте, Евгений Степанович. Вижу, вижу... Вы удивлены? Я, однако, не турист, не «гость» с той стороны, как вы, возможно, думаете, а советский гражданин. Давно живу в этом городе. Пенсионер. Ничего не поделаешь — годы. О встрече с вами давно мечтал. Нам есть о чем поговорить. Не так ли?

Короткий у нас тогда получился разговор. Я спешил на аэродром, Гартман, однако, обещал на все мои вопросы ответить письмом.

Правдивый и на этот раз остался верен себе.

Не письмо, а письма — вот они лежат передо мной: рассказ-исповедь.

«Уважаемый товарищ Березняк!

Много времени прошло после нашей встречи, а я все собираюсь с мыслями. Ведь столько лет миновало!

Как мы разминулись с Павловым?

Не помню, когда именно советские части освободили Кишеневе. Однако линию фронта я перешел значительно позже.

У немцев по отношению ко мне не было никаких подозрений (даже после побега Ольги). Я мог, таким образом, и впредь работать на советское командование. Надо было только договориться о связи. Гроза еще раньше дал мне пароль «От Голоса к Украинцу» — «Павлов принимает». Я ждал удобного момента, и не напрасно. Органы СД запросили абвергруппу: не найдется ли агент, хорошо владеющий польским, чешским или русским языком.

Перед ним ставилась задача: проскользнуть в тыл Красной Армии, пробраться в город и уточнить, где и когда именно состоится суд над обергруппенфюрером СС. Почему СД интересовалось именно этим обергруппенфюрером, я тогда и не узнал. Но что бы там ни было, это задание целиком соответствовало моим планам.

За успешное выполнение операции мне обещали Железный крест, звание зондерфюрера и отпуск. Меня это вполне устраивало. Перейти линию фронта, встретиться с Павловым, наладить связь и возвратиться в свое подразделение с Железным крестом. Нечего было и мечтать о лучшем. Однако когда я перешел линию фронта, появился в штабе советской части, оказалось, что это уже не 1-й Украинский фронт, а 4-й...

О существовании полковника Павлова никому здесь не было известно. Полковник из СМЕРШа * (фамилию не помню) посоветовал мне добраться первым попавшимся эшелоном до Бреста: «Комендант станции поможет найти разведотдел штаба 1-го Украинского фронта».

В Бресте явился к коменданту станции. Тот не стал морочить себе голову. И кончилась моя одиссея арестом, судом в Минске. Что было дальше — Вам известно.

Теперь об Ольге. Она была арестована органами СД и передана абвергруппе для проведения допроса и радиоигры. Как обычно в таких случаях, ее не оста-

* Советская войсковая контрразведка «Смерть шпионам».

вили в тюрьме, а передали абверу. Так Ольга оказалась в Кишиневце, в моем подразделении. Ежедневно, помнится, ее возили в Краков, в отдел пеленгации. Несколько дней я приматривался к ней. Вижу: держится твердо, этой девушке можно довериться.

Я доложил шефу, что берусь завербовать Ольгу. Это развязывало мне руки. Наши долгие «допросы»-беседы наедине не вызывали ни у кого подозрений. Мы даже питались с Ольгой за одним столом. От подчиненных я постоянно требовал, чтобы к русской радистке они относились вежливо, иначе, говорил я им, вы можете провалить нам всю операцию.

К Ольге, как назло, привязался один наш радист-фанатик. Он и меня упрекал: «Что вы носитесь с этой девкой? Нечего в пса бросать колбасой, когда есть палка». Во время дежурства он сам выводил Ольгу на прогулку, не спускал с нее глаз.

У Ольги одно было на уме: бежать. И она всячески затягивала прогулки. Как то радист, сопровождая ее, рявкнул: «Цурюк!». Ольга не рассердилась или сделала вид, что не слышит. Взбешенный наци подбежал к ней, ударил так сильно, что она возвратилась вся в крови. Я доложил шефу: «В таких условиях работать нельзя», и «опекуну» досталось на орехи.

Решение связаться с партизанами созревало во мне давно. О моих планах знал и Комахов. Решили действовать вместе. Я сказал Ольге, что устрою ей побег, если она поможет мне установить контакт с партизанами или советским командованием.

Ольга не сразу согласилась. И это было разумно с ее стороны: а что, если провокация? Но ведь рисковал и я, хоть и подготовил заранее, на случай провала Ольги, легенду для своего шефа: дескать, все делается для того, чтобы выйти на советского резидента и всю группу.

План побега наметился такой. Вечером вызвал Ольгу на очередной допрос. Она попросилась по естественным надобностям. Во дворе деревянный туалет как раз прилепился к ограде, задняя стенка его выходила на шоссе. Я заранее все подготовил, вытащил гвозди: две доски едва держались. Часовым в этот день поставил стыдливого студента-новобранца. Знал, что он не станет заглядывать, если там женщина.

Когда стемнело, я вывел Ольгу во двор, предупредил часового, чтобы тот внимательно следил, а сам спокойно возвратился в свой кабинет.

Раздвинуть доски, выбраться, перебежать шоссе — на все это требовались считанные минуты. Трениру я поднял минут через двадцать, когда Ольга была уже далеко.

Теперь остается, пожалуй, главный вопрос: почему я так поступил? Я думаю, Вас и теперь интересуют настоящие мотивы моих действий. Почему я согласился работать на советскую разведку? Вы и Ваши друзья до сих пор знали одну версию: я — информацию Вы мне — жизнь. А на самом деле причины были и глубже, и серьезней.

Родом я из прибалтийских немцев. Родился в Риге 25 мая 1901 года. Мать моя, хотя и была немкой по национальности, выросла в Москве в семье русских военных. Ее отец — мой дед — был генералом русской армии и героем Севастополя.

В Москве прошла юность матери. Она любила Тютчева. Надсона. Куприна, даже ездила в Ясную Поляну, чтобы увидеть Толстого. В таком духе она воспитывала и нас. Переехав после замужества в Ригу, мать дала сестре и мне совершенно русское воспитание, привила нам глубокое чувство любви к русскому народу, России. Мы, например, говорили с сестрой только по-русски и долгое время даже не чувствовали себя немцами. Когда началась первая мировая война, наша семья во время наступления кайзеровской армии эвакуировалась из Риги в Москву.

Вас интересует, чем я занимался в Германии, в частности, в годы третьего рейха. Там я, однако, жил очень непродолжительное время: после революции мы возвратились в Ригу. Работал помощником нотариуса. В гитлеровскую Германию попал как репатриированный в 1940 году. Меня мобилизовали, направили в абвергруппу 315 на должность переводчика.

Есть такая немецкая пословица: «Кто хочет долго ездить верхом, должен запастись овсом». Я же запасался терпением, так как твердо решил при малейшей возможности бежать, связаться с партизанами. Во-первых, потому что Россия — моя первая Родина, я не мог в ней видеть врага. Во-вторых, в Гомеле и в других городах, селах Белоруссии я был свидетелем таких зверств, такого издевательства над невинными людьми, что сердце обливалось кровью.

А тут случилось вот что. Летом 1943 года органы СД задержали вблизи Гомеля группу советских пара-

шистов-разведчиков. Среди них была молодая девушка Лена. Она поверила мне и согласилась «сотрудничать» с нами (считалось, что Лена завербована мною).

Вскоре я ушел в отпуск. Добился отпуска и для Лены. Сама она была родом из Могилевской области. Мне казалось, что в родных местах ей будет легче связаться с партизанами.

По моей просьбе она должна была сообщить партизанскому командованию, что я, офицер вермахта, готов в любом месте встретиться, чтобы договориться о работе на партизан.

Лена хорошо знала, как велико мое желание помочь советскому народу. Доверие между нами было полное. Скажу больше, я полюбил эту девушку, и она ответила мне взаимностью.

Но из отпуска Лена возвратилась ни с чем. Ей так и не удалось вступить в контакт с партизанами. Из Гомеля наше подразделение перевели в Мозырь, затем — в Брест».

Из другого письма:

«Я уже писал Вам о своей первой попытке связаться с советскими партизанами. Лена говорила мне, что в последнюю минуту у нее сдали нервы. «Погибнуть с клеймом предательницы от рук своих, — сказала она,—это выше моих сил». Партизаны, дескать, узнав о ее связях с абвером, немецкой контрразведкой, все приняли бы за провокацию. А суд партизанский короткий.

Она была, поверьте мне, храброй девушкой. И в этом я смог убедиться очень скоро. Несчастье ходит в шерстяных чулках, подойдет — и не заметишь. В Бресте нас арестовали органы СД. Лена оказалась в камере для политических, я — в военной тюрьме.

Мне было предъявлено обвинение в «аморальном поведении» (связь с неарийкой, кровосмешение). Нас допрашивали в одном помещении, но в соседних кабинетах. Что такое допрос в СД, Вы хорошо знаете. Я слышал сдержанные крики, стоны дорогого мне человека. Но что я мог сделать?

Лена, как я узнал позже, держалась стойко, планы наши не выдала. Только благодаря ей я остался в живых. Лену отправили в город Эссен, в рабочий лагерь. Меня с месяц продержали в тюрьме, затем повезли в штаб 20-й армии, разжаловали в унтеры, и я оказался в штабе «Валли» под Варшавой.

Тут я встретился со своим добрым знакомым, можно сказать приятелем, майором Шмальшлегером. Он взял меня в свою команду, предоставил отпуск к родным в Познань. Из Познани я сразу поехал в Зесен, где в последний раз встретился с Леной. Передал ей белье, продуктовую посылку. Добился разрешения перекинуться несколькими словами, и на этом наше грустное свидание закончилось.

Когда я возвратился из отпуска в штаб «Валли», меня уже ожидало назначение в Краков. Вот Вам вся моя история.

После этого я еще больше возненавидел Гитлера и все, что было с ним связано. Возможно, это тоже содействовало моему решению сделать еще одну попытку через Ольгу-Комар.

Потом в лагере мне говорили, что я сделал это для спасения жизни, но жизни моей ничего не угрожало, кроме того, конечно, что угрожало каждому на войне,— быть убитым. Я никого не убивал, не пытал и никаких зверств не творил, так что, даже если бы я попал в плен, мне, кроме нескольких лет тюрьмы, ничто не грозило (как оно в действительности и оказалось).

Я работал на Вашу группу из желания помочь русским людям в их правом деле. Я пишу Вам все это потому, что Вы по-настоящему мой бывший командир и должны знать все.

Привет Алексею (Грозе). Он мне с мая ничего не пишет. Что он — болеет или просто так?»

.

«Дорогой Евгений Степанович! Вас интересуют приемы моей разведывательной работы на «Голос».

Приведу еще одну немецкую пословицу: «У кого холодная плита, тот охотно греет руки на чужой кухне».

Я держал свою плиту холодной, а руки грел на плите шефа, неизменно придерживаясь правила: прежде чем приступить к выполнению очередного задания Грозы — соответственно подготовить начальника. Я учел, что мой шеф — человек крайне неосведомленный (в абвер он попал уже после покушения на Гитлера и эту должность занял по протекции), поэтому самостоятельно анализировать мои действия он как следует не мог.

Как все получалось на деле? Если помните, первым моим заданием по линии «Голос» было: уточнить личный состав офицеров и солдат гарнизона.

Во время неофициальной встречи я привел шефу цифры и факты, весьма убедительно свидетельствующие, насколько за последнее время возросло количество партизанских налетов на гарнизоны вермахта. Тут же предложил для успешной борьбы с таким «неприятным явлением» создать в отдельных подразделениях контурные группы для наблюдения за подозрительными элементами среди населения. Я знал его слабость: чужую идею выдавать за свою, но за лаврами не гнался.

Шеф подписал приказ, и я мог спокойно инспектировать части гарнизона, требуя соответствующие списки и ценную информацию о личном составе.

В районе Кракова — Вы знаете это на личном опыте — была безупречно налажена служба пеленгации. Как предупредить советских радистов? Мы с Грозой долго ломали над этим голову. Говорят, не одалживай денег тому, перед кем спинжешь шляпу, а подавай ему умные советы. Я и подбросил начальнику идею, что, дескать, с помощью пеленгаций мы обнаруживаем лишь радиста и его арестом предупреждаем всю группу и резидента. Надо разделить функции: пеленгаторы засекают радиста, а клубочек распутывает абвер.

По санкции шефа я совершенно официально связался с одним пеленгатором. Как только ему удавалось засечь объект, он тут же передавал координаты мне.

Таким образом удалось через Грозу предупредить провал нескольких групп. Они вовремя исчезали или меняли дислокацию...»

Из радиограмм.

«8.XII. Павлову.

Мной было дано задание Правдивому разведать 17-ю армию. Он выезжал в район дислокации. 7 декабря получил информацию противоречивей предыдущей. Послал ее вам. Прошу еще сообщить, можно ли ему верить.

Голос. Груша».

«12.XII. Голосу.

Продолжайте давать конкретные задания Пра-

дивому. Потребуйте данные о месте дислокации танковых частей.

«13.XII. Голосу. *Павлов».*

Ваши данные ценные. Важно знать, какими [illegible] собами Правдивый добыл эти сведения.

Уточните, какие еще части входят в состав 17-й армии.

Павлов.

Приведенная радиограмма от 8.XII объяснялась очень просто: в первом донесении — не по вине Правдивого — была допущена описка: 17-я *полевая* армия была в донесении, а затем и в радиограмме названа *танковой*. В недоразумении, благодаря Грозе, мы еще тогда быстро разобрались.

А вот «какими способами Правдивый добыл эти сведения»? (радиограмма от 13.XII) — этот вопрос и через десятилетия оставался для меня открытым.

В одном из писем я обратился с этим к Гартману. Вскоре пришел ответ:

«Разведывание дислокации состава армейских корпусов, дивизий, входивших в 17-ю полевую армию, и теперь считаю одним из самых ответственных заданий.

Гроза передал: сроки минимальные, надо спешить.

Тут помог простой случай. Узнаю: из лагеря для военнопленных исчезло несколько английских офицеров. Я доложил об этом по инстанции и сказал, что собираюсь пустить по их следу лучших агентов и займусь этим делом сам, если будут указания.

Я знал: генеральная карта 17-й армии находится в подвальном помещении штаба под охраной офицеров. В воскресенье утром (по субботам штабные офицеры напивались до положения риз) я с новенькими документами — абверовским удостоверением (красная карточка с поперечной желтой полосой) — явился в подвальное помещение, о котором уже шла речь. Дежурил там не офицер, а фельдфебель (к счастью, «под мухой»). Показал ему удостоверение, намекнув, что разыскиваю чрезвычайно опасных преступников, врагов рейха, проникших в расположение 17-й армии.

На мое требование он выписал, сверяя с картой названия, все армейские корпуса, дивизии, полки, даже батальоны 17-й армии, которые дислоцировались под

Красовом, указал, какие они занимают участки фронта и расположение их штабов. Фельдфебель старательно трудился, а я, закурив, просматривал какие-то служебные бумаги, которые тут же добыл из своего внушительного портфеля.

Когда фельдфебель вручил заполненный его рукою лист, я подошел к большой карте, еще раз все внимательно сверил, коротко, как это было принято между старшими и младшими чинами, буркнул «гут» и вышел.

Фельдфебель даже не спросил, из какой части я прибыл, и вряд ли запомнил мою фамилию. Однако, что бы ни случилось, у меня были готовые ответы на возможные при такой ситуации вопросы.

Вечером мы встретились с Грозой, и данные о 17-й армии своевременно попали в руки советского командования.

Все, что здесь написано, особенно о мотивах моей работы на «Голос», — правда, и только правда, тщательно проверенная в свое время соответствующими органами. Почему же Вы узнаете с таким опозданием? Почему не было этой исповеди в сорок четвертом году?

Надеюсь, как разведчик разведчика, Вы меня поймете...

Я чувствовал, что моя история только запутает дело, будет воспринята как легенда и вызовет еще большее недоверие. А версия «информация — жизнь» логична (кто тогда верил в победу фюрера?) и не требовала особой проверки.

Жить я действительно хотел. Однако руководствовался не шкурными интересами, а, повторяю, сознательным стремлением помочь советскому народу в его справедливой борьбе с гитлеровскими оккупантами, с фашизмом — заклятым врагом и русского, и украинского, и немецкого народов.

Я счастлив, что после тяжких испытаний (их выпало на мою долю немало) первая моя Родина не отвернулась от меня, дала возможность честно работать и служить ей, обеспечила мою старость».

...С глубоким удовлетворением вписываю эти строки в повесть о деятельности группы «Голос» не только потому, что рассказ строго документален. Но и потому, что исповедь Гартмана, каждое слово из приве-

денных выше писем — в этом у меня теперь нет никакого сомнения — искренняя правда.

Разными путями приходили к идее активной борьбы с фашизмом лучшие сыновья немецкого народа. Сложным, долгим был путь полного прозрения бывшего абверовца от тихой оппозиции, молчаливого осуждения гитлеризма до смелых действий по завербованного, как мы долгое время считали, агента, в сознательного антифашиста.

Охотно привожу здесь слова, сказанные на прощание Правдивому после нашей, такой неожиданной, встречи.

— Здравствуй, товарищ Курт Гартман.

Я привел только несколько писем из обширной почты Курта Ольевича Гартмана.

В 1983 году он надолго замолчал.

В ответ [illegible] тревожное письмо пришла скорбная весть из Еревана.

Почему Е[illegible]. Каким образом Правдивый оказался за тридевять [illegible] от тех мест, с которыми была связана его прежняя жизнь? Думаю, пришло время, и уже можно рассказать и об этом, об удивительных метаморфозах в судьбе одного человека. Вот уж воистину жизнь порой выкидывает такие коленца, выстраивает такие сюжеты и коллизии, которые и не снились авторам самых закрученных детективных романов.

Гартман был освобожден досрочно — рад, что и при моем содействии, — вскоре после смерти Сталина.

В мире опять запахло порохом. Не прекращалась холодная, а кое-где не затихали (Корея, Вьетнам, Ближний Восток) и горячие войны. Пока решался вопрос, оформлялись документы, у Гартмана окончательно созрело решение: пока есть силы (все остальное: осуждение как военного преступника, восемь лагерных лет — для этой новой цели служили как нельзя лучше), послужить России, первой своей Родине, на том поприще, где он мог принести наибольшую пользу.

Он обратился с просьбой в соответствующие органы, и решение — предполагаю, и здесь немалую роль сыграла деятельность Правдивого под Краковом — было принято положительное.

Так бывший сотрудник абвера стал гражданином Советского Союза — и не по расчету, а по глубокому убеждению, — советским резидентом, сначала в ФРГ,

...затем в одной из малоазиатских стран, где он был известен как весьма преуспевающий коммерсант. «Крыша» оказалась надежной и продержалась около семи лет. («Моя совесть, — писал мне Гартман в одном из своих писем, — чиста и перед Германией. Ведь я работал, боролся не против кого-то, а за, и прежде всего, мир на земле».)

За эти годы произошли изменения и в личной жизни Гартмана.

Секретаршей, а вскоре доверенным лицом, помощницей в его архитрудном, опасном деле, верным другом, женой становится армянка по происхождению, заброшенная на чужбину волею судьбы, первой мировой войной, страшной резней 1915 года.

Когда пришло время свертывать работу «фирмы», Гартманы после долгих раздумий выбрали для постоянного проживания Ереван.

А пенсия Гартману шла, естественно, по линии одного ведомства.

Вот что стоит за словами: «Первая моя Родина... дала возможность честно работать и служить ей, обеспечила мою старость».

...Гроза встретился с советскими войсками в районе Сашки. Его доставили в армейское отделение разведки. Обменялись паролями. Под вечер 19 января Алексей Шаповалов уже был в разведотделе штаба фронта.

Приступил к своим обязанностям секретарь Краковского городского комитета партии Юзеф Зайонц. Как-то на второй или третий день освобождения в дверях его кабинета внезапно выросла знакомая фигура в новенькой шинели с лейтенантскими погонами. Черные цыганские кудри. Улыбка до ушей.

— Алексей!

— Михал!

Смотрели друг на друга, как люди, сбросившие с себя огромную тяжесть.

В это время наша группа, выполняя приказ командования, двигалась на запад, параллельно шоссейной дороге, ведущей из Кракова на Бузов, по которой спешно отступали гитлеровские войска.

19 января мы сделали остановку в доме лесничего, в 2—3 километрах от села Пальча. Установили пристальное наблюдение за передвижением гитлеровских войск в юго-западном направлении. Оперативную информацию штабу фронта передавали через

каждые 2—3 часа. И сразу ощутили ответные дей
ствия авиации. Небольшие группы наших штурмови
ков на бреющем полете расстреливали колонны вра
жеских войск. Уже через день контролируемые нами
участки шоссейной дороги были забиты сожженной
военной техникой.

Почти все бойцы группы день и ночь вели наблю
дение, а иногда и активно действовали на своих уча
стках дороги.

19 января наши разведчики атаковали небольшую
колонну мотоциклистов, убили одного из них и захва
тили важные штабные документы 545-й гитлеровской ди
визии.

В этот же день мы с Семеном вели наблюдение
за движением отступающих немецких войск через село
Пальча. Насчитали 27 танков, более 200 автомашин
с пехотой, 15 подвод, а когда одна из них отстала
от общей колонны, не удержались от соблазна, под
нявшись в рост — что было, по моим сегодняш
ним понятиям, чистым мальчишеством,— атаковали
четырех гитлеровских офицеров и полицая-возчика. Он
был убит, офицеры сбежали, оставив на дороге две ши
нели, два карабина и офицерскую сумку с документами.

Из села Пальча в эфир пошло донесение:

«21.1. 1945 г. Павлову.

Наблюдением разведчиков моей группы 20.1 про
следовало через Сулковице направление Вадовиц
грузовых автомашин с живой силой 520, легко
вых 238, мотоциклов 113, танков 4, подвод 847,
орудий 18. По документам убитого нашим развед
чиком солдата установлено: проследовал 1085-й
полк 545-й гренадерской дивизии. *Голос*».

«21.1. Павлову.

Наблюдением с утра началось большое движение
автотранспорта, подвод, пехоты Мысленице по шос
се через Стружа, Тшебуня, Беньковка, Будзын.
Движение через Сулковице, Гарбутовице продол
жается. *Голос*».

**«21.1. Житель села Гарбутовице Юзеф Каспак
взял в плен радиста 59-го немецкого корпуса и
привел его к нам».**

**А это было так. Мы двигались параллельно доро
ге, запруженной разбитой и просто брошенной немец
кой техникой. Брошенной, пожалуй, было больше.**

Орудия, броневики, перевернутые полуобгоревшие штабные машины. Но попадались и целехонькие бронетранспортеры и танки. То ли кончилось горючее (где его добудешь в такой спешке), то ли замерзла вода, а отогревать ее некогда.

В Гарбутовице у деревенского студня — колодца — остановились на привал. Гитлеровцев в селе уже не было. Я — долой куртку, гимнастерку. Стою, по пояс обтираюсь снегом. Вдруг — хохот, свист. Смотрю: дедок, седой, как лунь, ведет с поднятыми руками долговязого верзилу ефрейтора. За ним мальчишки тянут мотоцикл. Дед — ко мне:

— Прошу пана капитана принять пиваба, — стал передо мной по стойке «смирно» дедок. — А мне оставьте автомат и мотоцикл. В хозяйстве пригодятся.

Из рассказа деда Каспака я узнал, что утром через село проходила колонна отступающих немцев. Ефрейтор, как выяснилось позже, — радист 59-го корпуса, драпал на мотоцикле. Заскочил во двор. Попросил напиться. Автомат повесил на руль мотоцикла. Дед когда-то служил в армии, быстренько сориентировался. На ходу оценил обстановку. Вынес из сеней глиняный кувшин.

— Угощайся, служивый, квасом. Домашний, яблочный.

Ефрейтор жадно обхватил руками кувшин, припал к горлышку.

Дед рванул автомат, наставил на «гостя»...

Эту сцену Каспак раз пять продемонстрировал в лицах «на бис» под дружный хохот бойцов и деревенских мальчишек.

Пленный радист бледнел, краснел, просил чуть не плача расстрелять, так как подобного позора немецкий ефрейтор пережить не может. Но мы вовсе не собирались его расстреливать. Показания радиста оказались весьма ценными и сразу были переданы Центру.

День 21 января выдался для нас довольно удачным: кроме переданной ценной информации, мы пленили группу немецких артиллеристов. Вот как это произошло.

В доме лесника нас было пятеро: Груша, Комар, Ростошин, Шиманский и я. Остальные еще с вечера отправились на задание.

Утром выхожу из домика — слышу совсем близко чей-то говор. Вскоре увидел выходящую из леса груп-

ну вооруженных немцев с оптическими приборами. Беспечно переговариваясь, они шли к нашему лому.

Для размышлений времени не было. Вскинув автомат и позвав своих бойцов, я громко скомандовал: «Хальт! Хенде хох!» Тут же рядом выросли с автоматами Семен и Павел. На помощь спешили и наши девчата. Дело было сделано. Гитлеровцы повинова-лись, бросили оружие, приборы. В тот же день я направил еще одну радиограмму Центру.

«Павлову.

21.1 нами взято в плен 9 немецких солдат. Согласно их показаниям и документам, все они из 344-й гренадерской дивизии. Эта дивизия сформирована в первых числах января в районе Тарнова из обслуживающего персонала аэродромов, выписанных из госпиталей. Солдаты мало обучены, деморализованы. Возраст от 17 до 55 лет. Командир дивизии полковник Лемперт. Дивизия занимала оборону у Тарнува. Теперь разбитые ее части отступили на Краков через Бохню. *Голос*».

К вечеру 22 января у нас было уже семнадцать пленных. Примерно столько, сколько людей осталось в группе. Мы не знали точно, где, когда встретимся с нашими. Дороги, леса кишели отступающими немцами. Эта лавина могла подхватить нас, раздавить. По всем правилам древней игры надо было расстрелять пленных — балласт, опаснейший хвост при небольшой разведгруппе. Возможно, месяц назад я бы так и поступил. И гитлеровцы, очевидно, ждали смерти, понимая, что советским разведчикам некогда возиться с ними.

Логика войны, ее неумолимые законы обрекли этих людей на смерть. И я видел в глазах многих из них покорность судьбе, ужас. На нашем месте они поступили бы так же. В тылу врага, где отовсюду тебя подстерегает смертельная опасность, которую мы ощущали каждым нервом и которая диктовала свою волю, это была суровая необходимость. Теперь же, когда все зависело от моего приказа, я неожиданно почувствовал себя ответственным и за этих людей. Впервые за месяцы, проведенные в тылу, подумалось, что эти немецкие солдаты, которые еще вчера, еще несколько часов тому назад были для нас просто противником,— чьи-то сыновья, братья, отцы. Выстрел — и

ниточка жизни оборвется. И ничего не будет, кроме безымянных могил.

Так думалось, а сказал я только два слова: пусть живут!

Мы добрались до ближайшей поляны. Устроили привал. Пленные сбились в кучу, сидели, почесываясь, вздыхая, с какими-то отрешенными лицами. Лишь один, постарше, отошел в сторонку, снял пропитанный потом мундир, рубашку. Аккуратно разостлал их на снегу, и снег за минуту посерел от паразитов. Пачкался и за войну всякого, но на этот раз чуть не стошнило. Подозвал бойцов.

— Возьми, Андрей, эту вшивую команду. За старшего пусть будет... этот.

Полчаса спустя на поляне запылал костер. Старший, видно, в этом деле был человеком опытным. По его команде пленные расселись вокруг огня. Раздались по пояс. И с каким-то остервенением, злорадством принялись уничтожать на своей одежде несметное «войско». Треск пошел по всему лесу. А когда наш Саша-Абдулла наделил пленных из отрядного НЗ по сухарю, по три кусочка сахара и котелку крепкого, настоянного на свекле чая, немцы совсем отошли, повеселели: раз поят чаем, да еще сладким,— расстреливать не будут.

Мы переночевали в лесу. Утром снова двинулись в путь. Пленные шли довольно бодро. Пожалуй, не меньше нас остерегались встречи со своими. И только парнишка лет семнадцати, долговязый, желтолицый, смотрел как загнанный в клетку волчонок.

В полночь Ольга приняла последнюю радиограмму Центра:

«21.1. 1945 г. Голос, направляйтесь г. Енджеюв коменданту города. Просите Павлова».

До Енджеюва мы не дошли. В полдень 23 января оказались в расположении 38-й армии 4-го Украинского фронта. Кончилось наше пребывание в тылу врага. Пленных мы сдали под расписку в Мысленице. Молодому лейтенантику из контрразведки этого показалось мало: потребовал сдать и оружие.

Митя-Цыган вскипел:

— Не ты, лейтенант, мне оружие выдавал, не тебе его забирать...

Назревал скандал. Выручил нас начальник разведотдела 38-й армии.

Передал привет от Павлова. Выделил в наше распоряжение «виллис», «студебеккер». Пригласил меня к себе.

- Вас ждут в штабе фронта. Поедете через Краков. Предупредите людей: дорога опасная. На окружения прорывается немецкий танковый корпус, в лесах разрозненные группы и группки гитлеровцев. Особенно опасны эсэсовцы. Одним словом — смотрите в оба.

На рассвете 24 января, тепло попрощавшись с полковником, Яном и Ингой Новаками, Гарлым и его бойцами, мы двинулись в путь. Впереди — освобожденный Краков.

СПАСЕННЫЙ ГОРОД

«Фашистам не удалось реализовать свой злодейский план уничтожения большинства исторических памятников Кракова, а также значительного количества промышленных предприятий. Об этом плане мы узнали накануне от нашей войсковой разведки, которая действовала в тылу врага. Я могу сказать, что благодаря деятельности этой разведки, благодаря помощи, которую оказывали нам патриотические силы польской общественности, информацию о приготовлениях гитлеровцев в районе Кракова мы получили еще тогда, когда стояли в районе Сандомира. Маршал Советского Союза Конев».

(Дзенник Польски. 1965. Январь. № 14.)

Как удалось предотвратить преступный замысел гитлеровцев — взорвать Краков, уже занятый советскими частями?

Как был спасен город?

Об этом нас часто спрашивают и устно, и в письмах. Ссылаются на финал кинофильма «Майор Вихрь».

Тот, кто смотрел фильм, вероятно, помнит, как его герои, советские разведчики, ценой собственной жизни спасли город. Эпизод действительно напряженный. Удастся ли разведчикам и польским патриотам, вступившим в неравный поединок с гитлеровцами, в самый последний момент обезвредить кабель, по которому с минуты на минуту обрушится на город смерть?

Эффектно. Интригующе. Но... в реальной жизни разведчиков подобные эпизоды случаются крайне редко. Разведчиков потому и называют солдатами *невидимого фронта*, что их работа остается *незамеченной*, как подводная часть айсберга. Труд разведчика — ежедневный, кропотливый, нередко однообразный, чем-то напоминает одновременно работу золотоискателя и ювелира. Сначала ищешь и отбираешь факты, крупицу за крупицей, затем отбрасываешь лишнее, шлифуешь, пока не получается донесение в пять шесть строк. Одно такое донесение порой стоит доброго десятка «грешных» взрывов.

Возможно, кое-кто и разочаруется, но тут уж ничего не поделаешь: чего не было, того не было. Никто из группы «Голос» не разрывал своими руками смертоносного кабеля. Никто из нашей четверки не погиб. И, как уже знает читатель, вся наша группа, за исключением Грозы, в день освобождения Кракова находилась далеко от города, продвигаясь по приказу командования на запад.

Как же все было на самом деле?

Еще в конце декабря, недели за две до начала наступления наших войск, вражеский план минирования Кракова уже не являлся для нас тайной. От Михала, Музыканта продолжали поступать тревожные донесения. Личные наблюдения вездесущего Музыканта дополнялись сообщениями его знакомых — рабочих городской канализации. Через Грозу я передал Гартману приказ немедленно заняться этим делом. Ему удалось увидеть план минирования города. Цепкая память опытного разведчика и на этот раз не подвела. Данные Правдивого — уже по второму кругу — проверялись и подтверждались донесениями «D. S». Я поручил Грозе усилить наблюдение за всеми заминированными объектами. Вся информация в деталях срочно передавалась в Центр.

В общем вырисовывалась следующая картина, впоследствии полностью подтвержденная польскими источниками: в канун наступления наших войск командование вермахта, несколько подбодренное успехами немецких частей в Арденнах, где над войсками союзников нависла угроза разгрома, допускало, что силами своей 17-й полевой армии под командованием генерала Шульца сможет отбить наступление 1-го Украинского фронта. Одновременно планировалось контр-

наступление на крылья и тылы советских войск, с тем чтобы преградить им путь к Силезскому промышленному району. Кракову отводилась роль главного центра сопротивления. По сведениям, поступающим от Правдивого, укреплялась 4-я зона в районе Сломника и на юге, вблизи Вохни и Бжеско. Длинные зимние траншей, противотанковые рвы, минные поля, заграждения из колючей проволоки и всякого рода другие инженерные сооружения кольцами опоясывали Краков. В начале января фортификационные работы вступили в решающую фазу. Гитлеровцы создали вокруг Кракова внешний оборонительный обвод, расположенный в радиусе [illegible] километров, и внутренний, примыкавший непосредственно к окраинам города.

Эта [illegible] обороны, воздвигаемая гитлеровцами в течение [illegible] месяцев, получила громкое название «Восточный вал».

Фор[illegible]сь работы и в самом Кракове.

Планы[illegible] превратить Краков в город-западню, город-могилу для населения и передовых советских частей. Гитлеровцы приспособили к обороне все старинные здания прочной кирпичной кладки, крепостные стены, забаррикадировали многие улицы, построили дзоты, отрыли траншеи и окопы; заминировали мосты, казармы, аэродром в Раковицах, стратегические дороги, которые вели в Краков, подземные коммуникации, промышленные предприятия.

Под смертельной угрозой оказались такие бесценные архитектурные памятники, как Мариацкий костел, Сукеницы, Башня Ратуши, знаменитый театр Словацкого, наконец, Вавель — резиденция первых польских королей.

В общем, город и его окрестности оказались буквально начиненными всевозможными смертоносными сюрпризами.

Минирование города шло параллельно с фортификационными работами и даже опережало их. Обо всем этом мы информировали Центр.

Гибель города казалась неминуемой. Как же удалось предотвратить взрыв?

В своей книге * Зайонц рассказывает:

«Нас (Юзефа и Валерию Зайонцев. — *Е. Б.*) навестили Прысак и Владек Бохенек с женами. Прысак

---

* *Зайонц Юзеф.* Шли бои. М., 1968. С. 187—188.

вытащил из кармана небольшой сверток. Когда он развернул бумагу, я увидел... кусок кабеля с медными обрывками проводов.

— Это тот, за которым мы так следили. Его перерезали, наверное, советские солдаты».

Историю обезвреживания кабеля, кстати, лишь одного из многих, угрожающих городу, Зайонцу и мне поведал Гроза уже после освобождения Кракова. Ему удалось установить связь с передовыми частями Красной Армии, наступающими на город с запада. Командиры этих частей хорошо знали рельеф местности, расположение форта, куда подходил кабель. Предупрежденные саперы вскоре нащупали кабель, в нескольких местах, осторожно вскрыв траншеи, перерезали его.

«Немцы,— пишет Зайонц,— рассчитывали на фронтальный удар с востока и выжидали удобный момент, не зная, что тайна кабеля раскрыта. Перерезав кабель, штурмовая группа советских солдат осторожно подошла к форту, где в подвалах находился обслуживающий персонал, получивший приказ по соответствующему сигналу включить ток и произвести взрыв. Они атаковали застигнутых врасплох гитлеровцев. Битва за город была выиграна».

Она началась задолго до 19 января.

В начале 1966 года «Комсомольская правда» опубликовала документальную повесть о нашей группе.

«В документальной повести В. Кудрявцева и В. Познанского «Город не должен умереть»,— писал тогда в предисловии бывший начальник штаба 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский,— рассказывается о группе разведчиков штаба 1-го Украинского фронта, действовавшей в глубоком тылу врага в период подготовки и осуществления одной из решающих стратегических операций Великой Отечественной войны — наступления с Сандомирского плацдарма в январе 1945 года... Действия группы разведчиков — лишь одно из многочисленных звеньев, обеспечивающих успех выполнения плана Ставки Верховного Главнокомандования. Они помогли спасти от разрушения древнюю столицу Польши...»

«...Лишь одно из многочисленных звеньев». Мы не знали тогда, да и не могли знать, сколько разведывательных групп, подобных нашей, действовало в районе Кракова.

Ирена Пачиска — известный в Польше историк, профессор Ягеллонского университета в Кракове, в предисловии к повести о группе «Голос» «Парол «D. S.», вышедшей в литературном издательстве Кракова в 1977 году, писала:

«Следует вспомнить и о некоторых других советских разведывательных операциях в районе Кракова

Краков — большой, важнейший транспортный узел, важнейший пункт в системе организации тылов немецкого фронта и столица Генерального губернаторства — привлекал особое внимание советской разведки

Теперь известно, что уже в 1942 году здесь действовала группа советских разведчиков под руководством Леонида [illegible]ко (Кольки). Осенью 1943 года и в начале 194[illegible] группа под руководством Яна Василевича ([illegible] Внимание и интерес к городу усилился, [illegible] приблизился к польской земле и выяснилось, [illegible]командование отступающей с востока группы армий «Северная Украина» для своего размещения избрало Краков.

Краков [illegible] город, расположенный на стыке нескольких [illegible] районов на большой реке,— как узел немецкой обороны и сложная преграда на пути Красной Армии с одной стороны, и с другой — как город с большим количеством населения, древний и ценнейший центр польской культуры, который необходимо сохранить от уничтожения. С этой целью сюда забрасываются все больше агентурных групп, подчиненных 1-му Украинскому фронту. Первые известные нам группы тут появились уже в апреле 1944 года.

Группа лейтенанта Адама Ницименка была заброшена и действовала в районе Ярослава – Пшемысля... В Бескидах действовала группа «Ветер» майора Станислава Гладилина.

Нам известны и другие группы. С лета 1944 года в районе Кракова успешно выполняли задание Елена Томашевска (Ольга) и разведчица Ванда Бель (Кристина). У этих разведчиков была достаточно широкая сеть осведомителей, работавших в Кракове и в некоторых других районах южной и средней Польши».

Ольгу и Кристину, замечу, я очень хорошо знал, не раз встречался с ними в отряде Тадека. Кристина, Крыся, была красива той редкой красотой, которая и привораживает, пленяет и как-то сразу ставит на место самых отъявленных сердцеедов. Держа своих кавале-

рой на почтительном расстоянии, постоянно пренебрегая опасностью, заводя среди офицеров вермахта все новые знакомства, они, отлично владея языком, добывали ценнейшую информацию.

С весны 1944 года в районах Люблинского и Краковского воеводств действовал также отряд особого назначения им. Железняка под командованием майора Александра Зорича.

Этот отряд провел ряд успешных разведывательно-диверсионных операций в Кракове и Люблине.

В июне 1944 года в районе села Воля-Верещенская был ликвидирован шеф гестапо Аккардт, а в начале июля в местечке Острув Любельский захвачен начальник отделения 24-й дивизии СС Вальтер Файлен-Гауер.

В Кракове, на улице Зеленой, был уничтожен один из главарей украинских националистов, Владимир Кубийович.

Зоричу через своих людей удалось легализовать в резиденции Ганса Франка своего осведомителя Болеслава Мотейко. От него он получал важную информацию. (С Зоричем — Александром Пантелеевичем Светогоровым — я дружу много лет. Встречаемся и по сей день.)

С августа 1944 и по январь 1945 года в районе Кракова, чудом уцелев от пеленгаторов, оставалась на своем посту, в назначенное время выходя на связь, рация сержанта Владимира Самсонова.

А сколько солдат невидимого фронта, из тех, кто вел свой поединок с врагом в районе Кракова, на всей польской земле — от Сана до Одера, погибло, попадая в засады, в неравных стычках, как это было с группой Гефта, с легендарной Аней Морозовой, ставшей хорошо известной после первого («Майор Вихрь» последовал за ним) многосерийного телевизионного фильма «Вызываем огонь на себя», под пытками — на Поморской, в Монтелюпихе и в других застенках гестапо!

Вспоминая о группе Калиновского, Ирена Пачиньска пишет:

«Очевидно, не следует описывать смелые действия этой группы, потому что богатая информация о ней нашла место в книге Е. Березняка. Может быть, вместо этого следует обратить внимание на особенности деятельности разведывательных групп 1-го Украинского

фронта в районе Кракова. Как правило, это были малочисленные группы, некоторые из них находили укрытие у местного населения, другие работали на базе партизанских отрядов. Группы разведчиков, как правило, действовали в районах важнейших транспортных узлов, в районе Барановско-Сандомирских укреплений.

В связи с близостью фронта, большой насыщенностью района силами врага группы работали в тяжелейших и очень опасных условиях».

Сквозь годы вижу бесстрашных разведчиков — Калиновского, Павлика, радиста Мака, свою землячку Астру, Ольгу, Крысю. Каждый выполнял свою задачу.

Сто пятьдесят шесть дней действовала наша группа во вражеском тылу. Мы передали за это время больше ста пятидесяти телеграмм. И по сути, каждая строка в них, [illegible] всегда отдавали себе в этом отчет, так или [illegible] служила одной и той же цели — освобождению и спасению города.

Группе, как мы потом писали в отчете Центру, удалось полностью и в деталях разведать дислокацию, состав, вооружение 17-й полевой армии гитлеровцев, краковский укрепрайон, все оборонительные сооружения вермахта на Висле южнее Кракова, план минирования города. И хотя гитлеровцы заложили мины под многие архитектурные памятники, административные здания, но взорвать их они не смогли.

Передо мной порядком поблекшая листовка на польском языке. Уже не помню, каким образом она оказалась в моей полевой сумке в последние дни января сорок пятого. «В связи с сокрушительным наступлением Красной Армии,— говорилось в обращении к гражданам только что освобожденного Кракова,— немецкое командование, отступая, минировало город.

Общественные здания, промышленные объекты и отдельные жилые здания заминированы противником.

Противник коварен и жесток. Во избежание ненужных жертв соблюдайте осторожность: не занимайте самовольно помещений, не трогайте ничего из имущества, оставленного противником.

О всех работах немцев, производимых перед уходом и вызывающих у вас подозрение по подготовке к минированию, и о зданиях заминированных немедленно сообщайте в Штаб по разминированию го-

рода Кракова, ул. Пилсудского, д. № 29 (угол ул. Адама Мицкевича).

Штаб разминирования, г. Краков».

Конечно, тогда, в январские дни 45-го, мы не могли себе представить полностью, какую роль в спасении города сыграли добытые нами сведения, план минирования Кракова, тем более почти совсем не видимой для нас оставалась, если не считать надписи на стенах «Мин нет», пожалуй не знающая равных аналогов по масштабности, одновременному охвату, ведь речь шла не об отдельных объектах, а о заминированном городе, работа саперов.

В Кракове с благодарностью вспоминают саперов 22-й инженерной бригады полковника Костенко: первые мины были обезврежены ими, солдатами и офицерами 42-й отдельной моторизованной Львовской инженерной бригады под командованием гвардии полковника Евгения Бондарева.

Хотя главный кабель, от которого тянулись смертоносные провода ко многим зданиям, объектам, был, о чем еще пойдет речь, своевременно обезврежен, не исключалась — об этом предупреждали и мы в своих донесениях — установка взрывателей, приводимых в действие радиосигналами.

Специальное подразделение, подготовленное на подобных «сюрпризах», буквально «перетрясло» весь город.

Были проверены все помещения штабов, все здания, занимаемые оккупационными властями, казармы, отели, театры, кинозалы. Мин, управляемых радиоволнами, к счастью, не обнаружили, но зато было найдено множество других как в Кракове, так и в оборонном поясе — вот когда пригодились труды Курта Пеккеля.

Были и особо коварные мины замедленного действия с часовым механизмом, установленные на много дней вперед. Саперы, случалось, добирались к минным «гнездам» по пояс, а то и по горло в ледяной воде. Вели их по сложнейшему подземному лабиринту люди Зайонца и Музыканта, краковские подпольщики, работники городской канализации. Саперы — и армейские, и фронтовые — первые сутки трудились не покладая рук, не зная ни сна, ни отдыха. Велик их подвиг. Пользуясь данными «Голоса» и других разведыва-

тельных групп, информацией и помощью польских патриотов, саперы в сжатые сроки разминировали Мариацкий костел, Сукеннице, Ягеллонский университет, Вавель — временную резиденцию улетевшего на запад генерал-губернатора Ганса Франка.

О последних днях пребывания в Вавеле Франка (сам Гитлер назначил его ответственным за оборону Кракова) рассказывают польские писатели-документалисты Станислав Черняк и Здислав Хордт в книге «Приказ — спасти город».

...16 января в 10 часов утра состоялось заседание «правительства». Франк произнес речь: «Краков — древний немецкий (?!) город — никогда не будет оставлен немцами» *. Заявление было сделано в тот самый момент, [illegible] оккупационные власти в панике покидали город.

14.00. Франку сообщают: в Ченстохове и Радомско — сов[illegible] танки. Ближайшие сотрудники прощаются с Франком и оставляют город.

15.30. Генерал Крузе еще раз знакомит Франка с детальным планом уничтожения города. «Генерал-губернатор [illegible] комнаты замка и прощается со своими подчиненными». Эти слова из официального протокола Франк даже цитирует в своем дневнике. И в этом весь Франк — с его гонором, претенциозностью, стремлением во что бы то ни стало «вписаться», «влезть» в историю. Надо сказать, что это ему удалось. В 1946 году обер-палач польского народа Ганс Франк был повешен во дворе нюрнбергской тюрьмы как один из главных военных преступников.

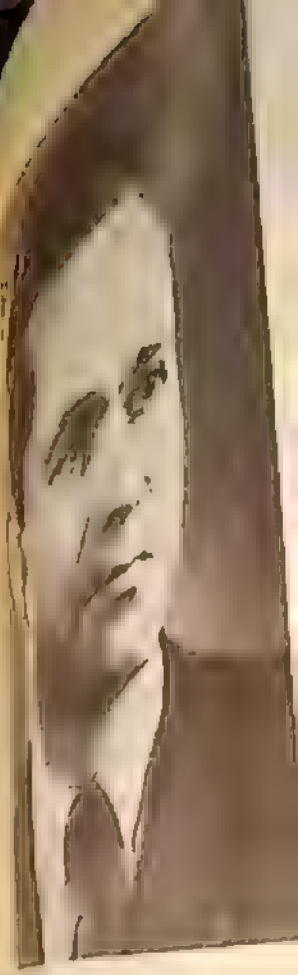
В цепи преступлений Франка Краков — только одно из многих кровавых звеньев. Населению Кракова пришлось пережить тяжелейший в его многовековой

---

* На подобные заверения не скупились в те дни и другие гитлеровские заправилы.

«Немецко-фашистское командование,— пишет в своей книге «Оружие особого рода» бывший член Военного совета 1-го Украинского фронта К. В. Крайнюков,— предполагало прочно опереться на краковский крепостной район, прикрывая подступы к Домбровскому угольному бассейну. Нам стало известно, что высокопоставленный нацистский чин назвал этот старинный польский город надежным замком на стальных воротах индустриальной Силезии.

Что ж,— сказал Конев, прочитав разведдонесение о хвастливых высказываниях фашистского генерала,— и для краковского замка у нас найдется ключик. Стремительное наступление и опрокидывание противника маневр — вот что может спасти древнюю столицу Польши от разрушения».



Капитан Михайлов —
Евгений Березняк,
командир группы «Голи»

Голи
[illegible]
радистка [illegible]

Гроза —
Алексей Шаповалов,
заместитель командира группы

Группа (Анка)
Ася Жукова,
радистка группы

Алексеи
Евсей Близни[illegible]
руководитель [illegible]

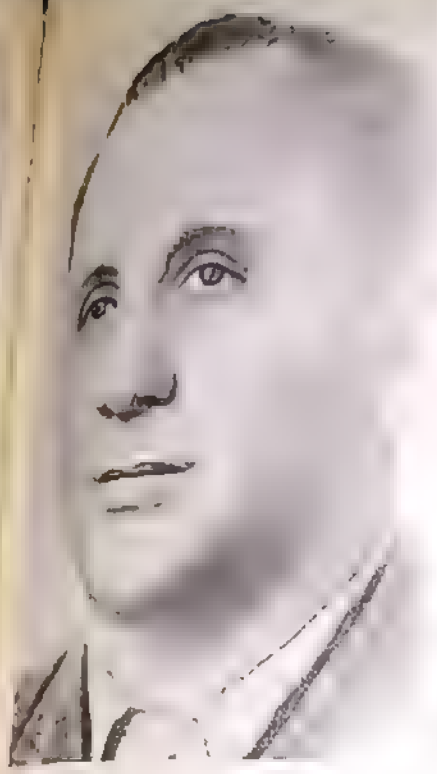
Семен Ростошкин
участник группы

[illegible]ф Занони,
[illegible] Округа Армии [illegible]
[illegible] с группой «Гол[illegible]

Саша —
Абдулла Гатиуллин,
участник группы

Василий Яковлев —
полковник Евенко,
начальник отделения разв[illegible]

[illegible]



Владек — Владислав Бохеньск,
активный помощник
группы «Голос»

Янка — Янина Бохеньск,
жена Владислава,
связная группы «Голос»

Ян Новак
партизанский
доктор

Инка
Изидора Новак, жена Яна
медсестра

Тадек — Тадеуш Грегорчик,
командир партизанского отряда
Армии Людовой

Гардый — Герард Волинь,
командир партизанского отряда
Армии Крайовой

бора Новак, ... Я.
стра

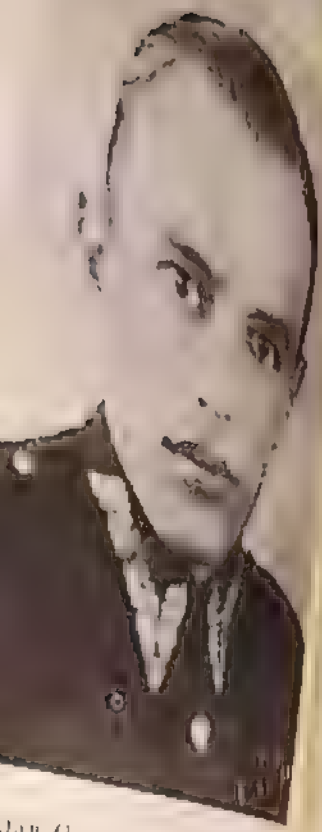
лав Малн.
нанн. хозяин нивы
ние Рыбна

Чулынант — Юлеф Прысак,
передавал группе «Голос»
особо важную информацию
о минировании Кракова

Стефа и Руая Врубели
дочери Михала Врубеля

Волк
Юзеф Скомский
сотрудничал с группой «Го—»

Группа «Голос»
1945 год



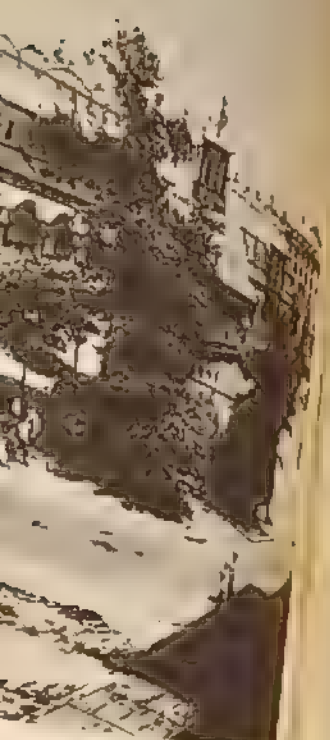
...ан Очкось -
...и помощник
...«Голос»

...ящая освобожденного Кракова

...резиденция польских королей

Ратуша и Су[illegible]

Евгений Степанович беседует с внуками



трагической истории период гитлеровской оккупации, длившийся почти пять с половиной лет. 80 тысяч мирных жителей города были истреблены за эти годы. Каждый четвертый поляк стал жертвой геноцида, насилия, кровавой бойни, курса на почти поголовное истребление. Только успешное наступление советских войск спасло город, страну, миллионы людей.

После церемонии «прощания» Франк остается еще на одну ночь в Вавеле. Он сам хочет проконтролировать выполнение приказа об уничтожении города.

17 января. В семь часов Франку докладывают о событиях прошедшей ночи, о стремительном продвижении войск Конева.

«Доклад» — чистая формальность. С самого утра в резиденции генерал-губернатора слышен приближающийся гул фронта. Выполняя приказ Франка, гитлеровцы спешно продолжают [illegible] ценные предметы искусства: знаменитые гобелены Вавеля, картины, скульптуры. Завершается подготовка к уничтожению города. Сжигаются архивы гестапо. Но связь продолжает работать. Все [illegible] информация с фронта. В 9 часов [illegible] того же дневника, советские танки появляются на шоссе Краков — Тшебиня.

Ровно в полдень [illegible] последнее заседание «Управления генерал-губернаторства». Франк повторяет: «Краков не будет оставлен».

К счастью, это уже не входило в компетенцию генерал-губернатора и никак от него не зависело. Не прошло и часа после «исторического» заявления — Франк в сопровождении усиленной охраны поспешно оставляет Вавель и Краков. Пламенем и едким дымом охвачена Шленская семинария, где размещалась полиция; и здесь уничтожаются архивы.

Вечером 17 января путь отступающим на Катовицы гитлеровцам отрезали советские части.

18 января 1945 года основные силы, противостоящие 1-му Украинскому фронту, были разгромлены. Вместе с 4-м Украинским фронтом, своим соседом слева, войска Конева нанесли серьезное поражение и 17-й армии противника.

Полностью овладев положением, Конев оставляет немецким войскам для отступления единственную еще свободную дорогу на Могиляны и Кальварью — заранее предвиденную для них ловушку. Блестящий

замысел советского командования, решивший судьбу города, удался полностью.

Тогда, в хмурое январское утро 1945 года, мы, однако, ехали в Краков, еще не представляя себе в полной мере накала боев.

То, что мы видели на дороге, забитой догорающими танками, опрокинутыми повозками, уже припорошенными снежком трупами гитлеровцев, свидетельствовало о боях ожесточенных, упорных. Но это были впечатления мимолетные, поверхностные. И чтобы восстановить обстановку тех дней, общую картину сражения, приведу еще одно свидетельство.

Вот что пишет об этом важнейшем этапе Висло-Одерской операции бывший командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев в книге «Сорок пятый».

«...Утром я выехал на наблюдательный пункт 59-й армии к [illegible] Коровникову. Наступавшие все эти дни войска армии подтягивались для нанесения удара непосредственно по Кракову с севера и северо-запада. С наблюдательного пункта уже открывался вид на город. .

Войска самой 59-й армии уже готовились к штурму. Им была поставлена задача ворваться в город с севера и северо-запада и овладеть мостами через Вислу, лишив противника возможности затянуть сопротивление в самом городе.

Для меня было очень важным добиться стремительности действий всех войск, участвовавших в наступлении на Краков. Только наша стремительность могла спасти Краков от разрушений. А мы хотели взять его неразрушенным. Командование фронта отказалось от ударов артиллерии и авиации по городу. Но ката упрепленные подступы к городу, на которые опиралась вражеская оборона, мы в то утро подвергли сильному артиллерийскому огню.

Спланировав на наблюдательном пункте предстоящий удар, я и Коровников выехали на «виллисах» непосредственно в боевые порядки его войск. Корпус Полубоярова уже входил в город с запада, а на северной окраине вовсю шел бой.

Продвижение было успешным. Гитлеровцы вели по нашим войскам ружейный, автоматный, пулеметный, артиллерийский, а временами и танковый огонь, но, несмотря на шум и треск, все-таки чувствовалось,

что этот огонь уже гаснет и, по существу, враг уже сломлен. Угроза окружения парализовала его решимость цепко держаться за город. Корпус Полубоярова вот-вот мог перерезать последнюю дорогу, идущую на запад. У противника оставалась только одна дорога — на юг, в горы. И он начал поспешно отходить.

В данном случае мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцев. Если бы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город. Как ни соблазнительно было создать кольцо окружения, мы, хотя и располагали такой возможностью, не пошли на это. Поставив противника перед реальной угрозой охвата, наши войска выбивали его из города прямым ударом пехоты и танков...

Говорят, будто солдатское сердце привыкает за долгую войну к виду разрушений. Но как бы оно ни привыкло, а смириться с руинами не может. И то, что такой город, как Краков, нам удалось освободить целехоньким, было для нас огромной радостью».

На призыв штаба разминирования откликнулись многие. Особенно, повторяю, отличились в январе бойцы Сопротивления, работники городской водопроводно-канализационной сети. Это они первые забили тревогу, от них шли к нам донесения «Д. S.»: «Гитлеровцы прокладывают в каналах минные кабели, провода».

Без них, без их помощи — а ведь на каждом шагу смельчаков подстерегала смерть — быстрое разминирование Кракова было бы невозможно.

Мне рассказывали в те январские дни о подвиге Брониславы Сливы. Он водил наших саперов только ему знакомыми переходами по подземному хозяйству Кракова. Во время одной такой экспедиции обнаружил запальной шнур. Прикоснись к нему — и были бы взорваны многие старинные здания на улице Святой Анны...

Впрочем, поездка в освобожденный Краков только начиналась.

В нашем распоряжении все тот же «виллис» и спокойный, медлительный водитель-сибиряк с его неизменной присказкой: «Тише едешь — дальше будешь».

Здесь она к месту. То тут, то там предостерегающее: «Мины!» Мы медленно продвигаемся по уже расчищенным маршрутам с визитными карточками — добрыми напутствиями наших саперов: «Разминировано», «Мин нет».

Юзефа Зайонца (товарища Михала) я разыскал в городском комитете партии. В городе налаживалась новая жизнь. Работы — непочатый край. Организация народной милиции, восстановление транспорта, торговли, забота о детях сиротах — сотни неотложных дел, которыми сразу же после выхода Михала из подполья пришлось заняться воеводскому и городскому комитетам партии. Юзеф Зайонц даже ночевал в своем служебном кабинете с новеньким ТТ (подарок генерала) под подушкой. Собранный, сосредоточенный, деятельный.

В нашем распоряжении оставалось несколько часов, и мы отправились смотреть город.

Удивительный день. Меня с утра не покидало ощущение: должно произойти что-то важное, радостное.

Так оно и вышло.

У Мариацкого костела парнишка продавал пахнущий типографской краской свежий номер газеты «Голос Краковски». Я развернул газету и сразу же увидел знакомую фамилию — Скшишевский. Министр.

Скшишевский... Не тот ли, чьи уроки латыни так пришлись кстати в камере-одиночке Монтелюпихи? Тот тоже был Скшишевский. В довоенном Львове заведовал кабинетом иностранных языков института усовершенствования учителей.

Мы часто встречались с ним, дружили, и меня всегда поражали энциклопедические знания скромного заведующего методкабинетом.

Коммунист, варшавянин, с немалым стажем партийной работы в подполье, Станислав свободно владел шестью европейскими языками, жалел, что латынь «из моды вышла ныне».

— Мудрый, чеканный — вот какой это язык,— говорил он бывало.— Ты только послушай, коханый друже. А еще лучше запиши в свою книжицу: «Docendo discimus — уча, мы сами учимся».

На совещаниях, когда, бывало, накалялись страсти, Станислав мог разрядить атмосферу одним каким-нибудь «sine ira et studio», то есть просьбой не переходить на личности, спорить объективно, «без гнева и пристрастия». Мог и «убить» любителя длинных речей короткой, как выстрел, репликой: «Снова «ab ovo», то есть с яйца, с самого начала.

А в трудные минуты повторял любимое: «Dum spiro, spero!»

Сталинские репрессии предвоенных лет коснулись и тех поляков, кто искал спасение в советском Львове. В начале сорокового впервые зазвучало зловещее слово «депортация». Операция по выселению лиц разных категорий готовилась в несколько приемов и в глубокой тайне.

Готовили списки. Готовили и специальные железнодорожные составы — на Главном вокзале, на Подзамче. В назначенный день (все делалось по линии госбезопасности, НКВД) создавались оперативные тройки. Членам троек вручались адреса, и начинались ночные визиты, которые редко — знаю по рассказам знакомых — обходились без душераздирающих сцен.

Разбуженным нежданным вторжением людям, перепуганным, дрожащим от страха, объявлялось постановление о высылке. На сборы всей семьи — с малыми и старыми — давали от 30 минут до часа. На улице ждали грузовики. Эшелоны отправляли, как правило, тоже ночью, хотя отправка задерживалась иногда на долгие часы.

Повезло в этом отношении и Скшишевскому.

Было так. В первых числах августа 1940 года мне позвонил заместитель заведующего облоно Мутиянский: «Ночью забрали Скшишевского с семьей». Весть ошарашила. Первая мысль: медлить нельзя. Скшишевскому можно помочь только здесь, во Львове.

Я тут же позвонил начальнику львовского городского управления НКВД, стал доказывать: произошла фатальная ошибка. За Скшишевского ручаюсь головой.

— Поздно,— услышал я в ответ усталый голос,— списки утверждены.

Трубка ненадолго замолчала. Тот же голос продолжил: «В каком районе он жил, Ваш знакомый? В Красноармейском?»

Словом, мы узнали, что эшелон, к счастью, все еще ждет отправки. С представителем НКВД мчимся на Главный вокзал. Час спустя Скшишевский с семейством — представитель даже принес извинение «за ошибку» — снова переступил порог своей львовской квартиры.

Если это тот Станислав — в последний раз мы виделись в самый канун войны,— ему, возможно, известна судьба и других наших общих знакомых. Да и вообще — хорошо бы встретиться. Нам есть о чем вспомнить.

Я — в польскую комендатуру: помогите найти пана министра. Дежурный поручник «оседлал» полевой телефон. Стал звонить в разные концы города. Не прошло и пяти минут — говорит: пан министр в Ягеллонском университете.

Комар и Груша ушли по своим делам. Я — на «виллис» и в «Коллегиум Майус», самое старинное из сохранившихся в Кракове университетских зданий. Чего только не видели его древние стены, чеканные готические барельефы, острые крыши под красной черепицей!

Захожу в приемную ректора. Я в кожаной куртке, с автоматом. Никаких знаков различия. Девушка-секретарь с красной повязкой Армии Людовой, тоже с автоматом, строга и неприступна.

— Пан министр занят. На заседании ученого совета.

Услышав русскую речь, девушка добреет и даже соглашается передать мою записку примерно — пишу по памяти — такого содержания: «Пан Скшишевский, если Вы тот Станислав Скшишевский, который работал во Львовском институте усовершенствования учителей, то должны помнить Евгения Березняка. Я в приемной ректора. Очень спешу. Если ошибся, извините и до свидания».

Не успел как следует рассмотреть старинный кабинет, как вошел, нет, влетел Скшишевский. Обнялись. Расцеловались.

— Прошу тебя, коханый, не называй меня паном. Помню. Все помню.

...Летом 1941 года военная буря занесла Станислава за Урал. Учительствовал. Принимал участие в создании 1-го Польского корпуса. Воевал. Освобождал Львов.

...Что дороже всего в дружбе? Верность. И познается она по-настоящему в испытаниях, в беде, познается и запоминается.

Мы снова расстались. На этот раз надолго. Изредка после войны доходили от Станислава приветы, добрые вести.

Вот и вся история неожиданной встречи в Кракове «ab ovo usque ad mala», как сказал бы Станислав: от яйца до яблок, с начала до конца.

...Наши девчата меня дожидались.

Потянуло к знакомым местам. Завернули к Монтелюпихе. Вот оно, мрачное здание краковской тюрьмы.

Тюрьма осталась тюрьмой. Только сменились обитатели камер. Разной нечисти в освобожденном Кракове набралось немало. И, возможно, тюремных надзирателей, палачей стерегут вчерашние узники. Нам с Ольгой повезло. А сколько погибло в этом каменном мешке под пытками?!

Я закрыл глаза и отчетливо, как на экране, увидел стены своей камеры. В ржавых пятнах от крови, исцарапанные ногтями, исписанные огрызками карандашей.

Если бы тюремные стены могли заговорить... Если бы...

Оглянулся. Рядом беззвучно, глотая слезы, плакала Ольга. И в ее глазах я прочел тот же вопрос, который не давал покоя и мне: «Что с Татусем, Стефой, Рузей? Живы ли?..» Нашему другу Юзефу Зайонцу пока еще ничего не удалось о них узнать. Среди освобожденных из Монтелюпихи заключенных Врубелей не было.

Врубели... Врубели... Никогда не забуду того, что вы сделали для нашего дела.

Тогда, в схроне, затаив дыхание, сжавшись в комок ненависти, я знал, я был уверен: Комар не подведет, не выдаст. Верил и в старого Михала: и он из той породы, что хоть гвозди делай. Но Стефа? Откуда у этой девчонки взялись силы? Лежала под дулом автомата, избитая, в кровоподтеках, рядом с моим схроном. Тут даже слов не надо. Жест рукой, поворот головы — и конец. Выстояла. Ничем не выдала капитана Михайлова. Низкий поклон и тебе, Татусь, и вам, милые сестры Стефа и Рузя, за вашу стойкость, за любовь и веру в мою страну, за ваш подвиг...

От Монтелюпихи девчата потащили меня на Тандету.

— Показывай, показывай, дядя Вася, где ты расстался со своими ангелами-хранителями?

Пришлось показать. Внешне Тандета за шесть месяцев почти не изменилась. Такое же бойкое место. Кипит, бурлит черный рынок, разбитый на «соты». Знакомые вывески: «Обеды», «Пиво», «Воды», «Кава». И на том же, что и в столь памятном для меня августе, месте, словно и не уходил никуда, долговязый, худой, как жердь, продавец шляп. Весь товар — штук пятнадцать фетровых шляп — одна на другой, пирамидой, на голове.

Появились и новые лица: недавние узники Освенцима, в полосатой лагерной одежде, выглядывающей из-под ватников, пальто, немецких шинелей, исхудав-

шие, живые мощи, с вечно голодным блеском в глазах. Спустившиеся с гор партизаны, и в непривычной для них мирной жизни не расстающиеся с трофейными «шмайсерами», «вальтерами». Монашенки с чопорными лицами, в высоких, накрахмаленных снежно белых ротничках. Тоже что-то продают, покупают.

Побывали в кино. Крутили какую-то довоенную комедию. Кажется, «Антон Иванович сердится». Затем до вечера бродили втроем по улицам, площадям, слушали оживленный гомон города. Радовались сияющим счастливым лицам. И плыли нам навстречу старинные дворцы, замки с башнями и флюгерами. В костелах шло богослужение. Сквозь открытые двери доносились торжественные звуки органа. Зимнее солнце застревало на разноцветных витражах. После руин и пепла Днепропетровска, Киева уцелевший, спасенный Краков казался чудом.

Мы остановились в старой гостинице, в нескольких шагах от брамы Флорианской.

Если Мариацкий костел – душа, его башни — стражи, площадь - сердце, то Флорианская брама, воздвигнутая, как не без гордости поведал нам портье, в XIV веке,— главные ворота древнего Кракова.

Ощущение чуда сопровождало всюду. Нам решительно во всем, словно в награду, везло в только что освобожденном Кракове.

И разместили нас самым лучшим образом - в центре города.

Портье, который явно благоволил к нам, успел шепнуть, что гостинице «Под розой» без малого двести лет, что в прошлом в ней не раз останавливались знаменитости: Оноре де Бальзак, Франц Лист, русский царь Александр I, что в память об этом гостиница была в свое время переименована в «Русский отель», что «при германе» почтенный отель превратился чуть ли не в дом терпимости.

После всего увиденного, разговоров, встреч я, переполненный впечатлениями, счастливый и смертельно уставший, уснул как убитый.

Проснулся, словно от толчка.

Подошел к окну. Над ночным городом стремительно неслись облака. На какой-то миг в разрыве туч показалась луна, осветив с одной стороны строгие стрельчатые линии Мариацкого костела, башни, шпили, с другой — силуэт Флорианской брамы.

На площадях стояли Т-34, армейские машины, крытые брезентом, повозки, кони. Крыши домов стыли под серебристо-синеватым снегом. Уходили ввысь колонны костёлов. И с ясностью, никогда раньше не испытанной, я не просто увидел, но почувствовал сердцем, как неизъяснимо прекрасен этот город на Висле, каким близким и дорогим стал он за последние месяцы для всех нас...

С Павловым мы встретились на второй или третий день в Енджеюве — под Ченстоховой, где тогда располагался штаб 1-го Украинского фронта.

«Павлову, срочно...» или просто: «Павлову...» — так начинались почти все наши радиограммы.

Сто пятьдесят шесть дней и ночей вели в эфире и мысленно разговор с человеком, который стоял теперь перед нами. Он явился на нашу квартиру, когда мы уже успели отдохнуть, но заботливую руку Бати (Батей полковника прозвала Группа, так оно и пошло) мы почувствовали значительно раньше.

Уютные комнаты, новое обмундирование, накрахмаленные, как в добрые довоенные времена, простыни, майки, письма и приветы от родных — все это, словно по щучьему велению, мы получили уже в первые часы нашего пребывания в Енджеюве.

Примчался Гроза — мой верный помощник, как всегда, сияющий, полный самых радужных надежд:

— Поздравь, капитан, получил назначение в артдивизион.

А вечером пришел Павлов. И не один, а с адъютантом и каким-то незнакомым офицером. Из бездонных карманов адъютантской шинели была торжественно извлечена фляга со спиртом:

— За встречу, за строгое соблюдение сухого закона при исполнении боевого спецзадания.

Мы выставили на стол свои запасы. Я представил Павлову пополнение «Голоса» — диверсионно-разведывательную группу Евсея Близнякова.

— Ну, здоровеньки булы, козаки!

Широкоплечий, плотный, несколько грузноватый для своих лет, с глубоко запрятанной лукавой смешинкой в глазах, Павлов и впрямь походил на гоголевского Тараса Бульбу. Очевидно, он об этом знал и охотно входил в роль.

— А ну-ка, сынки, повернитесь, — гремел на всю комнату Батя, обращаясь то ко мне, то к Алексею. И вы, девчата, тоже. Посмотрю, чему научились, какого ума-разума набрались.

Много теплых слов было сказано, много хороших песен спето в тот незабываемый для нас вечер. Наконец стал собираться. Его ждала почная работа. Откуда-то с запада или от наших боевых товарищей новой радиограммы: «Павлову, срочно...»

...Вскоре назначения в разные части действующей армии получили Митя-Цыган, Евсей Близняков, Семен Ростопшин, Заборонок, Саша Абдулла. Разыскали свои экипажи Валентин Шишин и Анатолий Шишов. Они возвратились в бомбардировочную авиацию.

От всей [illegible] осталось нас трое: Ольга, Анка и я.

Первый [illegible] был занят неизбежной канцелярщиной. Сто [illegible] десят шесть дней в тылу врага с трудом вмещались в скупые строки отчета.

Группа собрала и передала в штаб свыше ста пятидесяти ра[illegible]м о дислокации фашистских дивизий и воздушных [illegible]здр, штабах и аэродромах, воинских перевозках по железным и шоссейным дорогам.

В боевых операциях группа «Голос» уничтожила более ста гитлеровцев, пустила под откос несколько эшелонов, подорвала ряд мостов.

Как мне стало известно позже, командование дало такую оценку деятельности группы: «Материалы группы «Голос», действовавшей в чрезвычайно трудных и сложных условиях, были исключительно точны и важны; все разведданные были подтверждены боями».

На этом можно было бы закончить наш рассказ об операции «Голос». Но считаю своим долгом дописать еще одну, очень нелегкую для меня страницу.

Перед тем как составить отчет о деятельности группы, я написал на имя Павлова рапорт, в котором вкратце сообщил командованию о своем аресте и побеге, подробно изложил обстоятельства, при которых оказался в руках гитлеровцев.

Утром пришел к полковнику. Он искренне обрадовался мне, снова поздравил с успешным завершением труднейшей операции, сказал, что группа представлена командованием к правительственным наградам. Тут

я и вручил ему рапорт. Он читал молча. Я видел, как с каждой строчкой каменеет лицо Бати.

— М-да, заварили мы с тобой кашу. Почему не доложил сразу?

— Я думал о деле, знал, что после моего сообщения группа, в лучшем случае, будет отозвана или заменена. Новую группу готовить — нужны месяцы. Разве не так было с нами после истории со «Львовом»? А смена явок, налаживание связи! Сколько на это потребовалось бы времени? Как я мог пойти на такое, когда дорог был каждый день?!

— Никто в группе не знал о вашем аресте? — Павлов перешел на официальное «вы».

— Никто.

— Даже заместитель?

— И Алексей. Разве группа могла бы нормально работать, не доверяя командиру?

— Логично. А может быть, надеялись: победителей, дескать, не судят?

— Чего не было, того не было, товарищ полковник. Готов нести полную ответственность.

— А кто тебя сегодня потянул за язык?

— Совесть... совесть. Без зубов, а грызет. Я сразу после побега твердо решил: возвратимся — все расскажу.

— Учти, будут проверять товарищи из СМЕРШа. И с орденом попрощайся. Надолго. Может, навсегда.

— Что ж, я и к этому готов. Не за ордена * воевали — за Родину. Теперь, когда задание выполнено,— не боюсь ни проверок, ни суда. Совесть моя чиста. И за Ольгу тоже ручаюсь головой.

Павлов встал:

— Рапорту дам ход. Но что бы ни случилось, знай — я в тебя верю. Что бы ни случилось...

Мой рапорт Павлов передал генералу, а на второй день потребовал письменное объяснение, почему я не доложил сразу про свой арест по рации. Объяснить это на словах, так просто, по-человечески, было нетрудно. А написать — куда сложнее. До сих пор в архиве Генерального штаба вместе с моим отчетом о деятельности группы «Голос» сохраняются два документа — рапорт, о котором уже шла речь, и объяснительная записка.

---

* За операцию «Голос» я был награжден орденом Отечественной войны I степени 6 мая 1965 года.

«Почему не доложил по рации? Командованию неизвестно, что я не имел своего шифра, а пользовался шифрами радисток Груши и Комара. Понятно, что мое донесение об аресте стало бы известно одной из радисток и, не исключено, всей группе. Это, безусловно, вызвало бы недоверие к командиру. После провала Комара положение еще больше осложнилось. Я считал, что мое сообщение приведет к замене группы, что, конечно, отрицательно отразилось бы на выполнении боевого задания. После 16 сентября я окончательно решил доложить обо всем только после выхода из тыла, что и сделал 30.1.1945 года (смотри рапорт «Голоса»)».

Мы с Ольгой оказались в резерве. Праздник конч... ся. Начались будни. Докладные, объяснительные, рапорты. С [illegible] имел не одну беседу майор из СМЕРШа — человек внимательный и тактичный. Потом майор куда-то выехал, и нашим «делом» занялся капитан — уже [illegible]кой внимательный и тактичный. Беседы все чаще стали напоминать допрос. Чрезмерное недоверие [illegible] больно ранило душу. Но и в самые горькие минуты мы надеялись: недоразумения рассеются. Ни на минуту не теряли веры: Родина разберется.

И ожидания наши не были напрасны.

В дни Берлинской операции я находился на дрезденском направлении. К этому времени и Груши уже не было с нами. В Дрезден вместе со штабом фронта из всей группы «Голос» попало нас двое: я да Ольга.

В Дрездене, на Эльбе, нас застала Победа.

Город дымился в развалинах. Накануне прихода наших войск американцы, руководствуясь отнюдь не союзническим долгом и целесообразностью, буквально перепахали бомбами древний Дрезден.

Мы шли по улице, запруженной войсками. Десантники в маскхалатах, не выпуская оружия из рук, спали на теплой броне Т-34. Им не мешали ни праздничная пальба, ни песни, ни пляски под залихватские звуки сотен гармоник.

Ротный повар, как две капли воды похожий на нашего Абдуллу, щедро одаривал солдатской кашей немецких ребятишек, выстроившихся в длинную очередь.

Солнце светило вовсю.

– Как зовут тебя, капитан Михайлов? — неожиданно спросила Ольга.

– Березняк. Евгений Березняк.

– Вот и познакомились, капитан. Где теперь наши?

Подошли к развалинам Цвингера — бывшей резиденции саксонских королей. Кто-то установил репродуктор. Мы услышали Москву, ликующий голос Левитана: «Победа, дорогие соотечественники, Победа!»

...Свободного времени было много. Привел в порядок свои записи, сделанные сразу после выхода из вражеского тыла. Получилось что-то вроде дневника.

Днем отправлялся на экскурсии, как сам называл прогулки по городу и окрестностям. Впрочем, им скоро пришел конец.

Как-то меня и Ольгу вызвали в штаб. Нам вручили документы. Выдали продовольственные талоны на дорогу. И началась для нас мирная жизнь...

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

На этом в предыдущих изданиях книги заканчивался рассказ о первой послевоенной весне.

Пришло время поведать, что было потом.

Мы действительно уезжали из Дрездена полные радужных надежд, готовые к выполнению любого задания. В пути обсуждали с Ольгой всевозможные варианты, предположения: на Востоке еще шла война, Япония не складывала оружия.

Накануне нам в штабе вручили предписание явиться в назначенное место для дальнейшего прохождения службы. А очутились мы 1 июня (я хорошо запомнил эту дату – такое не забывается) под Москвой, в Подольске, в... проверочно-фильтрационном лагере НКВД СССР № 174.

Среди моих товарищей по несчастью были полковники, заслуженные генералы, Герои Советского Союза – люди, которые по тем или иным причинам побывали в окружении, в плену, в гитлеровских концлагерях, в гестаповских застенках. Тут можно было встретить и нашего брата-разведчика.

За оградой шла своя жизнь. Проходили станция была в 300 метрах от лагеря — поезда с демобилизованными, гремели оркестры. Огромная страна ликовала, встречая воинов-победителей.

Черная тарелка лагерного репродуктора донесла к нам марш парада Победы на Красной площади.

Никогда не забуду пожилого полковника, молча слушающего репортаж. Суровое лицо его словно окаменело. И только в глазах противоречивые чувства, радость, боль, смертельная обида, немой крик: «Почему я не там? Почему я здесь?»

Как я понимал его! Как хотелось подойти, положить руку на гладко выбритой (даже здесь!) щеке, подбодрить.

Не подошел... Не посмел.

Может, и впрямь жалость унижает?

На полях уже шла первая мирная жатва. Вступали в строй поднятые из руин шахты, заводы. Школы готовились к первому мирному учебному году. А для меня все тянулись томительные дни ожидания, неизвестности, [illegible] допросов, ночных кошмаров.

Какие [illegible] бессонные ночи! А в моей жизни их и раньше было немало. Впервые испытал я их еще в странном [illegible] году. Меня исключили из комсомола «за связь с петлюровцами», хотя в нелепости обвинений нетрудно было убедиться: во времена петлюровщины мне было всего шесть лет.

Что следовало за этим, хорошо известно: и не по таким обвинениям исключенный из комсомола (судьба Сани Панкратова из «Детей Арбата») мог оказаться за решеткой, превратиться в лагерную пыль.

Что меня спасло?

К счастью, и тогда нашлись люди, поверившие здравому смыслу, фактам, а не нелепейшим домыслам.

В комсомоле меня восстановили. Те же товарищи в 39 м рекомендовали меня в партию.

Но сколько до этого было бессонных ночей, унизительного ожидания почных «визитеров», вздрагивания от случайного стука, шума проезжающей машины!

Были бессонные ночи в годы гитлеровской оккупации, когда я вел полную тревог и опасностей жизнь подпольщика в Днепропетровске. На улице Исполкомовской, у самого дома, где я тогда жил, гитлеровцы повесили советского патриота, написав на табличке: «Он слушал московское радио». В ту ночь фашисты для устрашения повесили в разных концах города десятки днепропетровцев с аналогичными табличками.

И всюду: на заборах, на тумбах для объявлений, на стенах домов — как вестники беды, списки казней

ным. А я ведь не только слушал радио. Под моим рукоподстном записывали сводки Информбюро, распространяли листовки.

Были допросы с пристрастием в полевой жандармерии, камера смертников в гестаповской тюрьме Мон-телюпиха.

Но как ни трудно было тогда, теперь — труднее. Там была война, был враг. И ты должен был не сломаться, выстоять, перехитрить, переиграть.

Все было просто и ясно: или — или.

А что теперь? Почему допросы, унижающее недоверие, на каждом шагу попрание человеческого достоинства и эта тюремная ограда, за которой герои войны, победители?

Не знали мы, не могли знать тогда, что это сталинский режим продолжает кровавую войну со своим народом сразу же после одержанной им Победы...

Лагерь расположился в школе. Для меня, бывшего учителя, это было особенно мучительно. В классах — трехъярусные нары, набитые соломой матрацы. Жара, духота невыносимые.

Давали похлебку то из гороха, то из чечевицы, редко ложку другую «шрапнельной» каши, пайку хлеба. Как в обычных гулаговских лагерях. Может, чуть лучше.

Днем — под конвоем, а ведь в «строю» — и высшие офицеры, и Герои Советского Союза: «фильтр» не щадил никого, действовали невзирая на лица. Все были одеты как попало: кто в гражданском, кто в военном, только без погон.

Водили нас на элеватор, на разгрузку зерна, риса. Мы прятали зерно в карманах, за пазухой - в маленьких мешочках. Жевали зерна то сухими, то размачивая в воде.

Голод не тетка. Почти каждый из нас и в 1933 году, и в войну хлебнул его с лихвой, кой-чему научился.

Есть наука ненависти, наука любви. Есть наука... не умереть с голоду.

Иногда нас брали на уборку овощей. Тут маленький праздник! можно было поживиться свеклой, морковкой, если повезет, луком, чесноком.

Куда больше тяжелого труда, лагерного питания угнетали удручающая обстановка, отношение к нам как к разоблаченным предателям. Днем - работа, ночью - допросы. Исход был известен заранее: всех нас ждали или срок, или японский фронт (штрафбат), ну а тем,

кому повезет, справка «прошел госпроверку». Люди прибывали пачками, и не только по «направлениям» СМЕРШа.

Иные командиры страховали себя, попросту оберегая свой покой, шкуру, посылая на «проверку» своих подчиненных, разведчиков, офицеров, единственная «вина» которых заключалась в том, что они побывали в окружении, в гестаповских застенках, лагерях смерти.

Моим верхним соседом по нарам оказался майор, политработник, бывший секретарь Криворожского горкома партии, фамилии его не помню.

Нет, вы мне объясните, за что? В плену у немцев не был, в гестапо не попадал. Под Балатоном попал с частью в окружение. Так ведь вырвались. Потом снова воевал до Победы.

Знакомая история. Ведь со мной было почти похожее. Майор тоже не забыл об окружении, воевал, поднимал людей в атаку, не ведая, что судьба его уже предопределена.

Сначала он очень бурно, эмоционально реагировал на ночные вызовы, допросы. Потом — депрессия, полная апатия ко всему. Стал неразговорчивым. «Замкнувся», как говорят у нас на Украине. Чувствовалось, какая-то навязчивая мысль не дает ему покоя. Однажды, когда мы ушли на работу, он под каким-то предлогом остался в бараке и повесился на нарах. Его обнаружили уже бездыханным. Доложили дежурному. Мы его уже не застали. Был человек — и нет человека.

Хватала за горло, жгла сердце обида, хотя умом понимал: проверка необходима, даже если один (а такое случалось!) на сто, на тысячу из тех, кто, пусть не по своей воле, пусть в силу обстоятельств, побывав в руках врага, сломался, не выдержал испытания. Так тогда я считал.

В отличие от некоторых моих новых знакомых мне крепко не повезло со следователем. Тот во всем придерживался «методов» и «приемов», которые были вскрыты и решительно осуждены в партийных документах последних лет.

Беседы, допросы не отличались разнообразием, как, впрочем, и «логика» моего следователя.

— В гестапо побывал?

— Побывал.

— И живой?

— Живой.

— Почему? Как это тебе удалось? Из лап гестапо выходят или мертвыми, или предателями. И потом два удачных побега — командира и радистки — не много ли для одной группы?

— Значит, повезло.

— Странное везение. И вообще мне вся эта история с арестом Комара не нравится. Почему радистку обнаружили, схватили, а командира не нашли? Кто-то навел, кто-то предал.

— Не меня ли, — чувствую, как ярость поднимается, подкатывается комом к горлу, — не меня ли подозреваете?

— А почему бы нет? Почему я тебе, сволочь, должен верить? Мой последний совет: чем раньше признаешься, чем раньше подчинишь, тем для тебя лучше.

— Во-первых, как офицер офицера прошу, требую: не тыкать! Меня пока еще никто не разжаловал. А во-вторых, повторяю, я обо всем написал в рапорте.

— Мало ли что можно написать. Все вы, разведчики, сочинители. И побег тоже нетрудно устроить. Знаем мы эти штучки.

— К тому, что написано, мне добавить нечего...

Теперь мне есть что добавить. Совсем недавно (в мае 1989 г.) я, работая над настоящим изданием (в первый раз это было в 1970 г.), получил возможность заново перечитать архив группы «Голос».

Неожиданно для себя — и как я прозевал этот документ тогда! — наткнулся на заключение начальника второго отдела РО фронта о деятельности нашей группы.

В заключении, датированном 23 марта 1945 года (позади рапорты, беседы, допросы в СМЕРШе, все возможные проверки, уже написана справка о том, что все добытые группой «Голос» сведения о противнике подтверждены боями), выводы, возможно предопределившие все, что с нами случилось в последующие месяцы. На странице с грифом «Сов. секретно» черным по белому написано: «Деятельность резидента Голос и радистки Комар вызывает сомнения.

1. Неправдоподобным есть побег Голоса из гестапо.

2. Факт ареста Комар и обстоятельства, при которых не был найден Голос, вызывают подозрение (?!), не предан ли Комар Голосом.

3. О скрытии Голосом факта своего ареста от Цент
ра и от остальных членов группы.

4. Об исчезновении Правдивого и Молнии».

Было высказано также подозрение, что в передачах группы имела место дезинформация (как я уже писал, в первом нашем донесении о 17-й армии была допущена описка. И эта описка была незамедлительно исправлена. В заключении, однако, давно исправленная ошибка расценена как заведомая ложь, дезинформация).

Вот такое заключение. Не ему ли я обязан своим резервно-обозным существованием в последние месяцы войны, а главное, «госпроверкой» в фильтрационном лагере? Читал, перечитывал, как в тумане. Каждая строка, каждое слово обжигали вопиющей несправедливостью, заведомой ложью.

Постепенно туман рассеялся. Возвратились трезвость, привычка анализировать, ставить себя на место противника, оппонента.

Вот когда я понял, что тогда, в марте 45-го, когда решалась моя судьба (майор — составитель заключения — и тот, кто санкционировал его, не могли не знать, что оно сулит мне и Ольге), от нас отрекались не сознательно. По крайней мере дважды. Что руку к этим приложил (заключение-приговор не могло появиться без согласия вышестоящего начальника) и наш Батя, Украинец, Павлов, полковник Бевз, тот самый, который так, казалось, искренне заверял меня: «Что бы ни случилось, знай, я в тебя верю».

Говорил одно, санкционировал другое. И предавал, обрекал на позор, муки, возможно на смерть (и не по таким обвинениям расстреливали), не от незнания, не по злому умыслу, хотя, возможно, моя «дерзость», «излишняя» самостоятельность в какой-то степени повлияли на, вопреки результатам, выводы РО фронта о деятельности нашей группы, а скорее всего, думается, из чувства самосохранения, нежелания брать на себя ответственность. «Мавр сделал свое дело», а остальное, конкретная человеческая судьба «исполнителя», «винтика», вряд ли волновали тех, кто ее решал.

Атмосфера недоверия, всеобщей подозрительности, требование послушания, страх перед вышестоящим начальством — все то, что надолго утвердилось в наших разведорганах после Берзина, после разгрома, уничто-

жения лучших его воспитанников, учеников, не могли здесь не сказаться.

Теперь, столько лет спустя, все встало на свои места, получило свое объяснение: мое пребывание в первые при разведотделе штаба фронта, постоянные визиты неизвестных лиц на конспиративные квартиры, куда меня обычно определяли по мере передвижения штаба (Чепстохова, Крайцсбург, Дрезден), бесконечные разговоры, вынужденное безделье, ощущение ненужности и смутные надежды. И что бы я ни делал, чем бы ни занимался, все было предопределено.

Свою логику приобретают также действия моего мучителя-следователя. Он, конечно, заключение читал и видел свою задачу лишь в том, чтобы любой ценой выбить показания, их подтверждающие.

К тому же, надо полагать, над ним довлели как личный опыт, так и теория, практика учреждения, где люди, оказавшись под следствием, на допросах, виновные или, что случалось значительно чаще, невиновные, почти все, за малым исключением, *всё* подписывали, во всем признавались.

Отсюда и уверенность, почти аксиома: кто побывал в руках гестапо, не может не сломаться, не может не предать.

Но ведь многие - мне известны такие судьбы - не ломались, оставались, хотя и тут бывали исключения, верными делу, убеждениям, Родине.

Почему человек в одних случаях ведет себя так, в других — этак? Почему люди, проявившие невиданную стойкость в подполье, в одиночных камерах, на царской каторге, сотни раз глядевшие в глаза смерти, не выдерживали допросов «своих» следователей?

Откуда берутся силы, почему человек, оказавшись в руках врага, действует вопреки «логике» палачей, «не по правилам», совсем не так, как в схожей ситуации «у себя дома»? Сие моему следователю не дано было понять. Да и вряд ли он стремился к этому...

Мой новый знакомый, сосед по нарам Георгий,— я не скрывал от него ничего — всячески старался меня подбодрить («Жаль, не мой капитан тобой занимается. Вот это человек! Может, мне с ним поговорить, посоветоваться?»), но с моим следователем трудно было надеяться на хороший исход.

...Это случилось в первые дни августа. Как-то вечером подходит ко мне Георгий:

— Слушай, Евгений, есть тут у меня надежный человек, фронтовик, водитель полуторки Коля. Он ежедневно бывает в Москве и может там опустить письмо. А уж кому, тебе виднее.

Я вспомнил нашего учителя, начальника отделения разведшколы Василия Степановича Яковлева.

— Есть, — говорю, — такой человек. Даже адрес его запомнил: Москва, п/я 1188.

Эх, была не была!

Я коротко напомнил о себе, сообщил, что произошло со мной и с радисткой Ольгой. «Моя совесть, — писал я Василию Степановичу, — совесть разведчика, солдата, перед Родиной чиста».

Отдал письмо-записку, признаться, без особой надежды на какие-либо перемены.

Прошло четыре дня. И вот меня вызвали в управление лагеря. Начальник, неулыбчивый, с красными от бессонницы [illegible] майор объявил, что я прошел госспецпроверку и свободен, о чем свидетельствовала тут же выданная справка (храню ее по сей день). И еще он добавил, что меня ждут.

В соседней комнате увидел Ольгу и моего доброго знакомого, преподавателя разведшколы, коллегу Василия Степановича Яковлева — подполковника Лебедева.

Он сказал, что нам надо спешить, дабы успеть на ближайшую электричку.

Не прошло и получаса, как мы уже сидели в вагоне.

— Привет вам от Василия Степановича, — снова заговорил подполковник, как только поезд тронулся. — К сожалению, сам он не смог приехать. Письмо ваше получил. Поручил мне о вас позаботиться.

Засветло приехали в Москву.

Подполковник отвез нас в гостиницу. В номере нас уже ждали товарищи из Главного управления Генштаба.

Нам выдали новое, с иголочки, обмундирование, продаттестаты, билеты до Львова, денежное пособие.

Несколько дней в Москве пролетели, будто во сне. На Киевский вокзал нас отвез тот же подполковник. На прощанье посоветовал («по-дружески») «забыть», вычеркнуть из памяти, из биографии все, что связано с операцией «Голос», с разведдеятельностью. «Такова специфика нашей работы. Это, — добавил он, — в ваших интересах».

Я старался следовать совету и «забыть». Меня,

однако, «не забывали» и после государственной проверки.

Вскоре я узнал, а затем, как говорится, почувствовал на своей шкуре, что по-прежнему «под колпаком», что постоянный надзор органов безопасности продолжается. Об этом мне нередко говорили те (мир не без добрых людей!), кому предписывалось систематически информировать, с кем я общаюсь, кто у меня бывает и где бываю я.

Какая эта мука знать, ощущать кожей, что тебе не доверяют свои. С врагом все ясно: ты за ним охотишься, он — за тобой. Довести древнюю игру до конца: перехитрить, перехитрить. И постоянно быть начеку: на то и охота.

А тут...

По натуре я оптимист. Всегда верил в торжество справедливости, вроде и выдержки всегда хватало. Но и у меня начали сдавать нервы.

«Стоит ли,— порой бередила душу мысль,— вообще жить, когда впереди мрак, безысходность, положение неблагонадежного? И это после всего, что было: честно выполнил свой долг. Делал для Родины все, что мог».

Доходило до курьезов.

Одно время я работал начальником отдела учебных заведений Львовской железной дороги. Находившиеся в моем ведении школы были в Чопе, Королеве, в других населенных пунктах пограничных районов.

Так вот. Посещать подведомственные мне школы я долгое время не мог, так как дорожное отделение госбезопасности под любыми предлогами отказывало мне в выдаче пропуска в погранзону.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Увы, ничего не изменилось для меня и после XX съезда, разоблачения культа личности. Я по-прежнему оставался в разряде подозреваемых, неблагонадежных.

В 1960 году (к тому времени я уже жил в Киеве, работал начальником управления школ в Министерстве народного образования республики) польские товарищи — не знаю, каким образом,— разыскали меня и других разведчиков из группы «Голос». До сих пор храню письмо из Кракова как первое за долгие годы напоминание о нашей разведработе.

«19.III 1960 г.

Президиум Воеводской Рады Народовой и Президиум Рады Народовой г. Кракова, а также Общество

польско-советской дружбы в Кракове очень просит Вас с женой Березняк Екатериной Кузьминичной прибыть на 15 дней в наш город Краков. Наиболее подходящим временем для нас был бы срок от 6 до 20 мая сего года.

Целью Вашего визита будет встреча с польскими товарищами по оружию, с которыми вместе в тяжелых условиях гитлеровской оккупации воевали Вы за свободу нашего отечества. Это будет хорошим предлогом для воспоминаний, так как в этом году 9 мая исполняется 15-я годовщина Победы над гитлеровским фашизмом.

Письма по вопросу Вашего приезда направляем одновременно по месту Вашей работы и по месту работы Вашей жены.

Средства, необходимые Вам на территории Польши, будут предоставлены организаторами».

По мне бы не отказано в выезде в ПНР. Чем же был мотивирован отказ?

— В ПНР,— объяснили мне,— сложная обстановка.

А разве, говорю, в августе сорок четвертого, когда нас забрасывали в район Кракова, обстановка была не сложной? Дымились печи Освенцима, в городе облавы, аресты, казни, в древнем Вавеле — обер-палач Польши Франк, в Монтелюпихе умирали под пытками наши разведчики. В этот ад нас забросили с ответственным заданием. Тогда, выходит, было можно, а теперь нельзя?

Одним словом, первая поездка в Польшу состоялась лишь в 1965 году: кончилась моя «неблагонадежность». Да, все это было. И все-таки теперь я это знаю наверняка — фортуна обошлась со мной куда благосклонней, нежели с другими.

Имя советского разведчика Домбы я впервые услышал в Варшаве в начале 70-х от моего знакомого Владислава Конца. Он проявлял интерес к истории войны, что-то писал на эту тему и однажды рассказал мне о разведчике, который возглавлял организацию «Красный оркестр» в европейских странах до и во время второй мировой войны, чье имя на Западе столь же известно, как и имя Зорге.

— Его настоящая фамилия Леопольд Треппер,— продолжал Владислав Конец, - живет здесь, в Варшаве, на Ерусалимской. Мы с ним часто встречаемся.

Мне имя Треппера-Домбы, увы, ничего не говорило, что немало удивило моего собеседника. Что я мог тогда ответить?

Рассказал о нашем разговоре моему соавтору Борису Хандросу. В 1971 году он побывал в Варшаве, с помощью Владислава Конеца разыскал Домбу и встретился с ним. Написанный им и уже набранный очерк, однако, тогда по не зависящим ни от автора, ни от редакции причинам так и не появился в печати.

Только в 1990 году завеса молчания была прорвана: Издательство политической литературы выпустило мемуары Треппера «Большая игра».

Стала известна и трагическая судьба Домбы, тоже, как и Зорге, военного разведчика.

После Победы он, как и многие другие наши разведчики, оказался за решеткой, почти десять лет провел в одиночной камере.

Все эти годы почти рядом находилась семья Треппера, которая в свое время получила справку о том, что «Лев Захарович Треппер пропал без вести при обстоятельствах, не дающих право ходатайствовать о получении пенсии».

Лишь в 1954 году Треппер встретился со своей женой Любой, сыновьями. «За отсутствием состава преступления» дело было прекращено. Они переезжают в Польшу. В 70-е годы пришлось им уехать и оттуда.

Леопольд Треппер умер за границей...

Так что мне и впрямь повезло.

Что же произошло после того, как полковник получил мое письмо. Как удалось ему нас выручить?

Все эти годы мне очень хотелось встретиться с Василием Степановичем (ведь только он мог ответить на эти вопросы), поблагодарить за все, что он для нас сделал.

После демобилизации я возвратился к своей мирной профессии, впоследствии снова заведовал горono во Львове, а затем возглавил Управление школ Министерства просвещения УССР, не расставаясь с педагогической работой. Часто бывал в Москве. Наводил справки, звонил по домашнему телефону. И женский голос, не вдаваясь в подробности, неизменно отвечал: «Василий Степанович в длительной служебной командировке». Встретились мы только в феврале 1969 года. А нашел меня Василий Степанович еще раньше — сразу после появления в «Комсомольской правде»

повести «Город не должен умереть». Поздравил. Завязалась переписка.

Примечательным мне кажется приложение к первому письму. Это и некоторые штрихи биографии, насколько сие возможно для крупного разведчика, и рассказ о пережитом.

Стиль — и тут сказывается профессия — суховатый, лаконичный, но при желании можно многое увидеть и между строк.

Впрочем, судите сами.

«Родился я в 1912 году в Сибири (Новосибирская обл.). Предки, судя по фамилии, выходцы с Украины.

В 1934 году был призван в Красную Армию и зачислен курсантом Омского военного училища, которое окончил в 1938 году, и сразу же был направлен в Монгольскую Народную Республику в состав советских войск на должность командира пулеметного взвода.

Бои в районе реки Халхин-Гол, которые длились до 15/IX 1939 года, многому меня научили и, если говорить откровенно, предопределили дальнейшую судьбу как командира Красной Армии. Именно на опыте этих боев и на собственной шкуре убедился в значении и важности разведки как важнейшего вида деятельности войск в бою.

Скажу больше: на Халхин-Голе я полюбил разведку.

Вспоминаются такие эпизоды.

Однажды ночью мой взвод находился на передовых позициях в 300—400 метрах от японских окопов, и я невольно «подслушал» примерно такой разговор между бойцами. Широкоплечий, коренастый красноармеец украинец Вахницкий говорит:

— Хорошо бы знать, о чем думает японка и что он хочет делать.

— А зачем тебе это нужно? — спрашивает другой боец.

— Как зачем? Знай я, что косоглазый ночью на нас не полезет, то лег бы спать.

Не успел Вахницкий произнести последнюю фразу, как японцы открыли по нашим окопам артогонь, а вскоре перешли в атаку.

На второй день я подумал, как много истины и правды в этих шутейных разговорах бойцов.

Был и такой случай.

Наше подразделение вело наступление местного характера. И на пути наступления нами был взят в плен

...или младший чин японской армии. И тут я оказался совершенно беспомощным: элементарно допросить этого самурая я не могу, чин его мне тоже не известен, род войск тоже не знаю. Меня в этот момент взяла злость не столько на этого японца, сколько на самого себя. Я твердо тогда усвоил, что разведчику нужно намного больше всесторонних знаний, чем любому другому офицеру.

В боях на реке Халхин-Гол меня постигло большое несчастье. Я получил тяжелое ранение разрывной пулей в правую стопу.

В 1940 году успешно сдал окружные испытания для поступления в академию им. Фрунзе. Прибыл в Москву и также успешно сдал академические вступительные экзамены. Но... при прохождении медицинской комиссии споткнулся. Дело в том, что врачи приписали мне попытку скрыть раненые.

Началось длительное хождение по высокому начальству, и наконец я был условно принят.

Засевшие осколки в ноге давали о себе знать, рана несколько раз вскрывалась. Боль невыносимая, а надо терпеть. Велико было желание учиться.

Ускоренный курс академии окончил в 1942 году, и сразу — на фронт.

Всю войну и послевоенный период работал в органах советской разведки. В последние годы — в ряде западных стран.

Демобилизовался в 1960 году. В настоящее время продолжаю трудиться в одном московском научно-исследовательском институте».

Такая вот жизнь.

И вот мы сидим в уютном номере гостиницы «Юность». Мой столь долгожданный гость — в штатском. В разведшколе он был для нас Василием Степановичем, полковником Яковлевым.

Из первого письма и приложения к нему мне известно его подлинное имя: Евенко Василий Севастьянович.

— Рапорт помнишь? А ведь получился из тебя разведчик. Я сразу почувствовал — будет толк, особенно после истории с папиросной фабрикой. Помнишь?

...На коробке — дымящаяся папироса. То было наше первое серьезное задание в разведшколе. До этого мы отрабатывали прыжки с парашютом — дневные, ночные. Ночной прыжок требовал особой психоло-

гической собранности. Было и такое практическое занятие — хождение в ночное время по азимуту. В марте подмосковные леса коварны, обманчивы. Под хрустящей коркой снега глубокие проталины. А ты пробираешься по стрелке компаса в пункт Б через овраги, лес, старое кладбище. И надо так пройти, проползти, чтобы ни звука. «Снять» часового, «подложить» мину

Так вот, об истории с папиросной фабрикой. Мне, человеку без имени, из «ниоткуда», предстояло раздобыть документы, вопреки строгостям (Москва была на особом положении), чтобы легализироваться, устроившись на московской папиросной фабрике, и собрать разведданные, представляющие интерес.

Начало операции оказалось блестящим, благодаря неисчерпаемым талантам моего напарника, однокашника по институту. Мы жили в одной комнате, сидели за одной партой, ходили в столовую ели из одного котелка. Мы действительно были неразлучны — я и Олег. Это был друг, о котором сказано: «Добрый друг лучше ста родственников». Такого я не встречала в своей жизни человека более одаренного, яркого. В разведшколу он пришел после двух лет подполья. Был смел, отважен, хладнокровен, находчив, артистичен, быстр в решениях. Рослый, красивый, он даже бывалых наших учителей Олег поражал необыкновенной выносливостью.

Разговорчив, но без навязчивости, всегда с внутренним чувством меры, такта. Остроумен, языком владел, как рапирой, даст прозвище человеку, как припечатает, но без пошлости, ехидства. И при всем этом — щедрая, размашистая, русская натура. Когда я смотрел на Олега, мне всегда вспоминались стихи Алексея Константиновича Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир — так пир горой!

Он был полон жизни, мой друг Олег. Счастлив, когда бродил по родным лесам, пил березовый сок, эликсир жизни, как он его называл. Счастлив, когда чувствовал рядом крепкое плечо товарища, и еще больше, когда сам подставлял другу свое плечо.

Среди многих талантов у Олега был один довольно редко встречающийся — умение изготовлять печати, подобные тем, какими пользовались в немецких оккупационных учреждениях. Делал он это с таким завидным мастерством, что подпольщики, отправляясь на очередное задание, добивались именно Олежкиной печати. Помогла она и мне на папиросной фабрике. Я раздобыл бланк справки. Олег за полчаса вырезал печать. Согласно справке я, Глушков И. И., находился в госпитале по причине ранения. Справка освобождала меня от воинской службы «до полного выздоровления».

С этим «документом» явился в отдел кадров фабрики. Начальник, бритый дядя в наглухо застегнутом френче, справку прочитал три раза и со словами: «Люди нам во как нужны!» — принял на работу.

Я стал набивать папиросы — генеральские, как говорили тогда. На третий день был уже на «ты» с одной хорошей, но чересчур доверчивой дивчиной из фабричной конторы. Стал захаживать к ней после смены. К концу недели в моих руках оказались копии накладных. Вроде бы нехитрое дело: куда, в каком количестве отправляются папиросы. Но во время войны эти сведения оказались ценными. С фабрики я ушел на «фронт», не вызвав ничьих подозрений. Меня даже снабдили на дорогу первосортными папиросами.

Раскуривая с наслаждением мой гостинец, полковник разобрал по косточкам операцию, похвалил за находчивость, а Олега — за талант...

— Что же с нашим Олегом,— спрашиваю,— произошло? После войны наводил справки, сказали, что не вернулся с задания.

Василий Севастьянович вздохнул:

— Какой парень был, какой разведчик! Нет, слабости не допустил, погиб геройски. Выбросили его группу в Чехословакии. Их заметили еще в воздухе. Пытались захватить живыми. Группа отстреливалась до последнего патрона. Все погибли. Н-да, разведчику, кроме всего прочего, нужно еще и обыкновенное везение.

Я ловлю на себе внимательный, цепкий взгляд учителя. Неожиданно он рассмеялся:

— Молодец, Голос. Что главное для разведчика? Выдержка. У тебя ее оказалось с избытком. Так что спрашивай. Теперь можно. Знаю, знаю, есть у тебя ко мне особый вопрос.

— Василий Севастьянович, дорогой мой спаситель, что же произошло тогда, в августе сорок пятого?

Начну с того, что родился ты, Евгений Степанович, в рубашке, можно сказать, с удачей в кулаке. Во-первых, повезло с передачей письма, во-вторых, опоздай оно на сутки – и я при всем желании уже не смог бы тебе помочь.

Письмо я получил, когда уже, как говорится, сидел на чемоданах. Два дня оставалось до выезда в длительную служебную командировку. Времени – в обрез. Тысячи незаконченных дел. А главное, в моем положении «спецкомандировочного», сам понимаешь, встревать в твою историю было ох как не просто.

Мы, военные разведчики, и после Победы не пользовались благосклонностью всесильного тогда Берии. Почти за каждым – и я об этом знал — была установлена слежка. Перед «спецкомандировкой» слежка обычно усиливалась. Интерес к бывшему моему курсанту, побывавшему в руках гестапо, мог, естественно, быть истолкован в любом свете.

Однако, прочтя твое письмо, я уже знал, что не отступлюсь, что это сильнее меня, что не будет мне ни покоя, ни удачи до конца дней моих, если брошу вас, тебя и Ольгу, в беде.

Словом, поехал я в Главное управление. Поднял дело вашей группы. Придирчиво, тщательно проанализировал отчет, рапорт, все больше убеждаясь: решения, поступки Голоса в тех условиях, тех обстоятельствах были единственно правильными.

Доложил обо всем руководству.

Разговор был долгий и нелегкий. Оказалось, что по делу Голоса, то есть тебя и Ольги, уже принято решение. Оно сулило вам в лучшем случае разжалование и штрафбат на Дальнем Востоке. Не помню деталей, да и не стану пересказывать все, что тогда говорилось. В конце концов начальник Главного управления согласился с моими доводами, но предупредил:

– Понимаете, полковник, чем это пахнет? Случись что, придется Вам отвечать головой. Вы к этому готовы? Ручаетесь за своего подопечного?

Я сказал, что все понимаю, ко всему готов. Вот и все. Что было дальше, тебе, Евгений Степанович, хорошо известно.

Правда, высказанная сама, лечит боль, которую она

причиняет. Но не только поэтому я решился на трудный рассказ.

Часто вспоминаю ту нашу встречу, разговор в «Юности». И передо мной вновь и вновь возникает мой не так давно ушедший из жизни учитель по разведшколе.

Постоянная готовность к риску, готовность не на словах, а на деле доверять людям, брать на себя ответственность не только за свою, но и за чужие человеческие судьбы, в любых, самых трудных, обстоятельствах сохранить гражданское мужество, порядочность, оставаться самим собой, человеком — не в этом ли наш высший долг, главная наша обязанность?!

Dum spiro, spero — Пока дышу, надеюсь. Пока живу, борюсь.

* * *

Вскоре после февральской встречи с Василием Севастьяновичем произошло еще одно памятное событие.

Меня пригласили в Главное управление Генерального штаба Советской Армии.

Рассказал о действиях группы «Голос» в тылу врага. Ответил на многие вопросы, чувствуя себя при этом как в хорошей бане: вопросы задавали профессионалы.

После беседы с одним из руководителей управления я собрался уже уходить, но тут генерал попросил задержаться на несколько минут. «Мы лишь,— улыбнулся он загадочно, — заглянем в одну комнату».

Спустились на второй этаж.

Нас уже ждали. Мы оказались в большой светлой комнате, увешанной портретами.

— Это наш Зал славы, — сказал, все еще загадочно улыбаясь, генерал.

Я пошел вдоль стены, всматриваясь в знакомые по книгам, фильмам, но чаще — незнакомые лица, читая про себя подписи под портретами. «Никандров Александр Михайлович... Морозова Анна Афанасьевна, Аболыньш Эрнст Давыдович, Вершигора Петр Петрович, Брынский Антон Петрович, Маневич Лев Ефимович, Рихард Зорге».

И почти рядом — «Берзин Ян Карлович».

«Яромов Владимир Петрович» — ну, этот наш, киевский. Мы с ним давно знакомы.

Рядовые, офицеры, генералы — все они были связаны одним делом, олицетворяя славу, цвет советской военной разведки.

Я настолько увлекся, что не заметил, как генерал, отстав на несколько шагов, задержался у одного портрета.

— Евгений Степанович, можно вас на минутку? Хочу вам показать одного нашего общего знакомого.

Подошел. На меня с портрета — увеличенное фото из личного дела Голоса — глядел собственной персоной автор этих строк, молодой, тридцатилетний.

Все еще не веря, читаю: «Евгений Степанович Березняк — командир разведгруппы «Голос».

— Ну что, в неплохую компанию попали?

Интересно,— довольный произведенным эффектом, продолжал допытываться генерал,— о чем думают в такие минуты?

— О чем? Жалею, что рядом со мной нет теперь одного человека.

Вы, надеюсь, догадываетесь, кого я имел в виду.

СНОВА В КРАКОВЕ

Я давно мечтал об этой поездке. Правда, в 1964 году мы почти всей группой (Елизавета Волгодская — Комар, Алексей Шановалов — Гроза и автор этих строк) впервые после войны побывали в Кракове по приглашению Президиума Рады Народовой города Кракова и Общества польско-советской дружбы.

Надолго запомнилась насыщенная волнующими, радостными событиями поездка. Выступления по радио, местному телевидению... Прием в Президиуме Рады Народовой. Имена членов группы «Голос» — это было для всех нас большой честью — навечно занесли в списки спасителей города. Рада Народова наградила членов группы «Голос» Золотым Знаком города Кракова. Годом раньше правительство народной Польши удостоило нас высшей военной награды — ордена «Вирту тути милитари».

Были и встречи с боевыми друзьями. Но уже тогда Юзеф Зайонц, Владислав Бохенек, Новаки, Герард Возница (Гардый), Тадеуш Грегорчик (Тадек) просили нас почаще и в неофициальной обстановке бывать на земле польской. Мои друзья несколько лет подряд приглашали меня с семьей «на лято»: «Гарантируем отличный отдых». Да и мне самому хотелось не спеша поездить, походить по памятным местам, маршрутами «Голоса».

В июле 1969 года я с женой Екатериной, 13-летним сыном Виктором отправился в Польшу. На пограничной станции в польском городе Пшемысль нас встретил бывший партизанский командир Тадеуш Гречник.

— Поедем ко мне в Жарки, — как о давно решенном сказал мой друг.

В Жарках, куда добрались глубокой ночью, нас ждал сюрприз. Несмотря на позднее время, дом Тадека гудел, как улей. Сюда на встречу пришли десятки людей: бывшие партизаны, товарищи по оружию.

Тут моей Екатерине довелось познакомиться с польской «гжечностью» - врожденной вежливостью, особым, рыцарским тактом. Один за другим подходили к ней гости Тадека, знакомились с неизменным «цалую ручки» седоусые и молодые, хлеборобы и горняки. Чуть склонив головы, они выполняли весь церемониал с грациозностью, галантностью королей и принцев из добрых сказок. И во всем этом не было ничего театрального. «Гжечность» — деликатность, уважение к человеку, в частности к женщине (в этом мы не раз могли убедиться в музеях, у театральных касс, в магазинах, кафе и на трамвайных остановках), — прекрасная национальная черта польского народа.

...В Жарках веселились до утра. Воспоминания. Тосты. И снова воспоминания.

— А помнишь, какая это была радость, когда «с того света» появилась Ольга Совецка?

— А как мы вместе штурмовали Бабью Гуру?

По голосу, по интонации, по знакомому жесту узнаю хлопаков Тадека: Збышека, Янека.

А вот... Золотая корона волос. И такая сияющая, гордая, совершенная красота. Опеломленный, гляжу в чуть улыбающиеся, озорные до дерзости, чем-то очень знакомые глаза. Ну, конечно, Геленка — связная Тадека. В октябре 1944 года ей было лет пятнадцать. Она замужем, имеет троих детей. Живет в Варшаве. Узнав о предстоящей встрече, бросила все дела и тоже приехала в Жарки.

Гелена первая запела, и все подхватили старую партизанскую песню.

«Однажды вечером, – рассказывала песня,— отправились мы в поле, чтобы сделать отличную работу вились мы в поле, чтобы сделать отличную работу немцев разоружить и поляков вооружить, заслужить славу и честь».

Голос у Гелены теплый, грудной:

За партизаном девчина плачет,
Не плачь, девчина, слезы утри,
Завтра, может, еще увижусь с тобой,
Будем вместе я и ты

Не одна из присутствующих здесь женщин не дожидалась своего милого с Подгале, с партизанских Бескид. И хоть песня заклинала «не лить слез», думается, не у меня одного щемило в груди и на глазах закипали слезы.

Чтобы как-то унять нахлынувшую грусть, Тадек стал вспоминать веселые партизанские скороговорки:

Говор, мотыга, пила, стакан,
Ночью налет — днем облава
Говор, мотыга, пила, нож,
Гитлер войну уж проиграл.

Утром [illegible] разошлись, а мы днем в лесу собирали грибы, бруснику, малину. Под вечер выехали в Краков.

И тут нас [illegible] Товарищи из Воеводской Рады Народовой [illegible] для поездок «Волгу». Первые впечатления [illegible] заметно помолодел, раздался вширь, выросло много [illegible] жилых районов. И что особенно радовало: новостройки удивительно вписывались в ансамбль древнего города. То же самое мы потом наблюдали в Варшаве, с одним, впрочем, существенным отличием: Старе Място, многие другие архитектурные памятники Варшавы пришлось после войны полностью восстанавливать. А Краков удалось сохранить.

Наш постоянный гид Владислав Бохенек «алхимик» Владек, загадочно улыбаясь, повез нас за пределы Кракова.

Началась наша поездка в памятную осень сорок четвертого.

Вскоре впереди показался современный индустриальный город. На старой моей карте - я захватил ее с собой — тут значилось поле. В сорок четвертом году гитлеровцы в этих местах спешно рыли траншеи, строили бункера. Центр дважды просил уточнить квадрат именно этого района. И Курт Неккель снова и снова склонялся над схемой укрепрайона.

— Здесь и было поле, — подтвердил Владислав. — Отсюда в январе 1945 года войска Конева прорывались на Краков.

Я искал очень памятный для меня населенный пункт Могила. В этом селе из дома Сендеров попали

в эфир первые донесения радистки Комар. Сендеры всегда охотно принимали наших связных. В сорок пятом году и село Могила, и огромное заснеженное поле на несколько часов превратились в ожесточенное место битвы, в настоящую могилу для гитлеровцев.

Позже, когда сюда пришли первые строительные бригады, они то и дело натыкались на остовы танков, на ржавые каски, снаряды и патроны.

Милый Владислав, коханый друже... Я знал его в годы войны, как Кубу, Владека и как непревзойденного мастера по изготовлению разных кеннкарт, арбайтскейне, печатей фельдкомендатур и прочего. Через Грозу и Валерию мы получали от него документы, необходимые для легализации членов группы, ценнейшую информацию.

Много сделала для нашей группы и невеста Бохенека — Янина — Иоанна Панкевич. По заданию Зайца ей удалось устроиться на работу в конторе соляных копей. Оттуда легче было следить за перемещением воинских частей, эшелонов. И бланки, на которые ставил свои знаменитые печати Бохенек, тоже добывала Янина.

Пани Иоанна Панкевич Бохенек — экономист. А муж ее стал за эти годы крупным инженером, химиком-металлургом. Потом много лет работал «председателем избы контролевой» председателем Комиссии государственного контроля Краковского воеводства. А в свое время много души, знаний, таланта отдал Нова-Гуте.

Рыбна...

Мы оставили «Волгу» на деревенской площади, завернули направо. Этой дорогой я шел к Малику четверть века тому. Много воды утекло с тех пор. Многое изменилось и в Рыбне. Все же я решил никого не расспрашивать и радовался, как старым знакомым, приметам прошлого: дряхлой часовенке, дубу-великану, все так же спокойно и величаво млеющему на солнце.

Еще издалека узнал я подворье Малика, хоть от старого дома осталась только часть. Узнал и хозяина дома. Станислав Малик сосредоточенно и с явным удовольствием тесал какое-то бревно. Лицо его почти не изменилось. Такое же худощавое, энергичное, живое. Глаза спокойные, выжидающие. Только седины в волосах прибавилось. Мы вошли во двор, почему-то по-праздничному украшенный разноцветными флажками.

Малик шагнул нам навстречу, приветливо, хоть и не без недоумения, рассматривая неожиданных гостей.

Узнает — не узнает?

Нет, не узнал.

— День добрый, пан...

— День добрый,— с достоинством ответил Малик.

Хотел броситься к старику, обнять, но...

— Чи ма, пан, для спшедания сливки?

Станислав в ответ только покачал головой: дескать, приезжий пан шутит, какие могут быть сливы в июле? Но, видно, все вспомнил: сентябрьское утро сорок четвертого года, наш пароль. И ответил, как отвечал тогда мне, Группе, Грозе:

— Я сливок не мам, мам ябки.

Мы [illegible] расцеловались. На наши голоса из дому выбежал [illegible] Генрик. Почти мой ровесник. В годы [illegible] правая рука отца. Это Генрик после нашего [illegible] принес мне в лес Скомских одежду, продукты, курево.

— Что ж вы нас не предупредили? Знай, что приедет капитан Михайлов, да еще с семьей, мы бы и свадьбу перенесли

Так вот почему праздничные флажки, длинные столы под [illegible] орехом. Накануне здесь три дня подряд кипело веселье: Генрик выдавал замуж свою дочь.

Уже за столом хозяин явочной квартиры группы «Голос» вспомнил такие детали нашей встречи, которые в моей памяти как-то стерлись.

— Я, только увидел вас, сразу догадался, что к чему: мы с Ольгой Совецкой больше недели ждали капитана Михайлова. Но виду тогда не подал. Малик — старый коммунист, антифашист. Ждал пароль. В нашем деле, сами знаете, поспешишь — беды не обережешься. Без выдержки нельзя...

Мы тепло попрощались с Маликами, пожелали молодым счастливого семейного плавания, спели «Сто лят» и «Чтоб в год по ребенку прибавлялось».

Магистраль словно ввинчивается в небо. Теперь мы снова едем дорогами войны...

Чернихув. Тут мы встретились с хозяйкой явочной квартиры 70-летней Стахой Очкось. Она узнала меня. Мы сфотографировались у студня — колодца, где

была подпольная «пожарная» квартира. В студне хранилось оружие, там не раз находили убежище польские и советские партизаны. По соседству Станислав Очкось, племянник Стахи, строил новый дом. Хозяева попросили меня вложить кирпич в лицевую стену. Кирпич подобрали белый, чтобы выделялся.

— Теперь у тебя, капитан Михайлов, — заключила пани Очкось, — пожизненное право на одну из комнат в этом доме.

Дороги войны...

Все круче дорога... Козлувка, Гнебиня, Явожно. То тут, то там домики гуралей, напоминающие пастушьи шапки.

Куда девались курные избы, нищета и бедность гуралей — все, что так бросалось в глаза в сорок четвертом? Горные селения обновились, помолодели. Добротные рубленые дома, искусно разукрашенные резьбой, приветливо глядят на мир широкими, светлыми окнами.

Такой мы увидели и Завадку, сожженную, расстрелянную карателями в январе сорок пятого и воскресшую из пепла. Маленькую горную деревушку, удостоенную высшей награды республики — ордена Грюнвальда, знает теперь вся Польша.

В тот же день у нас была еще одна, пожалуй самая волнующая за всю поездку, встреча.

Мы не смогли подъехать к домику на опушке леса в двух километрах от села Санка. По-прежнему туда нет дороги. И немцы в тот злополучный день 16 сентября 1944 года не могли подъехать на машине к Врубелям. Они подошли с трех сторон: от сел Санка, Рыбна и Морги.

Стефу и Рузю мы не застали дома. Они были в поле. Младшая дочь Рузи помчалась за мамой и теткой, и те, запыхавшись, смеясь и плача, прибежали домой. И снова объятия, поцелуи. Сестры предложили отметить встречу в лесу. На знакомой поляне, где меня когда-то поджидал Юзеф Скомский, мы разожгли костер. Земняки, испеченные в золе, получились на славу — хрустящие, с золотистой корочкой, точь-в-точь как это делал наш Татусь — Михал Врубель.

Не забыт подвиг Врубелей. Польское правительство наградило Стефу и Рузю за помощь советским разведчикам Золотыми крестами партизанской славы, назначило персональную пенсию. Местные власти помогли Врубелям провести свет к домику, радио. Внеш-

не дом, приютивший Ольгу с ее рацией, а затем и группу «Голос», почти не изменился. Вот только несколько потемнели бревенчатые стены, срубленные руками Татуся.

У Рузи большая семья, четверо детей. Стефа после войны долго и мучительно болела.

С глубоким волнением обошел я комнаты, где мы, бывало, засиживались допоздна с хозяином дома.

Заглянул в амбар — тогда он был под общей крышей с домом, а сейчас передвинут к лесу. В этом амбаре Михал за несколько дней до моего прихода устроил схрон для капитана Михайлова. Амбар и теперь доверху завален сеном.

То, что произошло во дворе Врубелей, когда нагрянули каратели, читателю уже известно. И все же рассказ Стефы кое-что дополнил, уточнил:

Я была во дворе, когда немцы выскочили из лесу. Вижу — к нам. Хотела крикнуть, предупредить, да не успела. На меня накинулись. Схватили. Офицер заставил идти впереди. Сам, пригнувшись, с автоматом шел за моей спиной. Видно, боялся: вдруг в доме партизаны. Рузи не было, ее с утра погнали на рытье окопов. Меня, Ольгу Совецку, Татуся допрашивали во дворе. С Рузей я встретилась в Монтелюпихе. Рузю потом уже взяли, но и она сказала, что ничего не ведает, не знает. Мы с ней сидели в одной камере. Двенадцать дней. Отца увидела в коридоре на третий день и сначала не узнала: так его сильно избили. На руках, на спине рваные раны. Он шагнул ко мне: «Две ночи спишу, дочка, в камере с псами».

...Была такая камера в Монтелюпихе. Чуть сдвинешься с места, руку поднимешь — и натренированные псы бросаются на тебя, терзают твое тело. И еще он крикнул: «Держись, дочка. Держись!»

Нас каждый день допрашивали: с кем была Ольга Совецка? Кто еще приходил? Где главный командир? Меня ставили лицом к стене. Стреляли. Пули летели над головой. И снова — допросы, допросы, допросы. Потом все прекратилось. Татуся, как мы узнали, вывезли в Освенцим. Его видели там наши знакомые. Погиб наш Татусь за день до освобождения Кракова. А нас — в Равенсбрюк, женский лагерь смерти.

Две недели нам не давали никакой пищи. И мы бы умерли наверняка, да выручили русские, француженки. Рузя заболела сыпным тифом. Сует мне кусочек саха-

ра: «Возьми, Стефа, мне уже ничего не нужно». В бараке узнали, что в лагерь нас отправили за помощь Советам. И помогали нам многие: кто пайком, кто лекарствами. Где и как их доставали в том аду? То ведает один пан Бог. Рузю прятали от разных комиссий, проверок, а то бы ее больную — сразу в печь. Поправилась. Потом, уже после освобождения лагеря американцами, Красный Крест вывез нас в Швецию. Весила я сорок шесть килограммов, Рузя — сорок четыре. Когда меня раздели, врачи удивились, как я еще живу. Потом мы недели две с Рузей учились ходить. Стали проситься домой. Надеялись: жив Татусь. Но застали мы осенью сорок пятого года пустой, осиротевший дом...

Пока Стефа рассказывала, Рузя хлопотала у стола. Вспомнили старого Скомского. Большой двухэтажный дом. Я поинтересовался, кто теперь живет в бывшей усадьбе Скомского. Рузя улыбнулась:

— Наши дети. Помните каштановую аллею, старый парк? Теперь там новая школа.

— А как молодой Скомский? — поинтересовался я.— Бывает ли в эти местах?

— А как же! Каждое лето. И всегда заезжает к нам. Сказывают, большим профессором стал молодой Скомский. Татусь в него верил, недаром говаривал: «Хоть из панского семени, а члóвек». Будете в Кракове — передайте молодому Скомскому: доброе дело не забывается.

Протяжный, мелодичный «хейнал» — древний сигнал Мариацкого костела — плывет над улицами, садами Кракова, над его башнями, шпилями, островерхими крышами, над великолепной готикой его костелов и торговых рядов.

Давным-давно высокая башня костела служила городу сторожевой вышкой. Однажды стражник — стражак — заметил клубы пыли, услышал конский топот: к стенам Кракова лавиной катили на своих низкорослых лошадях татары. Он поднес к губам горн — и сигнал тревоги понесся над спящим городом.

Вражеская стрела, пронзив сердце смельчака, оборвала «хейнал». Но уже поднялись на защиту города и стар и млад.

Враг отступил. Город был спасен.

С тех пор прошло много веков, а все не меркнет

память о храбром страже. И вот уже несколько столетий, за вычетом последней войны, пяти лет оккупации, другие трубачи поднимаются на высокую башню Матриацкого костела. В полдень открывается дверца и все повторяется сначала: звучит на все стороны света и внезапно обрывается «хейнал» — сигнал тревоги и надежды.

Кто-то уходит, кто-то приходит. Для одних этот сигнал становится первым, для других — последним. И звучит в «хейнале» вечная слава уцелевшим и привет вступившим в жизнь, новым поколениям.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Что и говорить, письма от хороших людей получать приятно. А каково отвечать? Немало писем я [redacted] товарищи по группе «Голос», получил после [redacted] была напечатана документальная повесть «[redacted] должен умереть». И, признаться, я совсем [redacted] когда после телепередач и публикации в газете «Известия» очерка «Здравствуй, майор Вихрь» почтальон стал приносить письма пачками.

Но я сказал себе: ты же учитель, а какой учитель не рад вопросам! Перед тобой широкая аудитория. Пусть необычайная, пусть растянулась от Владивостока до Будапешта и Софии, от Петролаводска до Ужгорода и Кракова. Вспомнил село Веселое, первых своих учеников. Представил озорные, задумчивые, любознательные, горящие глаза ребят... Ради такой аудитории не грешно и засидеться допоздна.

Этой книгой я попытался — хорошо ли, плохо ли, не мне судить — ответить многочисленным авторам писем на вопросы, адресованные непосредственно мне, бывшему военному разведчику. И все же разговор остался незаконченным. Не все ответы ложились в строку. Есть письма, интересные сами по себе: за ними — судьбы человеческие.

...Конец рабочего дня. Уходят последние посетители. Пустеет наш просвещенский улей. Сегодня нет заседаний, встреч. Мы остаемся одни. Я и моя «аудитория», мои незримые, в большинстве незнакомые мне корреспонденты. Я знаю: со многими мы подружимся, многие станут для меня близкими, родными людьми.

Какие удивительные, трогательные признания, пусть

...ворой наивные, какие исповеди, судьбы порой таят ли-
...строчки, наспех вырванные из ученической тетради.

«...Пишет Вам обыкновенная девчонка из города Вилково Одесской области. Недавно я смотрела художественный фильм «Майор Вихрь».

Этот фильм произвел на меня очень большое впечатление. Я даже плакала. Хоть и знаю, что уж это ни к чему. Потому что плакать — это значит проявлять свою слабость. Но я не смогла выдержать. Мне так жалко было Вихря и Аню. Очень. Мне так хотелось, чтобы Вихрь остался жив. Я даже написала ему. Но и в ней Вихрь погибает, как в кино. А на самом деле — Вихрь живой. Нет, все-таки это очень здорово. У меня даже руки дрожали, когда я читала строки, что майор Вихрь жив. Мы с Ларой (моей подругой) решили дать себе «подпольные клички». Лара назвала себя Буревестник, а я — Вихрь. На моих книгах я пишу — Вихрь, на окошке — Вихрь, на парте — Вихрь. И в душе у меня тоже Вихрь. Если мне становится трудно, я всегда вспоминаю моего героя и думаю: «А как бы поступил ты, Вихрь?» Я ненавижу фашистов. Я ненавижу всех тех людей, которые хотят войны.

Знаете, Вихрь, и еще я мечтаю стать космонавтом. Девочки почему-то смеются и считают это глупой затеей. Но я хочу.

Извините меня, товарищ майор Вихрь. Спасибо за Ваш подвиг».

«Нова-Гута. 2 февраля 1970 года. Голосу, Грозе.

Дорогие товарищи. Пишут вам молодые поляки из клуба «Орбита».

17 января, в день освобождения Кракова, к нам в гости пришел ваш боевой друг капитан Зайонц. Он рассказал о вашей совместной борьбе, о вашем самопожертвовании, преданности делу защиты Кракова.

А потом мы смотрели интересную программу Киевского телевидения и увидели вас, услышали ваши голоса.

Еще раз говорим вам от всего сердца: дзенькуем.

Мы очень любим наш старый Краков. Его дома, площади. Мы знаем, что, если бы не вы и ваши товарищи,

но Советская Армия, Краков постигла бы страшная судьба Варшавы.

Спасибо за то, что вы сделали, за то, что мы можем учиться, работать, строить нашу Польшу.

Знайте, у вас в Нова Гуте есть и всегда будут друзья.

Сердечно приглашаем вас в наш клуб.

Казимир Бороун
Зигмунд Грегу
Тереза Михалик».

В другом письме из Польши члены молодежной туристской [illegible] организации из города Кшивнице желают нам успехов в труде, доброго здоровья, шлют свое [illegible] польское «сто лят».

Еще одно [illegible]. На этот раз из Горького, от Молева А. М[illegible] 12-й средней школы: «Я тоже учитель истории [illegible] моряк. Участник войны. Многие ребята [illegible] быть похожими на Вихря. Это можно [illegible] На школьном совете ребята решили создать [illegible] посвященный бойцам невидимого фронта. Убедительно просим, очень, очень просим прислать нам [illegible] воспоминания. Это будет отличный подарок нашему музею. Я думаю, Вы поймете меня как учитель учителя. Хочется, чтобы первые уроки мужества, патриотизма зажигали ребят, воспитывали в них твердую волю, ленили Гражданина.

Вижу историю в школе не просто предметом, а источником глубоких, действенных раздумий о судьбах Родины и о личной судьбе каждого. Ведь это так важно — постоянно будить чувство ответственности...»

Интерес к подвигам наших разведчиков не праздный. Конечно, людей разного возраста привлекают занимательность, острота, драматизм событий, но главное в другом. Многие мои корреспонденты видят в популярной теме действенное оружие воспитания.

«Может быть,— делится своими раздумьями из Никополя А. И. Пятигорец,— будет со временем написана многотомная история о советской разведке в Великой Отечественной войне. Это будет нужный и полезный труд для подрастающего поколения.

Я уже несколько лет собираю всевозможные материалы о советских разведчиках, сражавшихся с гитлеровцами во второй мировой войне»

«...Пишу Вам потому, что все мы не можем не выразить чувства удовлетворения тем, что герой фильма «Майор Вихрь» жив, а главное — чувства благодарности Вам за ту высокогуманную работу, которую Вам и Вашей группе «Голос» пришлось выполнять и лишь часть которой, очевидно, показана в фильме. Никто из нас в Кракове не был. Но разве может любой советский человек отнестись безразлично к судьбе этого старинного города, обреченного фашистами на уничтожение? Конечно, нет. Советским людям всегда был отвратителен вандализм фашистов, разрушивших сотни и тысячи населенных пунктов и городов.

Мы рады, что именно советские разведчики взяли на себя нелегкую задачу спасения Кракова от гибели.

Иванов Юрий Владимирович, Москва».

Корреспонденты майора Вихря семидесятых годов (во время «афганской» войны пошли письма иной тональности), особенно школьники, студенты, солдаты, спорят с создателями фильма, не согласны с его трагическим финалом.

«Пишут вам пионеры 7 «Г» класса 27-й средней школы г. Запорожья. Мы все с огромным интересом смотрели фильм.

И вдруг в последней серии мы узнали, что наши любимые герои погибают. Мы даже заболели от такого конца. Нельзя словами передать нашу радость, когда стало известно, что разведчики живы. Мы решили, что авторам фильма нужно переделать последнюю серию».

«Народ даже в сказках,— пишет группа учителей из г. Александрии, — не хочет видеть побежденными своих героев, а, наоборот, герои побеждают своих врагов».

Милые мои мальчишки из 7 «Г», теперь, вероятно, уже сами отцы, уважаемые коллеги из Александрии, в жизни все бывает далеко не так, как в сказке. Гибель Вихря в художественном фильме достаточно мотивирована, хотя и чувства зрителей, их желание увидеть живыми героев нетрудно понять.

«Хорошо, когда у подвига есть конкретный адрес. Многие из нас, из нашего поколения,— пишет мне Леонид К., военнослужащий из Тюмени,— считают:

в книгах преувеличивают, в жизни так не бывает. Но указаны адреса — Вас и Ваших товарищей. Значит, Вы существуете. Все думаю: неужели Вы без страха, что ли?»

Пришлось ответить на трудный вопрос: «Боялись ли вы, когда попадали в, казалось бы, безвыходное положение?»

Да, мне было страшно. Но не терял самообладания даже в самых сложных ситуациях, не горячился. Даже в тяжелый для нашей Родины период в ходе Отечественной войны верил в нашу победу и разгром Гитлера. Это придавало силы. Я думаю, что бояться и быть трусом — не одно и то же. Различие между храбрым и трусом в том, что первый, осознав опасность, испытывает в себе страх, а второй чувствует страх, не сознавая опасности. Боязнь — чувство, присущее каждому. Но только человек, сознательно идущий к своей цели, борющийся за правое дело, способен преодолеть чувство страха и победить.

«Пишет Вам из Ростова дочь солдата, погибшего в Отечественную войну, Варфоломеева Лидия Яковлевна. Погиб мой отец Яков Федорович на Курской дуге и похоронен в городе Курске (воинское кладбище, могила № 133). И еще погибли в этой войне все братья отца — Григорий, Кирилл, Иван, Николай. Погиб и мамин брат «без вести пропавший» Анатолий Хмарской. А мой родной брат Александр Яковлевич вернулся живым, но очень израненным. Долго не пожил и умер».

Лиде было всего десять лет, когда началась война. «Я видела своими глазами, как фашисты убивали, мучили людей».

Шесть «похоронок» хранится в доме Варфоломеевых...

Горе, тяжкие утраты, однако, не сломили Варфоломеевых, еще теснее сблизили их с людьми. Отсюда и радость «за живых разведчиков» из группы «Голос», и желание вырастить сына настоящим патриотом, и готовность, если понадобится, все повторить, все выдержать. «Воспитываю сына. Он уже имеет приписное свидетельство. Как говорится, солдат. Как я хочу, чтобы мой сын никогда не знал этих ужасов войны. Но если придется защищать нашу любимую Родину, чтобы был таким же, как Алексей Шановалов, как Юзеф

...йонц, как Ася Жукова. Смелым, честным, настоящим человеком».

Я ответил Лидии Яковлевне и получил от нее еще одно письмо: «Первого мая ездила в город-герой Волгоград, была на Мамаевом кургане. Привезла оттуда горсть священной земли».

Как не гордиться такими людьми!

«С большим интересом прочитал в «Известиях», а еще раньше в «Комсомольской правде» о Ваших героических делах в годы Великой Отечественной войны.

Подвиг всей группы «Голос» — спасение польского города Кракова, на мой взгляд, благодатнейший материал для нравственного, интернационального воспитания нашей молодежи.

Как педагога, меня всегда интересует поведение человека, когда над ним нет ни наставника, ни начальника. И он остается один на один со своей совестью: вот когда видно, кто есть кто.

Думаю, в этом и заключается высшая цель, смысл всей нашей работы: воспитание индивидуума, свободной личности, гражданина, который живет, совершает свои поступки не по указу кого бы то ни было, не из-за страха, а по свободному выбору, велению совести.

Я хорошо знаю, что такое война. До сих пор ноет рана, схлопотанная под Ржевом.

Пишу Вам с особым чувством, может быть, еще и потому, что свою войну против фашизма Вы вели на земле Яноша Корчака, великого педагога и гуманиста, перед которым я преклоняюсь.

Мне хотелось бы высказать одно пожелание. Напишите статью о личности учителя, о том, что без морального права воспитывать нет педагога.

Думаю, свое право на такие раздумья Вы выстрадали в Монтелюпихе — гестаповской тюрьме.

С уважением

В. Сухомлинский».

Читая это письмо, я не предполагал, что пожелание Василия Александровича мне придется выполнить, рассказывая о нем самом в Предисловии к «Повести об учителе Сухомлинском».

А это письмо из Одессы. За каждой строкой Бондаренко А. Г. так и чувствуешь незаурядный характер, удивительное мужество, беспредельную стойкость.

«Я тоже в годы войны служила в разведке. На фронт ушла добровольно. Оттуда направили в Москву на учебу. Спецкурс. В августе 1942 года была в составе женской спецгруппы выброшена в районе Березино. Было нам, троим девушкам, по двадцать лет в ту пору. Какая-то сволочь предупредила гитлеровцев. Немцы ждали группу на месте выброски, но ветром нас отнесло. Схвачены были двое. Третья, Артемова, спасла рацию, шифр, оружие, деньги. Ранило ее уже в партизанском отряде. Мы не сказали немцам ничего. Они так и не узнали наших подлинных имен. Показания давали — сплошную ложь. Мою подругу направили в Германию, в лагерь, а меня ожидала казнь.

В Варшаве, в тюрьме, я заболела сыпняком. «Тифус плямистый» называют его поляки. Охраняли меня усердно в варшавских тюрьмах (Скалишевская, 8) гестаповцы. Потом полякам удалось перевезти меня в тифозную больницу на Хотимскую, 5, в Варшаве. Это была до войны фабрика. В огромном холодном цехе в 1942 году лежали больные сыпняком. Никто не знал, что я разведчица, и фамилия моя была Васильцова Александра. Так называлась моя подруга по фронту, фамилию которой я взяла. Врачи, няни, ксендз ухаживали за мной, как за родным человеком. Лечили. Доктор Новицкий, медсестра Путиловская и другие спасли меня от смерти. Я ничего о них не слышу, не знаю, как им сказать «спасибо». Помню их всю жизнь...

...Потом они переслали меня в Рамбертов — лагерь для возвращаемых из Германии. Записали в транспортный список, посадили в эшелон. Мне удалось бежать. Вшивая, обмороженная, голодная, добиралась я до Вязьмы, к фронту, по снегам, по сугробам. Ползком. Фронт перейти не смогла. Поймал полевой жандарм. В районе Исаково, за Вязьмой. Но повесить меня не успели. В марте 1943 года фронт двинулся. Меня освободили.

Я сейчас инвалид войны. Ноги без пульсации, сердце больное. Я историк. Школу очень люблю, работу свою тоже. О себе ничего никому не говорю. Но меня угнетает, что я не могу поблагодарить польских своих друзей и спасителей.

Если будете в Польше, может, Вы их встретите, а? Будьте любезны, поблагодарите за меня. Желаю Вам счастья и семье Вашей».

...Живет в Одессе женщина. Сердце попаливает. По ночам снятся лагерные кошмары. Знают ли ребята, кто, какой человек учит их любить Родину? Учит каждым прожитым днем, всей своей удивительной жизнью-подвигом.

Летом 1971 года болгарская газета «Труд» опубликовала сокращенный вариант книги «Пароль «Dum spiro...» *. Софийское телевидение показало документальный фильм о нашей разведывательной группе «Теперь их можно назвать». В городах Тырговиште, Русе, София — всюду, где мне пришлось выступать в те дни, я встречал горячий интерес болгарской молодежи к истории, отдельным эпизодам Великой Отечественной войны, в частности к деятельности группы «Голос».

Запомнилось на одной из таких встреч выступление учительницы с символическим именем Руска Нешова: «Для наших детей советские воины — герои Великой Отечественной войны — образец мужества, интернационализма не на словах, а на деле. Мы,— сказала она,— никогда не забудем, кому прежде всего обязаны своим освобождением, свободной и счастливой жизнью».

ГРОЗА, КОМАР, ГРУША И ДРУГИЕ

Меня часто спрашивают, как сложилась судьба моих боевых товарищей по группе «Голос».

Много лет мы почти ничего не знали друг о друге. Только в 1963 году «Красная звезда» впервые назвала настоящие имена Комара, Грозы, Груши, Голоса. В 1964 году мы встретились втроем (без Груши — Аси Жуковой) в Кракове. А в полном составе участники разведгруппы «Голос» собрались в феврале 1966 года в Голубом зале «Комсомольской правды».

Гроза прилетел в Москву из родного Кировограда, откуда в свое время отправился добровольцем на фронт, где прошел суровую школу подполья в годы оккупации, затем получил путевку в жизнь военного разведчика.

С тех пор мы часто встречаемся. Алексей Трофимович Шаповалов много лет работал в Кировоградском

* Книга вышла в Софии отдельным изданием в 1972 году.

обкоме Компартии Украины, в областном совете профессиональных союзов. Годы уже успели снегом его лихие кудри. Но в остальном время не властно над моим другом. По-прежнему артистичен, переполнен идеями, и когда, как правило, без звонков и предупреждений неожиданно вваливается в нашу квартиру, все заражаются его неистощимой энергией. Алексей носится из комнаты в комнату, как паровая молния, на ходу выстреливая последние кинопогранические новости, вспоминая какой-то смешной «краковский» случай или цитируя наизусть письма от наших польских друзей.

Из Магадана на встречу в Москву примчалась Ася Жукова. За два с лишним десятилетия моя землячка успела осуществить свою заветную мечту: окончила Днепропетровский медицинский институт, полтора десятка лет проработать врачом на Крайнем Севере. К своей девичьей фамилии Ася прибавила — по мужу — столь распространенную в Грузии фамилию Церетели. Ася так и не смогла привыкнуть к моему настоящему имени и в Москве называла меня, как и в Бескидах, дядей Васей.

А как-то я увидел нашу Асю — спасибо магаданским кинодокументам — на экране. Подвиг Груши продолжался в суровых условиях Севера. Бывшая военная радистка разведчица на собачьих упряжках, вездеходах в любую погоду добиралась к своим больным, по первому зову спешила на помощь людям.

Идут годы. Ася Федоровна давно стала бабушкой. Мы и теперь — Церетели переехали в Ялту — переписываемся.

Ольга (Комар) — Елизавета Вологодская — живет во Львове. Свою военную профессию сменила на сугубо мирную — инженера в строительном тресте Львовской железной дороги.

Хотелось бы подробней рассказать о судьбах тех наших советских людей, которые пришли в группу «Голос» из лагерей смерти, из польских партизанских отрядов. Благодаря им, как уже известно читателям, нам удалось создать диверсионную группу, работу в тылу врага сочетать с разведкой боем, с весьма успешными диверсионными операциями.

Увы, за эти годы мне удалось выяснить немного. Семен Ростопшин погиб при форсировании Одера. До сих пор осталась неизвестной судьба белоруса

Владимира Александровича Заборонека, воентехника Константина Ефимовича Смолича, харьковчанина Николая Мирошниченко, бесстрашного, никогда не унывающего Виктора Отченашева.

Я все еще надеюсь — живы. Все еще жду — отзовутся.

А пока из всей диверсионной группы после первого издания этой книги откликнулось несколько человек.

Нашелся «жених»: «Жив. Пребываю Ставрополе, Короткова, 96. Бывший боец-разведчик Федорин Александр Андреевич (Андрей-жених)». Вскоре после телеграммы пришло от него и письмо:

«Дорогой Евгений Степанович!

Пишу Вам как родному отцу или брату. Я благодарен за то, что Вы помогли мне и моим товарищам возвратиться в строй бойцов. Читал Вашу книгу и, будто в кино, видел все, что нам пришлось пережить в дни войны. Хвораю: лагерные болячки нет-нет да и напомнят о себе. Но духом не падаю».

Пришла весточка и от Павла Яковлевича Шиманского:

«После выхода из тыла воевал. До последнего звонка. До салюта. Демобилизовался — и на паровоз машинистом. С 1956 года работаю слесарем на предприятии. Старшие сыновья и дочь тоже трудятся. Кончили железнодорожный техникум. А самый младший учится в школе.

...Вы спрашиваете, где мне довелось служить после выхода из вражеского тыла. Нас, разведчиков, сразу расхватали кого куда. Я стал связистом. Все эти годы о своем прошлом никому не рассказывал. А тут вышла Ваша книга. Знакомые спрашивают: «Это ты тот самый Шиманский?» «Я», говорю. «Чего же молчал?» — «А что? Все воевали. Каждый делал, что мог».

На этом заканчиваю свое письмо. Желаю Вам крепкого здоровья. Будете в Кракове, передайте самый сердечный привет нашим польским друзьям-товарищам».

Как-то пришло письмо из Уфы:

«Здравствуйте, многоуважаемый товарищ Голос! Пишет Вам дочь бывшего Вашего друга-фронтовика Гатауллина Абдуллы.

В «Советской Башкирии» от 18 апреля 1975 года я увидела знакомую фотографию. Сколько же было слез, радости, когда мы с мамой узнали нашего родного, любимого папочку. Вы доставили нам своим рассказом об отце большую радость, да и не только нам, но и всей нашей родне. Еще раз большое Вам спасибо!

А теперь я хотела бы написать немного о нашей семье. Я, Гатауллина Флюра Габдулловна (у отца в военном билете исправлено на Габдулла и в паспорте было так написано), учусь в 10 классе, мне шестнадцать лет. Моя мама, Гатауллина Магура, работает на заводе. Живем мы хорошо. Только вот папы нашего уже нет в живых. Он встретил Победу на Эльбе. После войны трудился в родной деревне. Потом мои родители переехали в Уфу. Отец умер в 1967 году после тяжелой болезни.

Не можете ли Вы нам выслать свою книгу, где пишется и о нашем отце?

Приезжайте к нам в Башкирию. Мы будем Вам очень рады».

К письму была приложена вырезка из апрельского (1975 года) номера «Советской Башкирии».

Саша-Абдулла смотрел на меня с фронтовой фотографии — снимок, видимо, был сделан к концу войны или в первое послевоенное лето,— чуть прищурив глаза, плотно сжав губы: дескать, что говорить, если ты мужчина, за тебя скажут твои дела. Наш Гатауллин и впрямь не терял времени зря: на парадном кителе гвардии рядового — орден Славы, боевые медали, полученные им «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

После войны вернулся в родные места — родом Абдулла из Миякинского района. Женился. Потом, как уже известно из письма дочери, жил с семьей в Уфе, работал в пекарне. Он рано - скалались суровые испытания, выпавшие на его долю,— ушел из жизни, всего за несколько лет до появления в печати первого издания книги «Я — «Голос».

И вот письмо Флюры. Потом были другие письма, поздравления к праздникам. А потом ко мне в Киев вместе со своей матерью пожаловал собственной персоной... Рустам Гатауллин.— живая копия деда: смуглолицый, остроглазый, с таким же иссиня-черными до вороного блеска волосами.

Надо было видеть, с каким интересом, как дотошно и с достоинством расспрашивал Гатауллин-внук про деда. Уж очень хотелось ему услышать обо всем из уст командира, самого «майора Вихря». Волновался и я, вспоминая те или иные детали, эпизоды, рассказывая о Саше-поваре, всеобщем любимце двух отрядов – советского и польского.

Кстати, хочу заметить, что Абдулла Гатауллин пришел к нам из батальона Гардого. А к польским партизанам попал, как и многие его товарищи, после второго побега из концлагеря для советских военнопленных. Прибыл к нам Саша Абдулла не с пустыми руками, а с трофейным «шмайсером», с сумкой, набитой гранатами, и с пятью зарубками на деревянной колодке ножа.

К этим зарубкам вскоре прибавились еще четыре. Надо сказать, нож в руках Саши Абдуллы – никто в отряде не владел им так мастерски — становился грозным оружием возмездия, холодной стальной молнией, разящей врагов наповал.

Днем Абдулла колдовал у костра над отрядным котлом. Свое фирменное блюдо – крупенник, если только удавалось накануне разжиться бараном, – заправлял щедро. И тот дразняще благоухал не только запахом мяса, но и разными травами-приправами – наш повар, бывший пастух, знал в них толк.

Из очередной операции Абдулла как-то притащил два трофейных термоса. Торжественно наполняя прямо из котла крупенником, вручал их нашим разведчикам, когда те отправлялись на дальние задания.

Горячая пища в разведке... Да кто такое видывал? На привалах Отченашев и его ребята не раз поминали добрым словом Сашу-повара. А то хвалили и в глаза. И не только как искусного кулинара. Если требовалось без лишнего шума снять часового, убрать патруль, Гатауллин был незаменим. В деле – я не раз наблюдал его в подобной ситуации – буквально преображался. Ступал мягко, да так, что ни ветка не шелохнется, ни камушек не заскрипит. Ночью видел не хуже кошки. И весь он, худощавый, с гибким пружинистым телом, напоминал большую кошку, готовую к прыжку.

Редко встречал людей, в которых бы так сочетались не знающая пощады ненависть к врагу и доброта, умение чувствовать чужое горе, чужую боль. Видел его и плачущим – после Завадки, расстрелянной, сож

женной карателями. А каким становился он нежным, заботливым, когда в лагере появлялись раненые, больные. Все наставления нашего партизанского доктора Яна Новака выполнялись им с дотошной пунктуальностью. Своих подопечных отпаивал отварами из трав, для них, хоть из под земли, доставал необходимые продукты.

Об этом и о многом другом рассказывал я вечерами моему маленькому гостю из Семипалатинска, а днем Гатауллин-внук знакомился с нашим красавцем Киевом.

Кажется, совсем недавно это было. И вот письмо из Ленинграда.

«Пишет Вам рядовой Советской Армии Рустам Гатауллин. Помните, я еще мальцом приезжал к Вам с матерью. [illegible] о себе. Во-первых, служу я неплохо. [illegible] было трудно привыкать к распорядку дня, к [illegible], отбою, к обеду и так далее ко всему. Хотелось больше свободы действий. Но теперь привык, служба идет как надо. Вот только времени личного [illegible] совсем нету, письма домой и то пишу только по странице. В армии я стал много думать о себе, об окружающих, о мире. Откуда и в нашей стране вспышки межнациональной вражды, взаимной ненависти? Нагорный Карабах. Сумгаит? Почему армяне, азербайджанцы, татары, русские не могут жить дружно, одной семьей? Разве не за это мерзли Вы с дедом в Бескидах, ежеминутно рискуя жизнью? Замечаю, что и мой характер меняется: становлюсь более серьезным. И часто вспоминаю деда. Мне всегда говорили родные, что я похож на него внешностью и характером, а сам я его не видел. Знаю только по фотографии, по рассказам бабушки, мамы и Ваним. И еще, Евгений Степанович, у меня к Вам большая просьба, если можете, то вышлите мне, пожалуйста, книгу Вашу «Пароль «Dum spiro...». Хоть я ее и читал дома, все равно еще хочется почитать. Ну, ладно, кончаю. Через пять минут построение. Опять не успеваю высказать все то, что чувствую, о чем думаю.

Крепкого Вам здоровья, всех земных благ, мирного неба.

Ваш Рустам.

9 октября 1988 года».

...Это нужно не мертвым, это нужно живым... Как часто повторяем мы эти слова и как редко, увы, задумываемся над их глубоким смыслом.

Не так давно возвращался из очередной командировки домой. Моим соседом по купе оказался молодой, спортивного вида мужчина с модной бородкой. Представился... Кандидат наук. Старший научный сотрудник одного НИИ, по его словам, весьма преуспевающий специалист. Старший сын — инженер. Дочь — педагог. Внуки подрастают. Работа такая, что приходится много ездить: исколесил, считай, полстраны да и за рубежом не раз [illegible] побывать.

Заговорили о войне. Мой попутчик посетовал, что, на его взгляд, наша литература, искусство перенасыщены войной. Зачем этими ужасами постоянно бередить души? Хочется [illegible] - стрессовых ситуаций хватает, а тут [illegible] смерть. Оказалось, что он родился накануне [illegible] Ему не было и двух лет, когда отец ушел на фронт.

— Ну, а дальше?

— Что дальше? Ушел и не вернулся... Погиб при форсировании Днестра в апреле сорок четвертого. Мама тогда ездила в то село, где отца похоронили, побывала на его могиле.

— А вы сами?

— Нет, как-то не получалось. Все, знаете, некогда.

— Ну а сын, дочь? Неужели у внуков ни разу не возникло желание побывать в тех местах, где сражался, где погиб их дедушка?

Неловкое молчание. И вдруг — взрыв. Попутчик заговорил зло, сердито:

— Чего не было, того не было. И не собираюсь оправдываться. К чему эти сантименты? Мертвых ими не воскресить. Да и не помню я отца. Что он для меня? Что он для них? Так, звук, бестелесное слово, абстракция.

Он демонстративно отвернулся, уткнулся в какой-то журнал, ни на йоту не усомнившись в своей правоте, так и не понял, насколько обкрадывает себя, детей, внуков, как страшна и губительна для них его «философия». Человек без памяти — что птица без крыльев.

Стало невыносимо горько, обидно, но тут, к счастью, вспомнился маленький гость из Семипалатинска.

Как лечить от душевной глухоты? Да и можно ли лечить?

...Среди первых, кто откликнулся после выхода книги «Я «Голос», был Евсей Близняков. Он и после войны остался разведчиком, правда особого рода. О себе поведал мне в первом письме с той же лаконичностью, с какой составлял разведдонесения:

«С 1945 по 1967 год работал в нефтяной промышленности объединения «Укрнефть» и в газовой производственно эксплуатационной промышленности треста «Львовгаз».

В 1956 году окончил Дрогобычский нефтяной техникум, получил специальность техника-механика по оборудованию [illegible] и газовых промыслов, стал инженером [illegible] оборудования и комплектации Мозырского [illegible] треста «Белнефтеразведка».

Как [illegible] строк, Евсей Никифорович после [illegible] возвратился в свою родную [illegible]. Ныне Евсей Близняков с гордостью [illegible] свое хозяйство: современное оборудование по нефтеразведке, «алмазные» буры, вгрызающиеся в скальную породу, как в масло, аккуратные [illegible] среди дремучих дубов и сосен.

...И была ночь. Костер, бульба по-белорусски, с дымком, уха, вкуснее которой нет на всем белом свете, грибы домашнего засола. Пахло винными яблоками, лозой, тонким ароматом разнотравья и луговых цветов.

Мы лежали у костра на свежескошенном сене. Вспоминали былое. Впрочем, больше молчали, вслушиваясь в ночь. Вдруг из-за поворота реки показались огоньки: зеленые, красные. Из темноты выступили силуэты барж. Я услышал взволнованный, теплый голос Евсея:

— Плывут, плывут, голубчики. Везут руду. Им долго еще плыть. По рекам, каналам. И знаешь куда, командир? В Польшу, в наш Краков, в Нову-Гуту.

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Между предыдущим и настоящим изданиями книги пролегли годы, события, так или иначе отразившиеся на судьбах героев повествования.

И все эти годы не прекращался, то порой несколько затихая, то вновь набирая силу, поток читательских писем, откликов на советские и зарубежные издания книг «Я — «Голос», «Пароль «Dum spiro...», на разные публикации о нашей группе.

Вот почему, на мой взгляд, возникла необходимость в этом разговоре.

Андрей Владимирович Иванов из Перми поделился своими раздумьями после публикации в «Неделе», где впервые было упомянуто об испытаниях, которые выпали на нашу долю уже после выхода из тыла.

«Многое мы узнаем, о чем раньше не знали. Теперь узнали о Вас.

Рад, что после таких нечеловеческих испытаний Вы все же волею обстоятельств избежали той участи, которая Вам, как и многим солдатам невидимого фронта, была в «благодарность» уготована. Я не могу выразить всего, что чувствую. Много мрачного мы узнаем, обращаясь к нашей недавней истории. Хорошо, что были такие люди, как Ваш бывший преподаватель по разведшколе.

Они — как глоток чистой воды, как луч света.

Хватит нам «белых пятен». Напишите всю правду. Мы, уральцы, будем ждать Вашу новую книгу с надеждой и нетерпением».

«Дорогой капитан Михайлов!

Пишет Вам учительница первой основной школы города Габрово Мария Михайловна Комова. О Вас я прочитала в болгарском журнале «Паралели».

Фильм «Майор Вихрь» смотрела давно, но некоторые детали и сейчас помню хорошо. Вообще книги, фильмы, рассказы о разведчиках очень люблю. Переписываюсь с Никитой Карацупой из Москвы, с И. Боринским из Одессы. Переписывалась одно время с С. А. Ковпаком, Д. Н. Медведевым и другими известными партизанами. С некоторыми лично встречалась.

Дети с увлечением слушают мои рассказы, а работаю я учительницей уже 34 года. И все больше убеждаюсь: нужно не только обучение, но и воспитание. Воспитание чувства гражданства, памяти славного прошлого.

Мне близка Ваша мысль о том, что учитель во многом напоминает разведчика. Ведь и учителю приходится идти непроторенными тропами. Таким разведчиком в педагогике был, как мне кажется, Ваш земляк Сухомлинский.

Мне он видится чародеем, в то же время естественным, терпеливым, уважительным к каждому человеку. Вот о чем я думаю...

В наше неспокойное время очень важно, чтобы как можно больше люди в разных странах узнали о «Голосе», об интернациональных подвигах других разведгрупп.

Украинец, русский, белорус, башкир, немец, рискуя жизнью, делают все возможное и невозможное, чтобы спасти польский город Брянов, а наш национальный герой, генерал бригады народной армии, в прошлом советский разведчик Иван Бакаров, немало потрудился для победы Красной Армии.

Рассказывая об этом моим ученикам, я говорю: «Вот, дети, пример для каждого из вас. В разъединении людей, наций, народов — их погибель. Только взаимно уважая друг друга, совместными усилиями всех мы, люди, спасем наш общий дом.

15 января 1988 года».

Мне, признаться, по-прежнему особенно дороги письма детей, молодых, ветеранов войны.

«Много слышал о Вашей группе,— пишет из Сызрани инвалид Великой Отечественной Игорь Васильевич Гулида.— Я офицер в отставке. В сорок третьем был прикомандирован к Войску Польскому, прошел с 1-й польской армией им. Т. Костюшко под командованием Берлинга большой боевой путь, освобождал Варшаву, был несколько раз ранен, контужен, имею высшие польские награды, среди них орден «Крест храбрым». Я горжусь Вашей героической судьбой. Сколько Вы всего пережили, самое страшное это пережить несправедливость от своих же людей. Много честных людей пострадало в это смутное время. Да. мы, люди военного времени, вынесли на своих плечах невыносимое».

Как и десять, двадцать лет тому назад, неизменны просьбы прислать книгу, фотографии.

Зато заметно меняется характер вопросов.

Наряду со знакомым «Как все было?», с новыми

кой примерить на себя «мундир» военного разведчика тех лет («А я бы смог?») все чаще проступает в письмах желание выяснить для себя, понять не только цель, мотивировку, но и этику, нравственность поступка.

И эти и другие вопросы требуют порой ответов, выходящих за рамки частной переписки.

Так случилось и с письмом подполковника запаса, кандидата исторических наук Сергиенко А. М.

Анатолий Михайлович пишет книгу о полетах дальней авиации во время войны «в интересах Польши, Югославии, Чехословакии, в том числе и с разведчиками на борту». И дальше: «Документальный эпиграф к повести (очевидно, имеются в виду приведенные нами в самом начале нашей книги строки из донесения экипажа.— *Е. Б.*) сразу «сказал» мне, что вас забросил экипаж дальней авиации. В связи с этим просьба ответить на следующие три вопроса.

1. По моим документам Иванов имел на борту 5 человек. Двух он сбросил на точку 75 км зап. Кельцы, трех — 30 км северо западнее Сандомира. Это, значит, была ваша группа. Место выброски правильное?

2. Имели ли Вы связь с экипажем после войны? Есть ли у Вас адреса членов экипажа?

3. Какая разница между действительностью и вымыслом в романе Ю. Семенова? Имели ли Вы связь по этому вопросу с писателем? На каком материале основывался Семенов, работая над романом?»

Привожу свой ответ.

«Уважаемый Анатолий Михайлович!

Наша группа была заброшена в ночь с 18 на 19 августа 1944 г. в р-н Горной Силезии (западнее Кракова 40—50 км), а не в 30 км от Сандомира, как Вы пишете. На борту самолета было еще два человека, которые десантировались за 15—20 мин до нас.

Единственное совпадение с экипажем, о котором Вы сообщаете,— командир экипажа Иванов, но Ивановых на войне было много.

С экипажем я больше не встречался, о его судьбе мне ничего не известно.

Что же касается остальных вопросов, то, полагаю, Вы могли бы получить более основательный ответ от автора романа.

Я же могу Вам сообщить следующее. Совсем недавно я вторично, на этот раз более внимательно, просматривал архив группы.

В дело вклеен лист, на нем запись тех, кто изучал архив группы. Есть и такая запись: «25 февраля 1965 года — Юлиан Семенов». Мне также известно, что писатель Семенов в том же 1965 году был в Кракове, где встречался с теми, кто работал на нашу группу, посещал наши явки.

Прочитав мою книгу, Вы сами поймете, насколько и как писатель использовал архив, деятельность группы. Успехов и добра Вам. С уважением Е. Березняк. 8.VII.89 года, Киев»

В связи с этим мне хотелось бы остановиться вот на чем.

После выхода в свет романа Ю. Семенова «Майор Вихрь», а затем фильма, поставленного по этой книге, в печати появились статьи, в которых обсуждалась тема: насколько в этих произведениях нашла отражение деятельность группы «Голос» и ее руководителя?

Как же все обстоит на самом деле? Я мог бы привести десятки, если не сотни публикаций у нас и за рубежом о деятельности группы «Голос». Ни в одной из них вы не найдете утверждения о том, что Ю. Семенов писал образ Вихря с Е. С. Березняка.

Что же касается автора этих строк, то и в своих выступлениях перед разными аудиториями, во всех изданиях книг «Я — «Голос», «Пароль «Dum spiro...» я постоянно подчеркивал, что не надо путать реального, живого командира группы «Голос» с вымышленным майором Вихрем.

Вместе с тем следует сказать, что один из наиболее ярких эпизодов — бегство от гитлеровцев с краковского рынка и, по сути, вся сюжетная канва: провал радиостанции, связи группы «Голос» с краковским патриотическим подпольем, арест радистки и вербовка сотрудника абвера, пленение инженера, та драматическая ситуация, в которой оказалась группа «Голос», и легли в основу романа «Майор Вихрь» и одноименного фильма...

КВЯТЫ КРАКОВА

Расскажу о последних поездках в Польшу, давно, как уже знает читатель, ставшую для меня близкой и родной.

Осень 1979 года... В Польшу наша делегация была приглашена в связи с сороковой годовщиной начала второй мировой войны, вероломного нападения гитлеровской Германии на Польшу.

В первую очередь всей делегацией посетили Пальмиры — небольшой городок вблизи Варшавы. Многое повидал на своем веку, да и пережил немало. Но все же то, что пришлось увидеть и услышать, потрясло до глубины души.

После оккупации гитлеровцами Варшавы из города в «неизвестном направлении» по заранее составленным спискам вывезли тысячи патриотов — выдающихся деятелей науки и культуры. Они исчезли бесследно. И лишь когда советские войска освободили столицу Польши, весь мир узнал о еще об одном чудовищном преступлении фашистов.

Именно сюда, в Пальмиры, убийцы из зондеркоманд привозили писателей, композиторов, ученых с мировым именем. Все они после нечеловеческих истязаний и издевательств были расстреляны. Пальмиры — это фашистская прелюдия к тому, что впоследствии произошло в оккупированном Львове.

Скрывая преступления, гитлеровцы каждый раз маскировали места захоронений. К утру на обагренной кровью очередных жертв земле «вырастали» кусты и деревья.

И вот мы собрались на том самом месте, в лесу, ставшем вечнозеленым памятником едва ли не первым жертвам фашизма в годы второй мировой войны. Вечером 30 августа 1979 года здесь состоялась многотысячная манифестация жителей Варшавы. На траурном митинге выступил Ромеш Чандра. Я стоял рядом с ним и видел слезы на глазах этого мужественного человека — большого друга Советского Союза. Это были святые слезы.

Накануне наша делегация осмотрела в лесу вблизи Варшавы международный лечебный комплекс для детей. Это настоящий городок здоровья. Над многочисленными сооружениями возвышается мемориал. Мемориал и весь комплекс возведены при участии

многих стран мира как памятник детям, погибшим в гитлеровских лагерях смерти.

Богаты были на памятные встречи, знакомства сентябрьские дни 1979 года. Ничто тогда, казалось, не предвещало грозных испытаний, вскоре выпавших на долю братской Польши.

И вот январь 1985 года. Наша группа «Голос» — на этот раз после длительного перерыва — по приглашению города Кракова снова на польской земле.

Не скрою, в январе, когда поезд приближался к краковскому перрону, в сердце нет-нет да и закрадывалась тревога. Трудные годы для Польши были нелегкими, тревожными и для меня: когда друг в беде, на душе неспокойно. Но вот мелькнули на перроне бесконечно дорогие лица, и все отлегло.

Крепко обнялись. И как поется в песне, радость со слезами на глазах. Не было среди встречавших ни Юзефа Циранкевича, отважного в годы войны руководителя краковских коммунистов, ни Владислава Бохенека — талантливого конспиратора, нашего «химика», мудрого и верного друга, ни доктора Яна Новака, ни Генрика Возницы.

Безвременно ушедшие...

Уходят в вечность они и мы. Вот почему надо спешить рассказать молодым о том, что нами пережито, выстрадано, отвоевано.

18 января... В ознаменование сорокалетия освобождения Кракова в прославленном на весь мир театре Словацкого (в январе сорок пятого на одной из его стен я видел перечеркнутую накрест предостерегающую надпись: «Осторожно, мины!» и ниже: «Разминировано! Лейтенант Ивашковец») состоялось торжественное заседание Рады Народовой с участием ветеранов, бывших солдат и партизан, представителей рабочих коллективов, молодежи, общественных организаций.

В партере, на галерке много молодых лиц. Называются памятные события, имена спасителей Кракова, и среди них наши — почетных гостей города. Надо было видеть, прочувствовать, что творилось в эти минуты в зале.

...Решено: едем в Санку. Всей группой мы не собирались у Врубелей уже много лет — почти четверть века.

...Январь 1985-го выдался на редкость для этих мест снежным. В машине тепло. Шуршат шины по

расчищенному от заносов асфальту. Вспоминаются дороги сорок пятого... Черный снег, обгоревшие коробки танков, бесконечные колонны отступающих, огрызающихся гитлеровцев. Все ближе Сапка. Ольга волнуется: как там Стефа, Рузя, названные ее сестры. Вновь и вновь вспоминает первый день у Врубелей, разговор с Татусем. Ольга не стала скрывать, что она советская разведчица. Поймают - фашисты никого в доме не пощадят.

— Вот уже сколько лет прошло, а поверите,— продолжала Ольга, – стоит передо мной наш Татусь, как живой. Такой, каким видела последний раз в Мостелюнихе. В глазах ни страха, ни упрека, ни укора. Он еще и меня подбадривал...

Наконец показалась Сапка. Я, было, хотел остановить машину: к дому Врубелей ведет грунтовая дорога и по снегу легковушке не проехать. Но тут нас ждал приятный сюрприз.

Соседи Врубелей, узнав накануне о нашем приезде, вышли с лопатами на расчистку дороги. Глубоко тронутые таким вниманием, мы подъехали к самому дому, где нас уже ждали Стефа, Рузя, дети.

Пять просторных светлых комнат, центральное отопление, газ, телевизор. В гостиной на стене фотографии. На одной из них – увеличенной наш Татусь.

Как бы радовался он, видя, в каком достатке живут его дочери, каким многолюдным стал их дом.

У Рузи два сына. Старший работает трактористом в местном госхозе, младший, Збышек, недавно демобилизовался из армии. Дочери Марыся, Алиция — замужем. И подрастают, вот-вот пойдут в школу правнучки Михала Врубеля.

Давно нет уже ни старого дома, ни сарая, где я, сжавшись в комок, прислушивался в то страшное сентябрьское утро к чужой гортанной речи, тяжелому топоту сапог, крикам.

А что осталось?

Рузя что-то шепчет дочери Марысе, и та, набросив платок, кожушок, куда-то исчезает, но вскоре возвращается с ведром, наполненным чистой, прозрачной ключевой водой. Рузя достает из шкафа старую кружку: «Узнаешь, капитан Михайлов?» Лицо ее расцветает в улыбке. Стефа тоже довольно кивает головой.

- Жив наш лесной родничок, тот самый, из которого мы в сорок четвертом воду носили.

Припадаю к кружке и пью долго, неотрывно. Кажется, никогда не пил такой вкусной воды.

Хорошо у Врубелей. Не хочется уезжать. Но нас уже ждут в другом месте.

...Помните Чернихув, подпольную «пожарную» квартиру в колодце, где я провел несколько тревожных дней после провала нашей радиоквартиры в Санке? А мой белый кирпич в лицевой стене строящегося дома супругов Очкосей?!

Станислав, улыбаясь, напоминает о моем пожизненном праве (таков обычай) на одну из комнат в его доме:

— Так что мы вместе с капитаном Михайловым приглашаем группу «Голос» в Чернихув.

И вот мы — Гроза, Ольга, Тадек, Францишек Остафин — в доме Очкосей, где благодаря стараниям пани Гелены все уже готово к приему гостей.

Дом в два этажа, с огородом, большим садом, с теплицами, где Станислав, пенсионер, колдует над какими-то особыми сортами огурцов, помидоров. Плоды его неустанных трудов — руки Станислава всегда в движении, всегда в [illegible] — украсили за товарищеским обедом и наш [illegible] стол.

Первое слово о наших. В полях за Вислой сонной лежат в земле сырой. Это о них, наших товарищах, которые остались навеки под высоким небом освобожденной Польши. И о тех, кого уже нет вместе с нами...

Все было, как и во время прежних встреч: воспоминания, партизанские и фронтовые песни на польском, русском, украинском языках. И все же мы на этот раз больше говорили не о тех далеких, а совсем недавних событиях.

Встречи, диалоги... Их было немало. Мне рассказали об одной удивительной книге, которая была создана по инициативе известного польского писателя, ветерана войны Януша Пшимановского. У нее короткое и емкое название — «Память».

Эта книга, посвященная нашему братству по оружию, — настоящий подвиг. Проделана трудная, кропотливая работа по восстановлению тысяч и тысяч имен, мест захоронения советских воинов, павших на польской земле.

Мне часто пишут родные и близкие погибших героев.

Увы, далеко не все могут побывать в тех местах, где навеки остались их отцы, деды, братья, чтобы поклониться родным могилам. А книга — тоже памятник, если в ней имя дорогого человека... Слово долговечнее бетона и стали.

* * *

Приметы времени... Добрые и недобрые... Теперь, вспоминая поездки восемьдесят пятого, вижу как бы два Кракова.

Один — не по встречам, а по внешнему виду — зимний, хмурый, чем-то напоминающий январь сорок пятого.

Совсем другим, помолодевшим, приподнято праздничным, умытым весенними дождями, утопающим в транспарантах, в зелени и цветах, мы увидели город в мае, когда приехали на торжества, посвященные дням Киева в Кракове.

Расскажу о встречах неофициальных, порой совсем для меня неожиданных, о событиях, на первый взгляд, вроде и незначительных, но оставивших глубокий след в памяти сердца.

В главном универмаге неожиданно подбегает ко мне молодая миловидная женщина, обнимает, целует. Гляжу — уж больно знакомые глаза. Где я их видел?

Ну, конечно, Янинка, Янка Яворская, подпольщица, наша связная. Такая же юная, полная задора. И такие же насмешливые бесенята в бездонных глазах. Просто наваждение. Но ведь чудес не бывает.

— Я дочка Яники. А вас, дорогой капитан Михайлов, я сразу узнала. По фотографии, которую вы когда-то подарили маме, по ее рассказам.

Узнавали не только таким образом.

В январе и в мае о нашей группе подробно рассказывалось на страницах «Трибуны люду», «Дзенника польского», «Газеты краковской», «Эха Кракова». Варшавское телевидение демонстрировало документальный фильм «Акция «Голос», несколько раз нас показывали по телевидению Кракова.

Наши лица, видно, запомнились.

Случалось и так, что ко мне на улице подходили незнакомые люди — просто поздороваться, пожать руку «капитану Михайлову».

И была еще одна встреча.

Я возвращался к себе в гостиницу, заглянул на площадь, где в августе сорок четвертого гудела Тандета, прошел возле Главпочтамта и шумными рядами Сукеннице. Остановился ненадолго у одного из старинных краковских зданий «Под баранами».

Вспомнил наши экскурсии, рассказы Владислава Бохенека. Некогда в этом доме была харчевня, а во дворе содержались предназначенные на продажу и убой бараны. Они, а в более поздние времена подпирающие балкон три бараньи головы и дали название дому.

Живо представил себе Владислава, и в который раз защемило сердце. Столько лет прошло после его кончины, но я до сих пор не могу смириться с тем, что его нет с нами.

Он был верным, мужественным другом, настоящим товарищем.

Задумавшись, не заметил, как сразу за домом «Под баранами» очутился в царстве краковских цветочниц.

...Краковские цветочницы... Веселые, неугомонные искусницы.

В день рождения Адама Мицкевича, священный для каждого поляка, самая молодая и самая красивая цветочница обходит весь ряд, всех своих товарок. И каждая отбирает лучшие цветы «для Мицкевича». Затем королева краковских цветочниц с огромным букетом приходит к памятнику великого поэта, кладет у подножия. Прекрасный обычай.

Иду, вспоминаю, и вдруг:

— День добрый!

Оборачиваюсь — молодая цветочница с огромным букетом.

—Проше пана, квяты Кракова — капитану Михайлову.

Девушки и след простыл, а я все стоял, глубоко тронутый. И тут над Сукеннницами, над притихшей Мариацкой площадью, над весенним Краковом поплыли знакомые звуки «хейнала».

* * *

Эти строки не могу не написать.

В сообщениях из Польши часто мелькают названия, для кого-то — географические понятия, для меня частица моей жизни, нелегких будней военного разведчика: Тандета, камера смертников в Монтелюпихе и

Краков в январе сорок пятого, уцелевший, не взорванный, не сожженный, благодаря и нашим усилиям.

Вскоре после освобождения побывал я в Сандомире, Пшемысле, Ченстохове с его знаменитым на весь мир костелом, в котором икона XIV века «Ченстоховская богоматерь», тоже, к слову, спасенном стремительным наступлением Советской Армии. И всюду — свежие братские могилы: 600 тысяч советских воинов навеки полегли за «вольносць польску».

Да, знаю, в отношениях между нашими государствами не все было гладко.

Польша и Украина, Польша и Россия, Польша и Советский Союз...

Были столетия польского владычества на украинской земле, утверждаемые «огнем и мечом», была оккупация Киева польскими легионерами в 1920 г., но были и разделы Польши, и «даешь Варшаву», и пакт Молотова — Риббентропа, и депортации в 1940 году, Катынь. Длинным мог бы быть список взаимных обвинений, счетов, обид.

Но разве не пора подвести черту? Разве не перечеркнут этот список совместно пролитой кровью, братством, выверенным, проверенным в тяжких испытаниях?

И разве не об этом свидетельствуют мои послевоенные встречи в Польше, письма моих польских друзей — в них те же боль, сожаление,— которые я получаю в эти трудные дни?

В них черпаю надежду, веру: грязная пена уйдет, исчезнет, и снова польются чистые, животворные струи дружбы, братства.

И теперь повторяю как клятву вещие слова моего покойного друга Юзефа Зайонца:

«Будет труд впереди, будут грозные штормы. Но что бы ни случилось, кораблю нашей дружбы идти вперед».

Без страха всматриваюсь в Будущее. Я все такой же. Как и раньше — верный нашему девизу: «Dum spiro, spero». Надеюсь, верю. Пока живу. Пока дышу...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5
Поединок 7
Встреча с городом 20
Тандета 23
Побег 26
Станислав Малик 29
«Dum spiro...» 32
Снова вместе 36
Наша группа 38
Как это начиналось 46
Товарищ Михал 69
Скомский 72
16 сентября 74
На «пожарной» квартире 81
Бескиды 83
Возвращение Комара 94
Гроза в Кракове 98
Янек, Павлик и другие 103
Нас — двадцать шесть 107
Ян Новак 111
Салют Октябрю 116
«Крайне возмущен Вашим отношением ко мне» 119
Явоже 123
«Пауль» из Бухенвальда 127
Гроза «работает» на фюрера 131
Скавина 139
Завадка 142
Тревожное сообщение 144
Спасти город! 150
Курт Пеккель 153
«Козлувска валька» 159
Голос Киева 163
Третий... 165
Последние дни 168
Спасенный город 184
После Победы 205
Снова в Кракове 222
Письма и встречи 230
Гроза, Комар, Груша и другие 237
Разговор с читателем 244
Квяты Кракова 249

5
7
20
23
26
29
32
36
38
46
69
72
74
81
83
94
98
103
107
111
116
119
123
127
131
139
142
144
150
153
159
163
165
168
184
205
222
230
237
244
249